

СЛАВЯНЕ
ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
И СВЯЗИ.

СОЧИНЕНІЕ

ІОСИФА ПЕРВОЛЬФА,

орд. профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

ТОМЪ I.

Очеркъ исторіи Славянъ до XVIII вѣка.

ВАРШАВА.

Типографія К. Ковалевскаго, Королевская N. 29.

1886.

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета печатать позволяется.

и. д. Ректора Университета

А. Никитскій.

Варшава, 1886 г. 5 февраля.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Славянское племя раздѣлилось, въ слѣдствіе разныхъ событій и условій, на нѣсколько народовъ, особыхъ національныхъ, историческихъ и культурныхъ единицъ. Раздѣленіе или скорѣе раздробленіе произошло на западѣ и на югѣ, и результатомъ его— нынѣшніе славянскіе народы, на западѣ: Поляки ($9\frac{1}{2}$ мил. въ сплошной масѣ, а $1\frac{1}{2}$ мил. вь земляхъ русскихъ и литовскихъ), Чехи ($5\frac{1}{2}$ мил.), Словаки ($2\frac{1}{2}$ мил.), лужицкіе Сербы (160,000), на югѣ: Болгаре (5 мил.), Сербы и Хорваты (7 мил.), Словенцы ($1\frac{1}{3}$ мил.). Только славянскія племена на востокѣ сплотились въ одинъ великій народъ русскій (60 мил.). Національное раздробленіе усилилось въ слѣдствіе политическаго раздробленія, возникновенія на западѣ и на югѣ нѣсколькихъ небольшихъ государствъ, которыя однако не сохранили своей самостоятельности, а подпали подъ власть иноплеменниковъ, Нѣмцевъ, Угровъ, Итальянцевъ и Турокъ. Только на славянскомъ востокѣ русскій народъ сохранилъ себѣ, послѣ долговѣчной борьбы съ врагами внутренними и внѣшними, свою политическую самостоятельность и образовалъ сильное государство на прочныхъ основахъ. Къ національному и политическому раздробленію Славянъ прибавилось тоже ихъ раздвоеніе религіозно-культурное: Болгаре, Сербы и Русскіе примкнули къ восточной греческой церкви православной, и стали писать греческо-славянскимъ письмомъ; юго-западные Славяне, Поляки, Чехи, Словаки, лужицкіе Сербы, Словенцы и Хорваты примкнули къ западной латинской церкви католиче-

ской (позже многіе и къ протестантизму), и употребляютъ письмо латинское. Турецкое господство въ Болгаріи и въ Сербіи ознаменовалось между прочимъ и принятіемъ частью Болгаръ и Сербовъ ислама.

Такимъ образомъ раздробленіе Славянъ на нѣсколько народовъ, каждый съ своимъ языкомъ и литературою, съ своею исторіею и своими традиціями, стремленіями, идеалами, стало историческимъ фактомъ. Исторія и практическая жизнь знаетъ уже не славянскій народъ, а только народы славянскаго происхожденія, Ляховъ (Поляковъ) и Чеховъ, Хорватовъ и Словенцевъ, Сербовъ, Болгаръ, Русскихъ. Племенное единство и родство чувствовалось и сознавалось отдѣльными народами славянскими, вело иногда и къ болѣе осязательнымъ результатамъ въ ихъ жизни, на пр. къ значенію словѣнскаго церковно-литературнаго языка у православныхъ Славянъ, къ духовнымъ сношеніямъ Чеховъ и Поляковъ, и пр. Но племенный моментъ, раса, сама по себѣ еще не единитъ, а часто и разъединяетъ; славянскіе народы стали часто смотрѣть другъ на друга враждебно, иногда хуже, чѣмъ на иноплеменниковъ; такъ Поляки и Русскіе, Хорваты и Сербы, Болгаре и Сербы, и пр. Раздѣленіе Славянъ на нѣсколько народовъ, раздвоеніе ихъ въ религіозно-культурномъ отношеніи, породило много другихъ факторовъ дальнѣйшаго ихъ отчужденія. Славяне православные и католики стали глядѣть другъ на друга враждебно, какъ на приверженцевъ двухъ враждующихъ христіанскихъ церквей, какъ на „латинянъ" и на „грековъ схизматиковъ"; и такъ какъ вѣроисповѣданіе сдѣлалось у многихъ народовъ славянскихъ существенною частью ихъ народности (православіе — вѣра русская, сербская, католицизмъ — вѣра польская, хорватская), то и этотъ религіозный антагонизмъ способствовалъ разъединенію и отчужденію Славянъ. Это продолжается до сихъ поръ; Поляки и Русскіе не долюбливаютъ другъ друга не только какъ Ляхи и Русь, а тоже какъ католики и православные; Хорваты и Сербы, хотя они составляютъ собственно только двѣ половины одного народа и говорятъ на одномъ языкѣ, смотрятъ другъ на друга не очень дружелюбно, католики Хорваты на „хришѣанъ влаховъ" (православныхъ), а православные Сербы на

„кршћанъ шокцовъ“ (католиковъ). Къ православнымъ и католикамъ Славянамъ прибавились потомъ и разные Славяне „еретики“ (богомилы—патарены, гуситы, протестанты), и наконецъ и просто „невѣрные“ мусульмане изъ Сербовъ и Болгаръ.

Славянскіе народы, живя каждый самостоятельною жизнью, стремились къ завоеваніямъ не только странъ иноплеменныхъ а тоже славянскихъ. Между ними возгоралась нерѣдко борьба изъ-за политическаго первенства, и послѣдствій этой борьбы не могли изгладить ни неудача непосильныхъ плановъ, ни время. Такъ борьба Поляковъ и Русскихъ изъ-за югозападной Руси, изъ-за преобладанія въ восточной Европѣ, длилась нѣсколько вѣковъ, и ея послѣдствія отражаются до сихъ поръ на обоихъ славянскихъ народахъ, хотя эта борьба давно безповоротно рѣшена въ пользу Русскихъ и перерѣшеніе ея уже невозможно. Подобное тому явленіе, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, замѣчается и въ юговосточной Европѣ, на балканскомъ полуостровѣ, гдѣ Хорваты и Сербы, Сербы и Болгаре оспариваютъ другъ у друга „первенство“, и гдѣ такой споръ повелъ недавно къ кровавому столкновенію Сербовъ и Болгаръ. Такое соревнованіе, такая борьба славянскихъ народовъ изъ-за какихъ то воображаемыхъ привилегій давала и даетъ поводъ къ ихъ раздраженію, озлобленію, ожесточенію, враждѣ, къ безплодной растратѣ силъ, и къ дальнѣйшему ослабленію Славянства на пользу иноплеменниковъ. Duobus litigantibus tertius gaudet.

Славяне разошлись не менѣе, чѣмъ народы германскіе или романскіе. Трудно же говорить о славянскомъ народѣ и его племенахъ, о славянскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ, если въ дѣйствительности *нѣтъ* одного языка славянскаго, этого главнаго представителя и двигателя національнаго единства, если тѣ воображаемыя „племена“ славянскія не понимаютъ другъ друга, если *нѣтъ* одной славянской литературы, одной славянской культуры, не говоря о другихъ разъединяющихъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Будетъ-ли со временемъ такое единство у Славянъ, превратятся-ли Славяне изъ этнографическаго понятія въ національную единицу съ однимъ языкомъ, съ одною литературною и культурною жизнью, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ все это вопросы будущаго. А до тѣхъ поръ сла-

вянскіе народы относятся другъ къ другу, какъ народы германскіе или романскіе, Поляки и Русскіе какъ Голандцы и Нѣмцы, Чехи и Поляки какъ Фламандцы и Голандцы, Сербы и Болгаре какъ Датчане и Шведы и пр. Да разъединеніе Славянъ пошло еще дальше, чѣмъ разъединеніе Германцевъ или Романцевъ. Если Нѣмцы, Голандцы, Фламандцы, Датчане и Норвежцы, Шведы, если Французы, Итальянцы, Испанцы, Португальцы, представляютъ особые народы, съ своими языками и литературами и съ своею исторіею, то все таки у всѣхъ этихъ народовъ германскихъ и романскихъ культура одна и письмо одно. Между тѣмъ у Славянъ нѣтъ даже единства письма; русскую книгу можетъ разсматривать Болгаринъ и Сербъ, но не югозападный Славянинъ. Если бы Славянамъ удалось сохранить по крайней мѣрѣ національный, политическій и литературный тріализмъ (назовемъ его Ляхи, Словѣне, Русь), обусловленный ихъ географическимъ положеніемъ, если бы термины Славяне западные и южные пріобрѣли такое значеніе, какъ терминъ Славяне восточные — Русь, то взаимныя отношенія Славянъ, не смотря на культурное раздвоеніе, установились бы вѣроятно въ такомъ родѣ, какъ на пр. взаимныя отношенія Французовъ, Итальянцевъ, Испанцевъ; западные Славяне и южные Славяне составляя двѣ довольно крупныя политическія и національныя единицы на подобіе Славянъ восточныхъ, стали бы развиваться въ данномъ обширномъ просторѣ болѣе свободно, болѣе безопасно со стороны внѣшнихъ враговъ. Въ такомъ случаѣ ихъ племенное единство, родство Славянъ, имѣло бы чисто теоретическое значеніе, какъ на пр. племенное единство латинскихъ, романскихъ народовъ. Но такой тріализмъ не сталъ историческимъ фактомъ. Западные и южные Славяне раздробились на нѣсколько народовъ, мелкихъ и слабыхъ; ихъ историческая жизнь представляетъ *борьбу за существованіе* съ иноплеменными сильными народами, преимущественно Нѣмцами, и эта опасная и непосильная борьба кончается иногда гибелью или порабощеніемъ нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ иноплеменниками. Эта опасность придала теоретическому племенному родству Славянъ и практическое значеніе: мелкіе славянскіе народы стали уже давно въ общемъ

племенномъ родствѣ, въ *славянской идеѣ*, искать опору и якорь спасенія, стали во имя этого родства и въ избѣжаніе порабощенія иноплеменниками, искать и силу въ сближеніи и единеніи.

Славянская идея служила для Славянъ западныхъ и южныхъ нравственною опорою въ ихъ національномъ возрожденіи, сопровождаемомъ всевозможными затрудненіями и препятствіями. Славянская идея создала особую науку, славяновѣдѣніе — славистику, сравнительное изученіе языковъ и литературъ, быта, исторіи славянскихъ народовъ. Славянская идея, составляя для Славянъ важную нравственную поддержку въ дѣлѣ ихъ возрожденія, вмѣстѣ съ тѣмъ дала поводъ и къ разнымъ разсужденіямъ и мечтаніямъ въ области культурной и политической жизни Славянъ. Славяне начинаютъ обмѣниваться мыслями, мечтаніями, надеждами, высказывать ихъ въ литературѣ, въ стихахъ, въ практической жизни, въ сеймахъ, на съѣздахъ (на пр· пражскомъ 1848-го года и московскомъ 1867-го года). Создаются идеалы, литературные, культурные, политическіе, мѣняются какъ въ калеидоскопѣ, лелѣятся отдѣльными лицами, кружками, партіями, народами, не смотря на то, что дѣйствительность дотрогиваясь до нихъ, очень часто разрушаетъ ихъ безпощадно, выставляетъ ихъ воздушными замками, обзываетъ ихъ фата моргана, безжалостно глумится надъ ними и жестоко ихъ преслѣдуетъ. Но идеалы все таки создаются, передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію, и это важно въ развитіи каждой *великой идеи*. „Zu *einer* Nation, der slawischen, gehörend, stehen wir doch immer in einiger Verbindung der Sprachverwandtschaft. Wir wollen die Vorsehung über die Schicksale der Völker walten lassen. Vielleicht liegt es in ihrem Plane, die Völker von einerlei Abkunft, nach unendlichen Abweichungen und Verirrungen, wiederum einst zu vereinigen". Эти замѣчательныя слова высказалъ уже въ концѣ прошлаго вѣка, не славянскій поэтъ, а великій патріархъ славяновѣдѣнія, Іосифъ Добровскій.

Идея народности овладѣла въ новѣйшее время всѣмъ историческимъ развитіемъ народовъ; она разрушаетъ государства старыя и создаетъ новыя, и собираетъ разбредшіяся и разорванныя части одного народа въ одно политическое цѣлое. Народность,

національный моментъ, выражаемый на этнографическихъ картахъ—вотъ главный въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ двигатель жизни народовъ. Идея народности, проникающая всю жизнь славянскихъ народовъ, тѣсно связана съ славянскою идеею. Событія въ Италіи и Германіи, состоявшіяся подъ знаменемъ идеи народности, живо отразились и въ славянскомъ мірѣ, преимущественно въ Австріи и Турціи, а событія послѣдняго десятилѣтія на балканскомъ полуостровѣ заставляютъ Славянъ и не-Славянъ безъ умолку разсуждать о славянской идеѣ, о славянскомъ вопросѣ, о панславизмѣ и пр. Болгаре стремятся къ соединенію всѣхъ болгарскихъ земель, Сербы желали бы тоже соединенія всѣхъ сербскихъ земель, и пр. Славянская идея, хотя она, въ сравненіи съ предыдущими временами возрожденія Славянъ, выяснилась въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, все таки по прежнему даетъ поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ, понимается и рѣшается чрезвычайно разнообразно, все еще болѣе субъективно, чѣмъ объективно, болѣе чувствами, симпатіями, чѣмъ умомъ и разсудкомъ, съ точки зрѣнія разныхъ мечтаній, теорій и доктринъ, кружковъ и партій, какъ славянская взаимность, какъ вопросъ духовный, лингвистическій и литературный, культурный, религіозный, или какъ вопросъ политическій, какъ славянская федерація или единая монархія, какъ „панславизмъ", какъ соединеніе всѣхъ Славянъ подъ главенствомъ Россіи, что по представленіямъ нѣкоторыхъ народовъ западной Европы, особенно Нѣмцевъ, составляетъ угрозу европейской цивилизаціи и побѣду варварства, и пр. и пр. Вообще „славянская идея" еще не строго формулирована, да и не можетъ быть еще формулирована; представленія о ней смутны, запутаны, сбивчивы, они еще не установились, не кристализовались. Все это понятно при вопросѣ столь сложномъ, щекотливомъ и незрѣломъ, трактуемомъ по необходимости осторожно и сдержанно, съ недомолвками и съ задними мыслями, разсматриваемомъ пока болѣе фантазерами, дилетантами, теоретиками, доктринерами, литераторами, чѣмъ государственными людьми и практическими политиками. По этому и неизбѣжны всѣ тѣ безконечные споры и недоразумѣнія, пререканія, раздраженія, разочарованія между самими Славянами,

по поводу „славянскаго вопроса“, этого хаоса, этой rudis indigestaque moles. Но дѣло тутъ не въ разныхъ мнѣніяхъ и фантазіяхъ на счетъ славянскаго вопроса, хаотическое состояніе котораго можетъ мигомъ разсѣяться отъ одного луча свѣта; важно то, что *славянская идея* все *существуетъ*, не только въ умахъ образованныхъ Славянъ, а тоже въ болѣе широкихъ кружкахъ славянскихъ народовъ. Славяне, правда, продолжаютъ, по прежнему, ссориться другъ съ другомъ, наносить себѣ удары и вредъ, служить иноплеменникамъ и ихъ интересамъ, дѣлая это волей неволей; но вмѣстѣ съ тѣмъ они продолжаютъ тоже думать, мечтать, и на сколько хватитъ средствъ, разсуждать о „славянской идеѣ“. Вспомнимъ только славянскіе съѣзды пражскій 1848-го г. и московскій 1867-го г., польское возстаніе 1863-го г., восточныя войны 1853—1856 и 1875 -1878 г., сербско-болгарскую войну 1885-го года; какія мысли и разсужденія о славянскомъ вопросѣ, какія волненія во всемъ славянскомъ мірѣ породили всѣ эти событія!

Славянская идея въ разныхъ своихъ фазисахъ составляетъ соединяющее звено въ исторіи славянскихъ народовъ. Прослѣдить эту славянскую идею въ взаимныхъ отношеніяхъ и связяхъ Славянъ, на сколько она является въ литературѣ и въ жизни практической, политической и культурной, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ: вотъ задача этого моего труда.

Первый томъ посвящается очерку исторіи Славянъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка. Въ этомъ вѣкѣ политическое положеніе Славянъ выяснилось; западные и южные Славяне лишились окончательно политической самостоятельности (паденіе Польши), и сдѣлались подданными Нѣмцевъ; славянская независимость сохранилась на Руси, которая, послѣ успѣшной борьбы съ Польшею изъ-за первенства въ восточной Европѣ, сдѣлалась единственнымъ самостоятельнымъ славянскимъ государствомъ, и съ тѣхъ поръ вліяетъ мало по малу на судьбы южныхъ и западныхъ Славянъ; начинается возрожденіе Славянъ западныхъ и южныхъ при помощи славянской идеи, возникаетъ, по почину безсмертнаго Іосифа Добровскаго, славистика-славяновѣдѣніе, наука сдѣлавшая очень много въ дѣлѣ дальнѣйшаго сближенія

и единенія Славянъ. Такимъ образомъ на рубежѣ XVIII—XIX вв. начинается новая эпоха въ исторіи Славянъ.

Политическая исторія Славянъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в. не могла быть разсматриваема какъ одно цѣлое, какъ одна исторія Славянъ; въ слѣдствіе слишкомъ далеко дошедшаго ихъ разъединенія, надо было разсматривать уже исторію отдѣльныхъ народовъ славянскихъ. Представляя очеркъ исторіи славянскихъ народовъ, я ограничился только самыми выдающимися, знаменательными фактами. На нѣкоторые вопросы древнѣйшей исторіи Славянъ смотрю иначе, чѣмъ другіе историки, и считаю западныхъ и подунайскихъ Славянъ автохтонами ихъ странъ. Внутренній бытъ Славянъ могъ быть разсматриваемъ какъ одно славянское цѣлое, такъ какъ здѣсь общія всѣмъ Славянамъ черты еще преобладаютъ надъ чертами въ жизни отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и надъ принятыми чужими учрежденіями. Въ очеркѣ исторіи и быта Славянъ первое мѣсто отведено русскому народу, какъ первому по числу и значенію славянскому народу, отстоявшему себѣ не только политическую самостоятельность, но сохранившему и бытовыя черты славянскія больше, чѣмъ остальные славянскіе народы. Надѣюсь, что моя книга найдетъ не однихъ только читателей русскихъ а тоже изъ другихъ Славянъ, которые привыкли уже черпать свои свѣдѣнія объ общеславянскихъ вопросахъ преимущественно изъ русской литературы. Приводя литературу славянской историографіи, я ограничился только самыми важными сочиненіями, особенно такими, въ которыхъ приведена библіографія предмета. Болѣе подробныя свѣдѣнія по библіографіи славянской исторіи вообще, и по вопросамъ литературнымъ и другимъ, можно найдти въ важномъ трудѣ Пыпина и Спасовича: Исторія славянскихъ литературъ. Во второмъ томѣ своего сочиненія поговорю о сознаніи племеннаго единства у Славянъ въ литературѣ, въ третьемъ—объ отношеніяхъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ другъ къ другу, въ четвертомъ — о возрожденіи Славянъ и о развитіи славянской идеи за послѣднее столѣтіе. Эта програма моего труда опредѣляетъ его отношеніе къ моей книгѣ „Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в.“ (Петербургъ, 1874), которую

считаю только попыткою по данному вопросу и рамкою для настоящаго своего труда. Историческое введеніе, составляющее этотъ первый томъ (стр. 208), наполняетъ въ той моей книгѣ всего 35 страницъ. За указаніе пробѣловъ, промаховъ и недостатковъ буду благодаренъ.

Желаю, чтобъ этотъ мой трудъ способствовалъ, на сколько это возможно, укрѣпленію славянской идеи у Славянъ западныхъ и южныхъ, для которыхъ наступаютъ тяжелыя времена, и среди русскаго народа. Кому больше дано, съ того больше и спросится. Если съ одной стороны славянская идея считается западными и южными Славянами якоремъ спасенія, то съ другой стороны важность и значеніе ея и для Россіи съ каждымъ днемъ все больше выясняется и усиливается. „Славянскій вопросъ", т. е. выясненіе и опредѣленіе будущей судьбы Славянъ западныхъ и южныхъ, все настойчивѣе и громче стучится въ ворота великой восточно-славянской имперіи, неумолимо требуя для себя вниманія всѣхъ кружковъ русскаго народа. Отворачиваться отъ этого вопроса, игнорировать его, отпираться отъ него, глумиться надъ нимъ, проклинать его—все это совершенно неумѣстно и напрасно. Дѣло идетъ вовсе не о какихъ-то сентиментальныхъ чувствахъ и слезливыхъ симпатіяхъ къ „братушкамъ", а касается самыхъ существенныхъ, реальныхъ, жизненныхъ интересовъ Россіи, и требуетъ всесторонняго напряженія всѣхъ ея матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Каждый истый Славянинъ, не только на востокѣ, но и на западѣ и на югѣ, понимаетъ все значеніе словъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, высказанныхъ недавно по поводу сербско-болгарскаго столкновенія, что ОНЪ „глубоко опечаленъ братоубійственною войною между славянскими народами".

Варшава, 25 декабря 1885 года, въ годъ тысячелѣтней памяти о кончинѣ св. Меѳодія.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ СЛАВЯНЪ

ДО XVIII ВѢКА.

Kość z kości ojców naszych ród jeden składamy,
I jednym wszędzie duchem oddychamy.
Woronicz.

I.

ДРЕВНѢЙШАЯ ИСТОРІЯ СЛАВЯНЪ [1]).

Народы, извѣстные въ послѣдствіи подъ названіемъ *Славянъ* (Словѣне, Словяне, Словене, Словине),—отрасль великаго племени арійскаго или индоевропейскаго, поселившагося въ средней Азіи. Оттуда двинулись еще въ доисторическія времена многіе народы на западъ въ Европу. На крайнемъ западѣ поселились *Галы* или *Кельты*, на югѣ въ Италіи *Латины*, между которыми первенствующее мѣсто заняли *Римляне*; дальше на балканскомъ полуостровѣ *Илиры*, *Ѳракійцы*, *Елины* или *Греки*; среднюю Европу глубоко на сѣверъ въ Скандинавію заняли *Нѣмцы*, и на востокъ отъ нихъ поселились *Славяне* и *Литовцы*. Это переселеніе арійскихъ народовъ въ Европу состоялось въ теченіи многихъ вѣковъ, и новымъ пришлецамъ надо было бороться съ древними жителями тѣхъ странъ, равнымъ образомъ какъ и Арійцамъ, двигающимся на югъ въ Индію, пришлось бороться съ тамошними жителями. Славяне и Литовцы столкнулись съ древними жителями восточной Европы, съ Чудью или Финами.

Славяне поселились въ обширныхъ земляхъ отъ адріатическаго моря черезъ альпійскія и полабскія страны до моря балтійскаго, и черезъ подунайскія страны на сѣверъ и на востокъ за

---

[1]) Šafařík: Slovanské Starožitnosti (1837, переводы русскій, польскій и нѣмецкій). Ср. нашу статью: Slavische Völkernamen (Archiv für slav. Philologie VII, VIII).

Карпаты до Двины и до Днѣпра. Эти земли означались у древнихъ Грековъ и Римлянъ географическими названіями: земля адріатическихъ Венетовъ, Норикъ, Ретія, Винделикія, восточная Германія, Панонія, Дакія, Скиѳія, Сарматія. Славяне сосѣдили на югѣ съ Латинами и Галами сѣверной Италіи, по которымъ всѣ Италики (въ томъ числѣ также Римляне) у Славянъ назывались Влахи (Влохи, Волохи), какъ и до сихъ поръ Италія и Итальянцы называются у Словенцевъ, Чеховъ и Поляковъ (Лахи, Влахи, Влохи), и вообще у Славянъ люди латинскаго, романскаго происхожденія, особенно восточные (Влахи, Волохи, Валахи). Въ подунайскихъ земляхъ Славяне граничили съ племенами илирскими и ѳракійскими. На западѣ по рѣкѣ Лабѣ были Нѣмцы сосѣдями Славянъ, которые однако занимали отъ части и южную Германію до Рейна. На сѣверѣ по балтійскому морю, между Вислою и Двиною, жили ближайшіе соплеменники Славянъ, Литовцы; на сѣверѣ и востокѣ, по Двинѣ и по Днѣпру до Чернаго моря сосѣдями Славянъ были племена чудскія.

Славяне, какъ одна отрасль арійскаго племени, съ начала не имѣли одного названія. Въ древнѣйшія времена было у нихъ и у ихъ сосѣдей очень распространено названіе *Венеты* (*Венты, Анты*, у Нѣмцевъ *Венеды*, *Венды*, *Винды*), хотя это названіе не означало еще всѣхъ народовъ названныхъ въ послѣдствіи Славянами. Подъ названіями *Скиѳовъ*, *Сарматовъ* и *Даковъ* (*Гетовъ*) скрываются несомнѣнно тоже славянскіе народы, хотя эти названія давались вообще разнымъ народамъ, обитавшимъ въ восточной Европѣ, въ черноморской и поднѣпровской *Скиѳіи* и *Сарматіи*, и въ подунайской *Дакіи*.

Названіе *Венеты* было распространено отъ адріатическаго моря, гдѣ жили Венеты, черезъ альпійскія страны около венетскаго озера (нынѣ боденскаго) въ землю Винделиковъ (Виндовъ па рѣкѣ Ликѣ, нынѣ Лехъ) и дальше въ земли полабскія и балтійскія, гдѣ жили Виндилы (Вандилы, Вандалы), на востокъ въ Поднѣпровье въ Сарматіи, гдѣ обиталъ „великій народъ“ Венетовъ или позднѣйшіе „безчисленные“ Анты и восточно-русское племя Вятичей. Кажется, что это названіе объясняется славянскимъ **ват** — великій, и Венеты (**В**аты, Вятичи) означали

великаны, споли (исполины), споры (люди спорые); также и въ нѣкоторыхъ древненѣмецкихъ нарѣчіяхъ слово *ent* означаетъ исполина. Но со временемъ исчезаетъ названіе, Венеты у самихъ этихъ народовъ какъ болѣе общее названіе и ограничивается восточными племенами (Анты, Вятичи); только западные сосѣди, Нѣмцы, продолжаютъ называть своихъ славянскихъ сосѣдей ***Виндами, Вендами***, отъ моря адріатическаго (Винды-Словенцы) до балтійскаго (Венды-полабскіе Сербы, балтійскіе Славяне, скандинав. Vindland); также и Чудь знаетъ это древнее названіе, означая имъ (*Вене*) своихъ славянскихъ сосѣдей, Русскихъ.

Адріатическіе Венеты, подпавши подъ власть Рима, рано олатинились, и латинскій языкъ распространялся потомъ, съ римскимъ господствомъ, тоже въ земляхъ альпійскихъ и подунайскихъ, въ Норикѣ, Панонін, Дакіи, гдѣ жили славянскія племена рядомъ съ другими. Уже древнѣйшія географическія названія въ тѣхъ странахъ имѣютъ отъ части славянскій характеръ: Longaticum (Лѫгатец, нын. Логатец). Saloca (нын. Залока), Bregetium, Serbetium, Pelso (плесо т. е. озеро, нын. Блатно), Metubaris (островъ међу барами—между болотами), Ulca—Volca (рѣка Влъка, нын. Вука), Oseriatae (племя около озера Блатна), Breuci (племя, нын. Брайцы), Pessium (Пешть), Patissus (Потисье), Tsierna (Черна), Bersovia (Бръзава), Bustricius (Бистрица), и др. Также и имена нѣкоторыхъ лицъ тѣхъ странъ можно считать славянскими, а не непремѣнно илирскими или кельтскими, напр. Bussumarus, Brogimarus, Jantumarus, Verbacius, Catussa, и др. Латинскія слова въ славянскихъ языкахъ, именно въ языкѣ подунайскихъ Словѣнъ, *цьсарь* (caesar) и *колѧда* (calendae), имя завоевателя Дакіи, римскаго императора Траяна (*Трояна*) въ преданіяхъ южныхъ и восточныхъ Славянъ—указываютъ на болѣе продолжительныя сношенія Славянъ, именно подунайскихъ, съ Римлянами. Словѣнскія слова въ готскомъ языкѣ (plinsjan—плѧсати, dulgs—дльгъ, siponeis—жупанъ, plats—платъ), и готскія слова въ словѣнскомъ языкѣ (усерѧзь—ausahrings, врътоградъ—aurtigards), указываютъ на продолжительное общее пребываніе Словѣнъ и Готовъ въ Дакіи, гдѣ послѣд-

ніе являются въ III в. послѣ Р. Х., тѣхъ же самыхъ Словѣнъ, которые въ V вѣкѣ употребляли напитокъ *медъ* и справляли похоронный пиръ *страву*. Память о борьбѣ подунайскихъ Славянъ съ Римлянами-Влахами (Волохами) и завоеванія ими Дакіи, сохранились долго въ преданіяхъ русскихъ, по которымъ оно и дало толчекъ къ выселенію многихъ славянскихъ (словѣнскихъ) племенъ изъ Подунавья на сѣверо-западъ въ балтійскія и на сѣверо-востокъ въ черноморскія, поднѣпровскія страны; также и по древнимъ чешскимъ и польскимъ преданіямъ праотцы Чеховъ и Ляховъ вышли изъ Подунавья, которое и считается матерью и гнѣздомъ всѣхъ Славянъ, отъ таинственнаго Дуная, играющаго извѣстную роль въ славянскихъ преданіяхъ. Это движеніе многихъ Славянъ отъ Дуная на сѣверъ могло происходить еще раньше римскихъ завоеваній, и Славяне могли здѣсь на сѣверѣ смѣшаться съ соплеменниками Венетами; этимъ можно объяснить двойное названіе для одного и того же народа, Венды у Нѣмцевъ, и Славяне у Славянъ.

Очень вѣроятно, что могущественные *Свевы*, обитавшіе во всей восточной Германіи, суть *Славяне* (Suevi, Slavi), какъ эти полабско-балтійскіе Славяне назывались и въ послѣдствіи (Slavi, Словене), да отъ части до сихъ поръ (поморскіе Словенцы, Словинцы). Названія многихъ свевскихъ племенъ имѣютъ славянскій характеръ и встрѣчаются до позднѣйшихъ временъ, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. *Ракаты* на рѣкѣ Те и Ракаты въ поляхъ—позднѣйшіе *Ракоусы* на рѣкѣ Дыѣ и Ракоусы—Поляне (in den Bolanen); *Баимы*—позд. *Боимы*, *Боймане* (Boemi, Boemani): *Корконты*—позд. *Кръконоши*, названіе сохранившееся въ названіи горъ; *Луги*—позд. *Лужицы*; *Мугилоны*—позд. племя около города *Могильна*; *Линги*—позд. полабскіе *Лингоны*; *Виндилы* балтійскіе—позд. *Vindland*; *Варины*—позд. *Варны*; *Руги*—позд. *Ругіаны*, *Руяне*; *Готоны*, *Гитоны*—позд. *Гданяне*, и пр. О славянскомъ характерѣ нѣкоторыхъ названій едвали можно сомнѣваться: ракоусы, кръконоши, варны (вороны)—прозвища племенъ, боймане—воины, луги, могила, и пр. По этому можно видѣть и въ *Маркоманахъ*—позд. *Моравянъ*, въ *Квадахъ*—какое нибудь племя Словаковъ, въ *Реудигнахъ*—позд. *Редаровъ* (Рата-

рей) и пр. Южные Свевы, прилежащіе къ среднему Дунаю, боролись съ наступающими на нихъ Римлянами, которымъ пришлось выдерживать по Дунаю напоръ народовъ славянскихъ на Норикъ, Панонію, и другія задунайскія земли, куда Славяне распространялись изъ потерянной Римлянами Дакіи.

Въ восточной Европѣ, въ Скиѳіи и Сарматіи жило много славянскихъ племенъ. Въ „Скиѳахъ земледѣльцахъ и ратаяхъ", осѣдлыхъ по среднему Днѣпру, можно видѣть позднѣйшихъ *Полянъ* (кіевскихъ), въ *Сарматахъ — Сербовъ*, въ сарматскихъ *Роксаланахъ—Рось (Русь)*, въ *Неврахъ—Нуровъ*, Нурскую землю по рѣкѣ Нуру и Бугу, въ *Буланахъ*—Полянъ между Одрою и Вислою, въ *Пѣнинахъ* — жителей Пѣнинъ, какъ называются до сихъ поръ западные Карпаты (Хребты), въ *Бесахъ*—жителей карпатскихъ Бескидовъ, Бещадовъ, въ *Карвонахъ—Кревянъ, Кривичей*, въ *Саварахъ— Сѣверянъ*, въ сарматскихъ *Венетахъ—Антовъ, Вятичей*, и пр. Въ подкарпатскихъ странахъ жили *Карпы* (*Карпіаны*), по всей вѣроятности *Хорваты* (*Хрѣваты, Карваты*), которые часто воевали съ Римлянами по Дунаю, двигаясь на югъ; подунайскіе *Сарматы*, воевавшіе съ Римлянами, по всей вѣроятности *Сербы*, которые, вмѣстѣ съ Хорватами, двигались тоже на югъ. Въ числѣ многочисленныхъ варваровъ, нападавшихъ на римскую имперію въ земляхъ подунайскихъ, несомнѣнно было тоже много другихъ славянскихъ народовъ, которые здѣсь дѣйствуютъ сообща съ нѣмецкими (Готами, Гепидами, Лангобардами и др.), двигающимися съ востока, отъ Черноморья и Дакіи, на западъ.

Славяне подунайскіе и черноморскіе, не всегда живя въ сильныхъ государствахъ въ родѣ древней Скиѳіи или Дакіи, а часто пребывая въ политическомъ раздробленіи, дѣлались добычей своихъ сосѣдей и другихъ чужихъ народовъ, прежде Римлянъ, позже Готовъ, Гуновъ (Хуновъ). Послѣдніе, темнаго происхожденія, освободили черноморскихъ Антовъ отъ господства Готовъ и основали въ подунайскихъ странахъ сильное государство, находясь съ Славянами въ дружескихъ отношеніяхъ. По смерти гунскаго царя Атилы распалось гунское государство; часть карпатскихъ и подунайскихъ Славянъ очутилась подъ вла

стью *Обровъ* (*Аваровъ*), память о которыхъ проклинпалась еще въ позднѣйшія времена на южной Руси, между тѣмъ какъ у западныхъ Славянъ ихъ названіе приняло значеніе исполина (обръ, обринъ, оборъ).

Съ VI вѣка подунайскіе Славяне (Словѣне) становятся для восточно-римскаго царства все болѣе страшнымъ врагомъ, распространяясь за Дунай, въ Далмацію, Мизію, Ѳракію, Македонію, и дальше до самой Греціи. Такимъ образомъ балканскій полуостровъ сдѣлался по большей части славянскимъ; давно оромаленные жители тамошнихъ странъ, Влахи, покорены, или вытѣснены въ горы, или наконецъ ославянились; славянское вліяніе коснулось тоже потомковъ Илировъ и Эпиротовъ, Албанцевъ (Шкипетаровъ), и отъ части также Грековъ. Съ другой стороны имя Славянъ дѣлается болѣе извѣстнымъ и на западѣ, на границѣ Италіи, въ альпійскихъ странахъ, и дальше въ земляхъ полабскихъ и балтійскихъ. Наконецъ имя Славянъ распространилось и на востокъ, вытѣсняя имя Антовъ.

Такимъ образомъ имя „Славяне“ (Словѣне, Словене, Словине) сдѣлалось общимъ названіемъ всего великаго племени арійскаго, которое прежде было извѣстно по большей части подъ именемъ Венетовъ. Нѣкоторыя племена употребляли имя „Славяне“ тоже въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Альпійскіе Словенцы, панонскіе и дакійскіе и византійскіе Словѣне, адріатическіе Словине,— всѣ они говорили на языкѣ „словенскомъ, словѣнскомъ, словинскомъ“, хотя они и назывались Хорутане, Хорваты, Захолмяне, Сербы, Сѣверяне, Бръзяки, Езеричи и пр. Нѣкоторые изъ нихъ только въ послѣдствіи стали говорить тоже на языкѣ „хорватскомъ“ и „сербскомъ“; между тѣмъ хорутанскіе и др. Словенцы говорятъ до сихъ поръ по-словенски (= нѣмецк. windisch), далматскіе Словине (Хорваты и Сербы) писали до недавна по-словински, и словѣнскій (словенскій) языкъ подунайскихъ Словѣнъ раздается, хотя въ измѣненномъ видѣ, въ церквахъ южныхъ и восточныхъ Славянъ до сихъ поръ. Равнымъ образомъ и западные Славяне, полабскіе и балтійскіе, хотя они и назывались Ободричи, Лютичи, Стодоряне, Поморяне и пр., свой языкъ называли не иначе какъ „словенскимъ“, и такъ его

называютъ послѣдніе ихъ остатки, поморскіе Словинцы, что Нѣмцы всегда называли Wenden, wendisch. Между тѣмъ у полабскихъ Сербовъ (нѣм. тоже Wenden), у ближайшихъ соплеменниковъ балтійскихъ Славянъ, Ляховъ—Полянъ, у Чеховъ, являются языки „сербскій", „польскій", „чешскій"; а ближайшіе соплеменники Чеховъ, подкарпатскіе Словаки называютъ свой языкъ до сихъ поръ „словенскимъ". На востокѣ, по Днѣпру и по Двинѣ, новгородскіе Словѣне (Словене) сохранили это свое частное названіе до XII в.; они и остальныя славянскія племена на востокѣ, Кривичи, Дреговичи, Дулѣбы, Волыняне, Деревляне, карпатскіе Хорваты, Тиверцы, Угличи, Поляне (кіевскіе), Сѣверяне, Вятичи и др., рано приняли общее названіе *Русь*, другое названіе кіевскихъ Полянъ. Русскіе Славяне, часть которыхъ производила себя отъ подунайскихъ Славянъ, двигались все на сѣверо-востокъ въ земли чудскія, которыя дѣлались русскими.

Огромно было пространство, занимаемое Славянами въ VI и VII вв.: они заселяли среднюю, юго-восточную и восточную Европу, начиная съ Лабы, средняго Дуная и Альпъ глубоко на востокъ за Днѣпръ къ верховьямъ Волги и Дона, и отъ балтійскаго моря и ильменскаго озера на югъ къ морямъ Черному, эгейскому и адріатическому. Кромѣ того Славяне жили тоже въ южной Германіи до Рейна дальше въ Малой Азіи, Сиріи, въ сѣверной Африкѣ, Испаніи, Сициліи, въ арабскихъ владѣніяхъ. Это распространеніе Славянъ поражаетъ иностранцевъ; уже въ VI в. они называютъ Славянъ народомъ многочисленнымъ, поселившимся въ чрезмѣрныхъ пространствахъ (per immensa spatia Venetarum natio populosa consedit), народомъ безмѣрнымъ (ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα); въ IX в. они называютъ Славянъ не рожденными а посѣянными (Suevi non sunt nati sed seminati); да одному нѣмецкому лѣтописцу XII в. казалось, что разросшагося славянскаго народа нельзя даже сосчитать (eousque latitudo slavicae linguae succrescit, ut paene careat aestimatione). Но съ другой стороны одинъ Арабъ X в. замѣтилъ, что еслибъ Славяне не были такъ раздроблены, то не могъ бы съ ними помѣриться ни одинъ народъ въ мірѣ; а еще раньше, ок. 600 г., Византійцы замѣтили о южныхъ Славянахъ, что они не терпятъ никакого повелителя

и преслѣдуются взаимной ненавистью; ни въ чемъ они между собой несогласны, и если одни въ чемъ нибудь согласятся, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, такъ какъ всѣ ненавидятъ другъ друга, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому; по этому нужно ихъ сварливыхъ вождей приводить на свою (византійскую) сторону, чтобъ они не соединились подъ однимъ повелителемъ.

Это раздробленіе Славянъ и было причиною, что не всѣ славянскіе народы успѣли дать прочную основу дальнѣйшему своему развитію. Успѣли въ этомъ только тѣ народы, которымъ удалось создать *государства*, и такимъ образомъ возвыситься надъ первобытною жизнью отдѣльныхъ родовъ, общинъ, племенъ, другъ отъ друга независимыхъ. У западныхъ Славянъ возникли на продолжительное время только два государства, *чешское*—въ слѣдствіе присоединенія племенъ по верхней Лабѣ, Волтавѣ и Огрѣ къ пражскимъ Чехамъ, и *польское*—въ слѣдствіе присоединенія племенъ по Вислѣ и верхней Одрѣ къ Полянамъ на Вартѣ. У остальныхъ западныхъ Славянъ стремленія нѣкоторыхъ князей, соединить нѣсколько племенъ подъ сильною центральною властью, не имѣли продолжительныхъ успѣховъ; такъ это было у полабско-балтійскихъ Славянъ, *моравское* же государство, зачатки котораго теряются въ отдаленныхъ временахъ, тоже исчезаетъ слишкомъ рано. У южныхъ Славянъ, именно у *Словенцевъ*, *Хорватовъ* и *Сербовъ*, основаны государства своими князьями, между тѣмъ какъ византійскіе Словѣне соединены въ государство чужими, урало-финскими *Болгарами*, которые однако скоро ославянились, оставивъ Словѣнамъ одно свое названіе. Восточные Славяне по нижнему Днѣпру (Анты) сгрупировались вѣроятно уже рано около кіевскихъ Полянъ или *Руси*; эта Русь соединилась позже съ сѣверными Славянами, гдѣ основали свое княжество скандинавскіе Варяги; варяжскіе же князья, скоро ославянившіеся, собрали въ теченіи X вѣка всѣ восточно-славянскія племена въ одно государство, *Русь*.

Принятіе *христіанства* составляетъ въ исторіи всѣхъ народовъ событіе очень важное для ихъ дальнѣйшаго развитія; у Славянъ же послѣдствія этого событія оказались чрезвычайно

важными, даже роковыми. Сосѣди Славянъ на югѣ и на западѣ, Греки, Итальянцы (Римляне) и Нѣмцы, сдѣлались христіанами раньше, чѣмъ Славяне, и стремились распространять христіанство у этихъ своихъ сосѣдей. Первые зачатки христіанства у Славянъ южныхъ и западныхъ не могли быть очень прочны, благодаря греческимъ, латинско-римскимъ и нѣмецкимъ мисіонерамъ, не знавшимъ славянскаго языка или знавшимъ его плохо; кромѣ того эти мисіонеры, преимущественно Нѣмцы, сдѣлались Славянамъ ненавистны какъ помощники свѣтской власти въ ея стремленіяхъ покорить себѣ Славянъ. По этому моравскій князь ***Ростиславъ*** и блатенскій князь въ Паноніи ***Коцелъ***, сами уже христіане латинскаго обряда принятаго изъ Германіи, желая освободиться отъ всякой духовной опеки Нѣмцевъ, обратились въ Царьградъ, прося учителей дли своихъ Славянъ. Братья ***Константинъ (Кириллъ)*** и ***Меѳодій***, уроженцы Солуня, знатоки словѣнскаго языка, взялись за это дѣло, перевели церковныя книги на понятный всѣмъ подунайскимъ и задунайскимъ Словѣнамъ (Панонiи, Дакіи, Мизіи, Ѳракіи и Македоніи) языкъ, для котораго устроили письмо греческое. Такимъ образомъ, благодаря безкорыстной дѣятельности обоихъ апостоловъ и ихъ учениковъ, при помощи „словѣнскаго языка" понятнаго и другимъ Славянамъ, христіанство утвердилось и распространилось во второй половинѣ IX вѣка у Славянъ западныхъ, Моравянъ, Чеховъ, Сербовъ и южныхъ Ляховъ, на югѣ у всѣхъ Словѣнъ въ Панонiи, Дакіи, Болгаріи и Византіи, у Хорватовъ и Сербовъ и наконецъ, въ X в., и на Руси. Нельзя сомнѣваться, что, еслибы единство христіанской церкви сохранилось, то важный подвигъ и трудъ обоихъ славянскихъ апостоловъ сдѣлался бы на всегда общимъ достояніемъ всѣхъ Славянъ, и „словѣнскій языкъ" сталъ бы важнымъ символомъ славянскаго единства не только церковнаго, но также литературнаго.

Но уже тогда все сильнѣе и сильнѣе проявлялись признаки распаденія христіанской церкви на двѣ половины, уже тогда кипѣла борьба изъ за первенства между Римомъ и Царьградомъ. Эта борьба сдѣлалась для Славянъ роковою и рѣшающею ихъ дальнѣйшее развитіе. Славяне южные и западные находились

какъ разъ на рубежѣ обоихъ патріархатовъ, римскаго и царьградскаго; когда же расколъ между церквами западной латинской и восточной греческой упрочился, то эта борьба церквей и ея послѣдствія коснулись главнымъ образомъ Славянъ. У южныхъ Славянъ западная римская церковь должна была по большей части уступить восточной царьградской, къ которой примкнули Болгаре и — послѣ долгихъ колебаній — также Сербы, и въ послѣдствіи Русскіе. Къ римско-католической церкви примкнули Хорваты и Словенцы, Чехи и Моравяне съ Словаками, и Поляки, послѣдніе при содѣйствіи Чеховъ. Словѣнское богослуженіе, допускаемое нѣкоторыми папами, но преслѣдуемое нѣмецкимъ духовенствомъ, свирѣпо нападавшимъ на моравско-панонскаго архіепископа Меѳодія и на его учениковъ,—у западныхъ Славянъ скоро исчезло совсѣмъ; у Хорватовъ же и вообще у адріатическихъ Югославянъ оно хотя тоже преслѣдовалось, но всетаки сохранилось и существовало рядомъ съ господствующимъ латинскимъ богослуженіемъ. Такимъ образомъ, церкви чешская и польская, словенская и хорватская, сдѣлались частями церкви западной, римско-латинской, и народы чешскій и польскій, словенскій и хорватскій, вошли въ кругъ народовъ западной Европы и ея культуры; въ церквахъ же чешской и польской восторжествовало латинско-нѣмецкое духовенство, и исполнились его угрозы, что западные Славяне, захотятъ-ли или не захотятъ, будутъ подчинены власти нѣмецкихъ епископовъ. Торжествомъ христіанства у Нѣмцевъ и у Славянъ рѣшена судьба полабскихъ и балтійскихъ Славянъ язычниковъ: они должны были сдѣлаться христіанами или, какъ язычники, быть истреблены.

Къ церковному и культурному раздвоенію Славянъ присоединились и другія обстоятельства, которыя еще болѣе упрочили раздробленіе Славянъ. Римскіе папы, перенесши римскую императорскую корону на королей франкскихъ и нѣмецкихъ пріобрѣли себѣ въ нихъ могучихъ союзниковъ для распространенія своей власти. Императоры „священной римской имперіи нѣмецкаго народа,“ сами по себѣ, какъ Нѣмцы, завоевательные „всегда умножители имперіи“, считали себя въ правѣ подчинять папѣ и себѣ, духовной и свѣтской властямъ, кресту и мечу, разные

пароды. Сверхъ этой опасности со стороны римско-нѣмецкаго креста и меча нагрянула на разрозненныхъ Славянъ новая гроза съ востока: урало-финскіе *Угры (Мадьяры)* вторглись въ древнюю Дакію и Панонію, подчинили себѣ тамошнихъ Славянъ, и основали (ок. 900 г.) на развалинахъ Великой Моравы и преддунайской Болгаріи свою державу, которая не ославянилась а осталась угорской, и примкнула къ западной церкви. Послѣдствіемъ основанія угорскаго королевства въ подунайскихъ странахъ было отдѣленіе Славянъ южныхъ отъ западныхъ и преданіе этихъ послѣднихъ наступательной политикѣ римско-нѣмецкой имперіи.

Борьба обоихъ сосѣднихъ племенъ, славянскаго и нѣмецкаго, сопровождается обоюдной племенной враждой и ненавистью, причины которыхъ кроются въ доисторическихъ временахъ. Эта племенная вражда является съ самаго начала столкновеній Славянъ и Нѣмцевъ, и повела къ безпрерывнымъ, страшнымъ и доселѣ не конченнымъ войнамъ; она проявляется сильнѣе у тѣхъ Славянъ, которые жили въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ Нѣмцами, у Чеховъ, Поляковъ и полабско-балтійскихъ Славянъ; ея не смягчило и христіанство; Нѣмцы, по какой-то врожденной имъ гордости и надменному высокомѣрію, не переставали презирать Славянъ и ихъ языкъ—такъ замѣчаетъ чешскій лѣтописецъ XII вѣка, Косьма. Сношенія Славянъ западныхъ и отъ части также южныхъ и восточныхъ съ Нѣмцами—представляютъ собой цѣлый рядъ столкновеній обоихъ племенъ, наступающаго нѣмецкаго и отступающаго славянскаго, которое очутившись въ особомъ положеніи должно было прежде всего отстаивать свой бытъ, бороться за свое существованіе. Черты политической жизни славянской: безграничная любовь къ свободѣ, нежеланіе подчиниться центральной власти, внутреннія междоусобицы—повели за собой политическую слабость, и помѣшали созданію сильнаго государства въ сосѣдствѣ и по примѣру Нѣмцевъ; эти, слѣдуя своей жаждѣ завоеваній, сосредоточенные подъ сильной властью, бросались на своихъ вѣковыхъ разрозненныхъ враговъ, добиваясь—по словамъ одного нѣмецкаго лѣтописца X вѣка—славы и великой и обширной державы, между тѣмъ какъ Славяне сражались за свободу и для избѣжанія крайняго рабства.

Большимъ несчастьемъ для западныхъ Славянъ было то, что имъ не удалось созданіе сильнаго государства, которое могло бы съ успѣхомъ вести борьбу съ сильною имперіею римско-нѣмецкою. Всѣ такія большія западно-славянскія государства распадались со смертью своихъ основателей. Во второй половинѣ IX вѣка *моравскій князь Святополкъ* стремился къ соединенію западныхъ Славянъ, и съ успѣхомъ боролся съ Нѣмцами, которые должны были призвать на помощь Угровъ (Мадьяръ), съ тѣхъ поръ вѣрныхъ своихъ союзниковъ противъ Славянъ. Роль моравскихъ князей восприняли, послѣ паденія Великой Моравы, *чешскіе Болеславы*, которые распространили свое владычество глубоко на востокъ въ карпатскія страны до границъ Руси. Непродолжительно было тоже западно-славянское государство, основанное преемникомъ чешскихъ Болеславовъ, *польскимъ Болеславомъ Храбрымъ* (992—1025). Этотъ сильный князь славянскій хотѣлъ избрать чешскую Прагу центромъ своего государства, которое должно было заключать въ себѣ всѣхъ западныхъ Славянъ, Поляковъ, Поморянъ, Лютичей, Сербовъ, Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ. Подъ ударами этого „грознаго Славянина“, „ревущаго льва“, „ядовитаго змѣя“—такъ честили Болеслава его современники Нѣмцы — падали ницъ нѣмецкія войска, дрожала вся римско-нѣмецкая имперія, не смотря на то, что явились ей нечаянно союзники посреди Славянъ, Лютичи и Чехи. Но со смертью Болеслава исчезаетъ это западно-славянское государство, и его возобновленіе уже не удается чешскому князю *Брячиславу* (1039 г.). Западные Славяне съ тѣхъ поръ проводятъ довольно скромную жизнь, заслоненные сильною Германіею; къ ней должны были примкнуть Чехи, хотя они пользовались въ ней исключительнымъ положеніемъ. Но и на Польшу имѣли притязанія многіе римско-нѣмецкіе императоры; Поляковъ спасла большая отдаленность и борьба Нѣмцевъ съ полабскими и балтійскими Славянами, которою долго занималась экспансивная сила нѣмецкая.

II.

СЛАВЯНЕ БАЛТІЙСКІЕ И ПОЛАБСКІЕ [1]).

Балтійскіе и полабскіе Славяне занимали балтійское поморье между нижнею Лабою и Вислою, и земли между среднею Лабою и Одрою. На сѣверо-западѣ жили *Ободричи* въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ и смежныхъ полосахъ Люнебурга и Гольштейна (Вагры, Полабяне, Древяне, Лингоны, Варны), между Лабою и Одрою *Велеты* или *Лютичи* (Чрезпѣняне, Ратари, Ране, Укряне, Стодоряне, Брижане и др.), между Одрою и Вислою *Поморяне*. Эти три главныя племена балтійско-славянскія составляли часть великаго народа *Ляховъ*; восточная его половина по Одрѣ и Вислѣ, Слȧзане, Хорваты, Поляне, Мазовшане, и то-

---

[1]) Главный источникъ исторіи этихъ Славянъ—нѣмецкія *лѣтописи* (Видукиндъ, Титмаръ, Адамъ, Гельмольдъ, біографіи Оттона Бамбергскаго и др.), изданныя въ Monumenta Germaniae historica; *грамоты* въ дипломатаріяхъ касающихся исторіи сѣверовосточной Германіи (Meklenburg. Urkundenbuch, Codex diplomat. Brandenburg., Codex diplomat. Pomeraniae, Codex dipl. Saxoniae, Cod. dipl. Lusatiae, и др.). Изъ общихъ истор. сочиненій приводимъ: Giesebrecht: Wendische Geschichten (1843), Гильфердингъ: Исторія балт. Славянъ (1874, 2. изд.), Павинскій: Полабскіе Славяне (1871), Первольфъ: Германизація балт. Славянъ (1876), Sieniawski: Pogląd na dzieje Słowian zachodnio-północnych (1881), Jenč: Stawizny serbskjeje ryčje a narodnośćje (Časopis Maćicy Serbskjeje 1849—1854), Bogusławski: Rys dziejów serbo-łużyckich (1861), Bogusławski a Hórnik: Historija serbskeho naroda (1884), Andree: Wendische Wanderstudien (1874).

же восточные Поморяне, сгрупировались около племени Полянъ, и составили народъ польскій; между тѣмъ у западныхъ Ляховъ упрочилось раздробленіе племенъ, не создалось политическое и народное единство. Полабскіе *Сербы* (Мильчане, Лужичане, Гломачи, Нишане, и др.) не были частью этихъ Ляховъ, и примыкали къ сосѣднимъ Чехамъ; но ихъ исторія составляетъ часть исторіи западныхъ Ляховъ.

Главное содержаніе исторіи Славянъ балтійско-полабскихъ— это безпрерывная упорная борьба съ нѣмецкимъ племенемъ, съ Нѣмцами на западѣ и съ Норманами (Варягами) на сѣверѣ. Вѣковая борьба между Славянами и Нѣмцами пріобрѣла, послѣ крещенія Нѣмцевъ, Датчанъ и Шведовъ, еще другой характеръ: къ племенной враждѣ присоединилась тоже вражда религіозная. Славяне упорно держались вѣры отцовъ и не хотѣли ея замѣнить новою вѣрою христіанскою, по очень понятнымъ причинамъ. Апостолами ученія Христа являлись нѣмецкіе епископы и священники, которые, окруженные ратниками, сами держали въ одной рукѣ крестъ а въ другой мечъ; они принуждали Славянъ отречься отъ Сватовита и поклониться святому Виту, пѣть вмѣсто старинныхъ славянскихъ молитвъ и пѣсней греческо-латинское „Kyrie eleison“, что Славяне съ насмѣшкой превращали въ „у кри вольса“ (въ кустѣ ольха); они принуждали Славянъ платить епископамъ дань-бископовницу. Вооруженные товарищи этихъ апостоловъ лишали Славянъ свободы, налагали на нихъ дань императору-королю, герцогамъ (войводницу), маркграфамъ и пр. Неудивительно, если Славяне изо всѣхъ силъ стремились прогнать такихъ незванныхъ гостей, которые однако не переставали навязываться.

Но борьба обѣихъ воюющихъ сторонъ не была равносильна. Нѣмцы и Датчане наступали на Славянъ соедиенными силами подъ предводительствомъ своихъ королей, стремясь къ завѣтной цѣли, къ покоренію Славянъ язычниковъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ, между Славянами, не прекращались войны и междоусобицы, не возникло на болѣе продолжительное время сильное государство, которое было бы въ состояніи успѣшно бороться съ Нѣмцами и Датчанами. Къ польскому государству Болеслава

Храбраго примкнули Сербы, но не Лютичи; эти послѣдніе помогали даже своимъ заклятымъ врагамъ, Нѣмцамъ, противъ Болеслава, такъ что этотъ неестественный союзъ славянскаго бога Сварожича съ христіанскимъ покровителемъ Саксовъ, св. Маврикіемъ, вызвалъ громкое порицаніе со стороны одного нѣмецкаго мисіонера. Наконецъ, сами христіанскіе Поляки и Чехи иногда считали своею обязанностью помогать христіанскимъ Нѣмцамъ противъ языческихъ своихъ соплеменниковъ. При такомъ положеніи дѣлъ нельзя удивляться, что Славяне погибли въ неравной борьбѣ, что на ихъ могилахъ Нѣмцы побѣдители водрузили крестъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свой мечъ.

Побѣдитель и креститель Саксовъ, франкскій король и позже римскій императоръ *Карлъ*, повелъ нѣмецкія племена противъ западныхъ Славянъ, которые покорены. Онъ и его преемники хозяйничали въ земляхъ своихъ славянскихъ данниковъ, назначая имъ князей по своему усмотрѣнію. Впрочемъ къ такому вмѣшательству въ внутреннія дѣла Славянъ побуждали Нѣмцевъ сами же Славяне, недовольные своими князьями и призывая Нѣмцевъ другъ противъ друга. Распаденіемъ франкской державы Славяне не воспользовались, какъ слѣдовало; они отказывались отъ дани, постоянно воевали съ новымъ своимъ сосѣдомъ, нѣмецкимъ королемъ: но всѣ ихъ военные подвиги лишены обдуманнаго плана и ограничивались битвами отдѣльныхъ славянскихъ племенъ съ Нѣмцами. Кратковременно было соединеніе полабскихъ Сербовъ съ Великой Моравой Святополка. Нѣмецкое владычество упавшее въ IX вѣкѣ въ полабскихъ странахъ, возобновлено въ первой половинѣ X вѣка при короляхъ Генрихѣ и Оттонѣ, и упрочено устройствомъ нѣсколькихъ пограничныхъ графствъ (маркъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіемъ епископій въ Альденбургѣ (Старгардѣ), Гавельбергѣ, Бранденбургѣ, Мерзебургѣ (Мезиборѣ), Жичѣ и Мишнѣ; покоренные Славяне—по мнѣнію Нѣмцевъ—обѣщали добровольно королю дань, и богу христіанство. Но такое христіанство пускало въ славянскихъ земляхъ слабые корни, и очень пострадало въ общемъ возстаніи Славянъ въ 983 г.; Лютичи освободились вполнѣ и отъ нѣмецкаго данничества и христіанства, Обо-

дричи остались въ извѣстной зависимости отъ Нѣмцевъ, а Сербы покорены вновь. Казалось, что въ началѣ XI вѣка выпадетъ и на долю Славянъ то, въ чемъ они крайне нуждались, и что у Нѣмцевъ было уже давно, т. е. сильное государство. Польскій князь Болеславъ стремился соединить всѣхъ западныхъ Славянъ и повести ихъ противъ Нѣмцевъ, но тщетно. Лютичи вмѣстѣ съ Чехами всевозможно мѣшали осуществленію плановъ Болеслава, и изъ сербскихъ земель только восточныя, Лужичанъ и Мильчанъ, достались временно Польшѣ. Но съ кончиной Болеслава исчезаетъ и его планъ, а для Нѣмцевъ призракъ великой западно-славянской державы; восточные Сербы возвратились подъ нѣмецкое господство и остались подъ нимъ.

Съ половины XI вѣка мысль о сильномъ государствѣ является у самихъ сѣверныхъ балтійскихъ Славянъ, съ начала по почину ободричскаго князя *Годескалька*, христіанина; послѣ его убіенія ранскій князь *Крутъ* сталъ во главѣ соединенныхъ балтійскихъ Славянъ. Но Славяне не съумѣли воспользоваться тогдашнимъ смутнымъ временемъ въ Германіи, да когда самъ король Генрихъ IV сталъ возбуждать Лютичей противъ своихъ и ихъ давнишнихъ враговъ, Саксовъ, то Славяне ему отвѣтили, что у нихъ земли вдоволь, и что они довольны, если могутъ защищать ея границы. Національное и языческое государство Крута смѣнено государствомъ на видъ христіанскимъ *Генриха* Годескальковича, который при помощи Нѣмцевъ подавилъ сопротивленіе балтійскихъ Славянъ и распространилъ границы своего государства отъ Вагріи далеко на востокъ за Одру; Ободричи, сѣверные Лютичи и западные Поморяне составляли державу этого „славянскаго короля". Но со смертью Генриха (ок. 1119 года) распалась и его держава: ободричскія земли остались его сыновьямъ, а Лютичи и Поморяне, соединившись въ одно политическое цѣлое, признали верховную власть польскаго князя.

Поморяне, входившіе въ составъ польскаго государства Болеслава Храбраго, пріобрѣли послѣ его кончины свою независимость, и защищали ее противъ Поляковъ въ теченіи цѣлаго столѣтія. Съ другой стороны пришлось имъ бороться съ варяжскими наѣздниками (викингами), изъ которыхъ не одинъ сталъ

извѣстнымъ какъ „Славянобійца“ (Vinda-myrdir); да эти викинги поселились въ X вѣкѣ при устьѣ Одры, въ Волынѣ, и повліяли на развитіе морскихъ разбоевъ у Славянъ. Въ началѣ XII в. удалось польскому князю Болеславу III покорить Поморянъ и соединенныхъ съ ними Лютичей на западъ до рѣки Пѣны. Тогда Поморяне и Лютичи приняли крещеніе изъ рукъ Оттона Бамбергскаго, и такимъ образомъ отняли у Нѣмцевъ и у Датчанъ поводъ къ войнамъ подъ предлогомъ религіознымъ. Но польское господство на нижней Одрѣ было кратковременно; уже во второй половинѣ XII в. западное такъ назв. переднее Поморье по Одрѣ отошло отъ Польши и примкнуло къ Германіи; Польшѣ осталось только восточное такъ наз. заднее Поморье по Вислѣ.

У Ободричей поднялась старинная вѣра отцовъ еще на краткое время, и князья *Прибыславъ* у Полабянъ и Вагровъ, *Никлотъ* у восточныхъ Ободричей попытались остановить наступающихъ Нѣмцевъ. Но скоро Прибыславъ долженъ былъ покориться, и его княжество присоединено къ Саксоніи. Дольше сопротивлялся Никлотъ; первый крестовый походъ Нѣмцевъ и Датчанъ не удался, и только на второй разъ погибъ храбрый защитникъ славянской свободы и старины (1160). Сынъ его *Прибыславъ* принялъ крещеніе и получилъ отъ герцога Саксовъ, Генриха Льва, почти всю свою отчину, нын. Мекленбургъ. Одновременно и южные Лютичи подпали подъ нѣмецкую власть; маркграфъ Старой Марки, Альбрехтъ Медвѣдь, завоевалъ земли Брижанъ и Стодорянъ, и водворилъ здѣсь между Лабой и Одрой, въ маркѣ бранденбургской, свое господство (1157). Наконецъ, послѣ семи походовъ, удалось датскому королю Вальдемару покорить Рану (1168); Ране приняли крещеніе и ихъ князь сдѣлался васаломъ Даніи. Такимъ образомъ всѣ Ободричи, Лютичи и западные Поморяне подпали подъ непосредственную или посредственную власть Нѣмцевъ, отъ части и Датчанъ. Сербы давно уже находились подъ нѣмецкимъ господствомъ; чешское же господство въ Лужицахъ было внѣшнее и не могло уже помочь сербской народности.

Нѣмецкое господство и побѣда христіанства въ полабскихъ и балтійскихъ странахъ сопровождалось роковыми для славян-

ской народности послѣдствіями. Въ этихъ земляхъ производилась *нѣмецкая колонизація*; нѣмецкая стихія мало по малу распространялась, а славянская исчезала и наконецъ погибла. Въ славянскія земли прибывало съ нѣмецкими государями нѣмецкое дворянство, въ которомъ оставшееся славянское исчезло, нѣмецкое духовенство, нѣмецкое мѣщанство; это послѣднее въ вновь основываемыхъ городахъ (мѣстахъ) было исключительно нѣмецкое, между тѣмъ какъ Славяне въ нихъ едва терпѣлись въ особыхъ кварталахъ, подобно Жидамъ, и исключались изъ цеховъ. Кромѣ мѣщанъ поселялось въ тѣхъ земляхъ много нѣмецкихъ поселянъ, которые покупали земли, и которымъ славянское населеніе должно было уступать и селиться въ особыхъ „славянскихъ“ селахъ; въ нихъ оно жило по своему „славянскому праву,“ но скоро, поддаваясь окружавшей его со всѣхъ сторонъ, съ низу и съ верху, германизаціи, онѣмечилось. Онѣмечились тоже уцѣлѣвшія славянскія династіи, и княжескіе роды ободричскій (мекленбургскій), поморскій и ранскій, стремились къ германизаціи совершенно такъ, какъ ихъ нѣмецкіе сосѣди, герцоги Саксовъ и маркграфы бранденбургскіе; да одинъ ранскій князь провозгласилъ—уже черезъ полъ вѣка послѣ паденія самостоятельности Раны—возможное усиленіе Славянъ въ ущербъ Нѣмцамъ несчастнымъ событіемъ, которое да предотвратитъ богъ. Германизація полабско-балтійскихъ земель шла все болѣе усиленно въ теченіи XIII и XIV вѣковъ, и окончилась въ XV. На рубежѣ XIV и XV вв. было между Лабою и Одрою уже очень мало Славянъ въ нѣсколькихъ рыбацкихъ селахъ и въ предмѣстьяхъ нѣкоторыхъ городовъ, и кончина послѣднихъ двухъ Славянъ на Ранѣ, состоявшаяся именно въ то время, записана даже въ лѣтописи ранско-поморской. Также онѣмечились между тѣмъ сербскія земли между Салой и Лабой. На лѣвомъ берегу нижней Лабы, въ Люнебургѣ, сохранились остатки древянскихъ и линтонскихъ „Словенъ“ (такъ они назывались) до XVIII вѣка, да ихъ онѣмеченные потомки называются до сихъ поръ Венды; на востокѣ, въ самомъ углу Помераніи, доживаютъ свои дни незначительные остатки поморскихъ „Словинцевъ“. Больше славянскаго, именно сербскаго населенія оста-

лось въ Лужицахъ, но и здѣсь германизація усилилась со времень реформаціи Лютера, и продолжается до нынѣ.

Славяне полабскіе и балтійскіе погибли въ слѣдствіе внутренней разрозненности и слабости, и въ слѣдстіе внѣшняго насилія: сами не были въ состояніи основать сильное государство, и не хотѣли да потомъ уже не могли примкнуть къ сосѣдней Польшѣ. Польша по смерти Болеслава Храбраго не была на столько сильна, чтобъ защитить полабско-балтійскихъ Славянъ отъ все усиливающагося напора Нѣмцевъ; также и Чехія не могла защитить Сербовъ. Нѣмецкая стихія напирала все дальше на востокъ въ земли балтійскія и повислянскія, и Поляки, вскорѣ послѣ паденія своихъ полабскихъ и балтійскихъ соплеменниковъ, должны были унаслѣдовать эту упорную борьбу съ Нѣмцами, не только на западѣ по Одрѣ и Вартѣ, но и на сѣверѣ по нижней Вислѣ, гдѣ въ слѣдствіе польской неосторожности водворились въ Пруссіи нѣмецкіе рыцари крестоносцы, и распространялись въ балтійскихъ земляхъ все дальше на востокъ. Борьбу съ напирающими Нѣмцами унаслѣдовали Чехи и Ляхи восточные, но съ такимъ же неуспѣхомъ, какъ Сербы и Ляхи западные.

III.

ЧЕХИ [1]).

На югъ отъ Сербовъ и Ляховъ, по верхней Лабѣ и по Волтавѣ, по Моравѣ и между Карпатами и среднимъ Дунаемъ, жилъ одинъ народъ, *Чехи* и *Моравяне* съ *Словаками*. Изъ нихъ восточная половина, Славяне моравскіе и подкарпатскіе (Словаки), основали рано сильное государство, которое съ успѣхомъ боролось съ Римлянами на Дунаѣ, и позже съ Нѣмцами. Моравскіе князья *Моимíровичи* въ IX в. стремились сдѣлать Мораву политическимъ центромъ для западныхъ Славянъ. Князь *Ростиславъ* старался освободить свой народъ отъ нѣмецкаго вліянія не толь-

---

[1]) Источники чешской исторіи, оцѣненные Палацкимъ (Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber, 1830) издаются съ 1871 г. Fontes rerum bohemicarum; Scriptores rerum hussiticarum ed. Höfler (1856—1866), Staří letopisové čeští, ed. Palacký (1829); Regesta diplomatica Bohemiae et Moraviae, ed. Erben et Emler (съ 1855); Codex diplomat. Moraviae (съ 1836); Archiv český, Documenta M. J. Hus, Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenhrieges, Urk. Beiträge zur Geschichte Georgs v. Poděbrad, все изданія Палацкаго (1840—1873); Sněmy české (съ 1877, ed. Gindely et Dvorský), Reliquiae tabularum terrae (съ 1870, ed. Emler), Landtafel von Mähren (1854), Codex juris bohemici (съ 1867, ed. Jireček). Изъ пособій главное Palacký: Dějiny národu českého (1848—1876), Tomek: Děje královstvi českého (1864), Dudík: Dějiny Moravy (съ 1860), H. Jireček: Slovanské právo v Čechách i na Moravě (съ 1863), Gindely: Geschichte der böhm. Brüder (1868), Kaiser Rudolf II (1868), Geschichte des böhm. Aufstandes (1869—1880), Malý: Naše znovuzrození (1885).

ко въ отношеніи политическомъ, но тоже духовномъ, и обратился по этому поводу на востокъ въ Царьградъ. Оттуда и прибыли апостолы Константинъ и Меѳодій и устроили церковь моравскую съ богослуженіемъ на словѣнскомъ языкѣ. Преемникъ Ростислава *Святополкъ* стремился къ соединенію всѣхъ западныхъ Славянъ противъ ихъ вѣковыхъ враговъ, Нѣмцевъ; этотъ планъ удавался: Чехи, Сербы, южные Ляхи и панонскіе Словѣне присоединились къ Великой Моравѣ. Но со смертью Святополка (894) распалась его держава, и Морава съ землями словенскою и панонскою сдѣлалась добычей Угровъ, которые основали свое господство въ подунайскихъ странахъ. Вмѣстѣ съ этимъ разгромомъ исчезаетъ словѣнское богослуженіе у западныхъ Славянъ, кромѣ незначительныхъ слѣдовъ.

Послѣ паденія Великой Моравы преемниками политической мысли Моймíровичей стали чешскіе князья *Премысловичи*. Они соединили славянскія племена по верхней Лабѣ, Волтавѣ и Огрѣ, Хорватовъ, Пшовянъ, Зличанъ, Лучанъ и др., съ своимъ княжествомъ, и основали довольно сильное чешское государство. Это государство, хотя находилось въ политической и духовной зависимости отъ сосѣдней Германіи, всетаки стало для чешскаго народа прочною основою дальнѣйшаго его развитія и спасло его отъ судьбы полабскихъ его соплеменниковъ. Это положеніе чешскаго народа посреди усилившихся въ ущербъ Славянамъ Нѣмцевъ придало чешской исторіи особенный характеръ: въ Чехіи обѣ стихіи, славянская и нѣмецкая, соприкасаются, сталкиваются и смѣшиваются съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ.

Казалось, что Чехія со второй половины X вѣка дѣлается, подобно Моравѣ, центромъ новаго западнославянскаго государства. Чешскіе князья *Болеславы* I и II распространили границы чешскаго государства далеко на востокъ почти въ предѣлахъ державы Святополка. Это славянско-чешское государство перешло въ началѣ XI вѣка въ руки польскаго князя Болеслава, который вздумалъ избрать чешскую Прагу столицею другого западнославянскаго государства, польско-чешскаго. Но чешскимъ Премысловичамъ удалось съ помощью Нѣмцевъ прогнать Болеслава изъ Чехіи, которая имъ и осталась; остальныя же славян-

скія земли уже не присоединены къ Чехіи, а только нынѣшняя Морава возвратилась къ ней позже (1028—1031). Не удался также планъ князя *Брячислава*, присоединить къ Чехіи Польшу. Чешское государство осталось ограниченнымъ Чехіей и Моравой, къ которымъ присоединена потомъ южная Лужица. Чешскій князь сталъ курфюрстомъ Германіи, хотя онъ въ своемъ княжествѣ былъ полнымъ сувереномъ.

Постоянное нарушеніе установленнаго Брячиславомъ порядка престолонаслѣдія, по которому старшій членъ княжескаго рода долженъ былъ быть великимъ княземъ, повело къ междоусобицамъ; ими и воспользовался императоръ римско-нѣмецкій для вмѣшательства въ эти споры, и даже угрожала опасность, что Морава будетъ отчуждена отъ чешскаго государства. Но съ XIII в. Чехія поднялась вновь, и, при короляхъ *Премыслѣ Отакарѣ I, Вячеславѣ I* и *Премыслѣ Отакарѣ II*, заняла важное мѣсто въ средней Европѣ, отъ которой предотвратила угрожавшій наѣздъ Монголовъ; да при Премыслѣ II Чехія сдѣлалась ядромъ великаго государства, предѣлы котораго доходили на югѣ почти до моря адріатическаго. При тѣхъ трехъ короляхъ состоялись въ Чехіи важныя перемѣны въ государственной и общественной жизни. Государственная власть укрѣпилась уничтоженіемъ права родового старшинства и введеніемъ права первородства; отношеніе чешскаго короля къ римско-нѣмецкому императору ближе опредѣлено; древнеславянское государственное устройство нарушалось жалованіемъ разныхъ льготъ и привилегій духовенству, шляхтѣ и вновь основываемымъ городамъ (мѣстамъ), которые заселялись Нѣмцами и составляли для короля богатый источникъ доходовъ и опору противъ шляхты; Нѣмцы заселили тоже нѣкоторыя окраины. Нѣмецкій языкъ и нравъ распространились при королевскомъ дворѣ и между высшею шляхтою.

Отъ тяжелаго разгрома, постигшаго Чехію послѣ паденія и кончины Премысла Отакара II (1278), она скоро оправилась, и вновь поднялась на высокую степень политической силы; при королѣ *Вячеславѣ II* присоединились къ Чехіи часть Силезіи и временно даже Польша. Но виновникъ этого разгрома, по-

вая нѣмецкая династія Габсбурговъ, заняла прочное положеніе въ нѣмецкихъ земляхъ короля Премысла II между Дунаемъ и адріатическимъ моремъ, пріобрѣла императорскую корону римсконѣмецкую, и всѣмъ этимъ значительное вліяніе на сосѣднюю Чехію. Послѣ прекращенія рода Премысловичей (1306), чешская корона досталась чужой династіи, нѣмецко-французской Люксенбурговъ. Король-авантюристъ *Іоаннъ* прославлялъ чешское имя далеко за границею, распространилъ чешское господство въ Силезію и въ Лужицу; но Чехія страдала анархіей и постоянными вымогательствами денегъ со стороны короля. Только при *Карлѣ* (1346—1378) Чехія вышла изъ безпорядковъ и поднялась на значительную высоту политическаго могущества и славы, тѣмъ болѣе, что въ слѣдствіе избранія короля Карла въ императоры римско-нѣмецкіе чешское государство стало первымъ въ средней Европѣ. Карлъ распространилъ свою державу глубоко въ Германію, въ Фальцъ и въ Бранденбургъ, опредѣлилъ отношенія всѣхъ земель чешскаго государства или чешской короны; строго слѣдилъ за внутреннею безопасностью и правосудіемъ, держалъ въ покорности пановъ и такимъ образомъ способствовалъ развитію торговли и народнаго богатства; онъ покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ, и основавши въ Прагѣ университетъ, сдѣлалъ ее средоточіемъ научнаго движенія въ средней и восточной Европѣ. Чешская народность, хотя она боролась съ нѣмецкою именно въ городахъ и въ университетѣ, крѣпла, и чешскій языкъ и литература стали процвѣтать. Чешскій народъ, развиваясь въ отношеніи матеріальномъ и духовномъ, приготовлялся къ великимъ событіямъ, къ *гуситскому движенію,* начавшемуся при сынѣ и преемникѣ Карла, Вячеславѣ IV.

Безпорядочное состояніе тогдашней римско-католической церкви, нуждавшейся въ реформахъ „во главѣ и въ членахъ", возбудило во многихъ чешскихъ мыслителяхъ разныя мысли и взгляды на церковь, которые не соотвѣтствовали господствовавшимъ тогда взглядамъ. Во главѣ этого духовнаго движенія сталъ *Іоаннъ Гусъ.* Собравшаяся для церковной реформы въ Констанцѣ римско-католическая іерархія осудила Гуса и сожгла

его какъ еретика (1415), но дала поводъ къ усиленію этого движенія и къ гуситской войнѣ (1419—1434). Гуситское движеніе было во первыхъ религіозно-реформаціонное; противясь признаваемому доселѣ авторитету римской церкви, поставило на его мѣсто авторитетъ св. писанія, и породило разныя религіозныя общества: умѣренныхъ чашниковъ причащавшихся подъ двумя видами и мало отличавшихся отъ католиковъ, радикальныхъ Таборовъ—предшественниковъ протестантовъ, да наконецъ пантеистовъ и раціоналистовъ, которые однако скоро исчезли. Кромѣ этого религіознаго характера, гуситское движеніе приняло тоже характеръ національный, чешскій, антинѣмецкій, стремясь къ ослабленію нѣмецкаго элемента въ Чехіи. Эта сторона гуситства открылась спорами между Чехами и Нѣмцами въ пражскомъ университетѣ, рѣшенными въ пользу Чеховъ, и кончилась изгнаніемъ Нѣмцевъ почти изъ всѣхъ городскихъ общинъ и побѣдою чешскаго элемента. Такимъ образомъ чешскій народъ, не желая возвратиться въ послушаніе римской церкви, не желая на своей родинѣ возвратить нѣмецкому народу его прежняго привилегированнаго положенія, очутился въ упорной борьбѣ съ римской церковью и съ народами, которые признавали ея авторитетъ и по побужденію Рима стремились къ истребленію „еретическаго“ народа чешскаго, именно съ Нѣмцами, которые наступали на Чеховъ не только какъ на „еретиковъ“, но тоже какъ на своихъ національныхъ враговъ. Чехи увидѣвъ, что посягаютъ на ихъ жизнь, съ необыкновенною силою отражали нападенія почти всего христіанскаго міра, помышлявшаго о ихъ гибели, но будучи народомъ немногочисленнымъ, и зная вѣковыя стремленія Нѣмцевъ истреблять Славянъ, хорошо понимали, что Нѣмцы, равнымъ образомъ какъ сдѣлали полабскимъ Славянамъ, такъ хотятъ сдѣлать и Чехамъ и занять мѣста прогнанныхъ. По этому Чехи обратились къ славянскому востоку, къ Польшѣ, и къ соединенной съ нею Литвѣ и Руси, и призывали Поляковъ на помощь противъ общаго врага, справедливо замѣчая, что сражаются за освобожденіе не только правды закона божія, но тоже народа чешскаго и славянскаго. Но Польша, равнымъ образомъ какъ и раньше не была въ состояніи остановить

наступленіе Нѣмцевъ отъ Лабы къ Одрѣ, и позже раздавить нѣмецкихъ крестоносцевъ въ балтійскихъ странахъ, такъ и не поняла вполнѣ тогдашней страшной борьбы Славянъ и Нѣмцевъ въ средней Европѣ; она могла подать Чехамъ только небольшую помощь, да и это дѣлала довольно небрежно, усматривая въ гуситскихъ Чехахъ скорѣе „еретиковъ“ сопротивлявшихся Риму, чѣмъ соплеменниковъ Славянъ, борющихся, послѣ гибели полабско-балтійскихъ Славянъ, уже во второмъ ряду противъ наступающихъ Нѣмцевъ; еще менѣе она была способна понять великое культурное значеніе гуситства и примкнуть къ нему.

Такъ какъ къ гуситскому движенію не примкнули и остальные окрестные народы, то чешскій народъ остался въ своей борьбѣ за свободу совѣсти изолированнымъ. Раздираемый внутренними спорами партій онъ, не смотря на всѣ побѣды геніальныхъ полководцевъ *Іоанна Жижки*, *Прокопія Великаго* и др. надъ несмѣтными войсками крестоносцевъ, не могъ обезпечить себѣ всѣ результаты великаго движенія, единственнаго въ Славянствѣ. Религіозное ученіе радикальныхъ гуситовъ не понравилось умѣреннымъ гуситамъ, которые были готовы примириться съ Римомъ, а демократическія стремленія тѣхъ рѣшительныхъ реформаторовъ политическихъ и соціальныхъ отношеній не могли быть по вкусу главному представителю тогдашнихъ средневѣковыхъ порядковъ, шляхтѣ. По этому рьяные гуситы, составлявшіе меньшинство въ народѣ, должны были уступить умѣреннымъ гуситамъ, и почти совсѣмъ истреблены въ сраженіи подъ Липанами (1434); ихъ остатки, устроившіеся какъ единство чешскихъ братьевъ, не могли уже никогда пріобрѣсти силу своихъ предшественниковъ.

Умѣренные гуситы (утраквисты, чашники), освободившись отъ своихъ рьяныхъ единомышленниковъ, примирились съ Римомъ, отъ котораго получили одобреніе чаши, и съ королемъ Сигизмундомъ, который, послѣ пятнадцатилѣтней борьбы, занялъ престолъ отцовъ. Послѣ кончины Сигузмунда не удалось задуманное одною гуситскою партіею соединеніе Чехіи и Польши, а австрійскіе Габсбурги пріобрѣли уже тогда временно чешскую корону. Примиреніе Чеховъ утраквистовъ съ Римомъ

было только кажущимся; скоро оказалось, что Римъ считалъ свою уступку лишь временною, и наконецъ потребовалъ полной покорности. Но король *Юрій Подѣбрадскій* (1458—1471) не намѣревался исполнить это требованіе папы, отстаивая противъ притязаній Рима полную самостоятельность своего народа и государства, духовную и свѣтскую. Папская курія, видя неуспѣхъ своихъ плановъ, травила все христіанство на ненавистныхъ „еретиковъ“, и Чехамъ пришлось вновь бороться противъ враговъ гуситства, внутреннихъ и внѣшнихъ, въ томъ числѣ съ главнымъ орудіемъ папской политики, съ угорскимъ королемъ Матвѣемъ, которому и удалось временно разорвать чешское государство.

Король Юрій самъ указалъ на своего преемника, польскаго королевича *Владислава*, надѣясь, что въ слѣдствіе такого соединенія Чехіи и Польши одною династіею Ягайловичей, чешскій народъ пріобрѣтетъ большую силу. Но эта надежда не сбылась. Король Владиславъ (1471—1516) возобновилъ цѣлость чешской короны, будучи избранъ и въ короли угорскіе; но съ другой стороны Чехія въ слѣдствіе этого соединенія съ Угріею очутилась на второмъ планѣ. Во время царствованія обоихъ Ягайловичей, Владислава и Людовика (1516—1526), Чехія страдала спорами сословій, шляхты и городовъ; шляхта пріобрѣтала все большія права въ ущербъ королевской власти, и поработила подданный людъ прикрѣпивши его къ землѣ. Не мало способствовала броженію умовъ и партій въ Чехіи возникшая тогда нѣмецкая реформація Лютера, которая распространилась и въ Чехію и находила здѣсь между утраквистами все больше приверженцевъ.

Послѣ смерти короля Людовика, погибшаго въ сраженіи противъ Турокъ, чешскимъ королемъ избранъ австрійскій эрцгерцогъ, Габсбургъ *Фердинандъ*, который сталъ тоже королемъ угорскимъ и позже нѣмецкимъ. Прага сдѣлалась опять столицею римско-нѣмецкихъ императоровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ королей чешскихъ и угорскихъ, изъ рода Габсбурговъ, которые не ославянились а остались Нѣмцами. Чешское государство и чешскій народъ были вовлекаемы въ судьбы Германіи и запутывались все

больше въ нѣмецкія дѣла, а съ другой стороны его силы должны были поддерживать Габсбурговъ въ Угріи въ ихъ борьбѣ противъ Турокъ. Король Фердинандъ, стремясь къ поднятію упавшей королевской власти, строго дѣйствуя противъ протестантовъ и чешскихъ братьевъ, умножалъ число недовольныхъ, которые вздумали воспользоваться войною въ Германіи, чтобъ избавиться отъ ненавистнаго короля. Но для открытаго возстанія не хватило у нихъ отваги, и король Фердинандъ, послѣ скораго окончанія войны въ Германіи (1547), подавилъ чешское возстаніе въ зародышѣ; шляхту онъ пощадилъ, но строго наказалъ города, отнявъ у нихъ имѣнія и самоуправленіе, и изгналъ чешскихъ братьевъ изъ земли.

Религіозные вопросы волновали Чеховъ и дальше при преемникахъ Фердинанда, *Максимиліанѣ*, *Рудольфѣ* и *Матвѣѣ*, Чехи протестанты добились наконецъ, въ началѣ XVII в., полной религіозной свободы. Но съ нѣмецкою реформаціею и съ нѣмецкою династіею Габсбурговъ нѣмецкій элементъ вновь распространялся въ Чехію, такъ что въ началѣ XVII в. сама законодательная власть, чешскій сеймъ, счелъ нужнымъ принять мѣры противъ такого усиленія нѣмецкаго элемента и въ пользу сохраненія стариннаго чешскаго языка. Сопротивленіе протестантскихъ Чеховъ противъ строго католическихъ Габсбурговъ и ихъ стремленій въ пользу усиленія королевской власти становилось все сильнѣе, и примыкая къ общему неудовольствію нѣмецкихъ протестантовъ, разразилось наконецъ *чешскимъ возстаніемъ* 1618—1620 гг. Но чешскій народъ давно уже лишился необходимой для такого дѣла силы, духовной и матеріальной, и кромѣ того, не былъ поддержанъ ни своими единовѣрцами въ Германіи, ни соплеменною Польшею. Такимъ образомъ случилось то, что тотъ же самый народъ, который двѣсти лѣтъ тому назадъ отстоялъ свою независимость почти противъ всего христіанства, очутился въ слѣдствіе одного пораженія на Бѣлой Горѣ на краю гибели. Король *Фердинандъ II* воспользовался своей побѣдой къ огромнымъ конфискаціямъ имѣній возставшихъ Чеховъ, къ большему ослабленію правъ чешскихъ чиновъ вообще, къ усиленію королевской власти и, наконецъ, къ самой

безцеремонной католической реакціи, отъ которой огромное множество чешской интелигенціи бѣжало изъ родины.

Паденіемъ чешскаго государства, выселеніемъ высшихъ сословій и бѣдствіями тридцатилѣтней войны чешскій народъ ужасно ослабѣлъ, матеріально и духовно, и былъ погруженъ въ сонъ, какъ казалось, смертельный. Нѣмецкій элементъ крѣпко засѣлъ и распространился по всей землѣ и одержалъ побѣду надъ загнаннымъ чешскимъ. Въ кончинѣ чешскаго народа, этого проклятаго, Риму и Нѣмцамъ ненавистнаго еретическаго слявянскаго народа, не сомнѣвались его многочисленные враги, которые всевозможно истребляли его жалкіе остатки ad majorem Dei et Germaniae gloriam. Въ смертельности сна этого славнаго нѣкогда народа славянскаго не сомнѣвались даже тѣ немногіе благородные чешскіе патріоты, которые еще остались у его гроба. Изъ глубины своей души взываетъ опечаленный Бальбинъ (1672) о помощи погибающему чешскому народу — которому указываетъ на судьбу полабскихъ Славянъ—къ чешскому дѣдичу св. Вячеславу: „Не дай погибнуть намъ и будущимъ!“ А еще сто лѣтъ спустя (1791) другой патріотъ, Пельцель, высказываетъ грустныя предчувствія о будущности чешскаго языка, предполагая, что Чехія скоро очутится въ такомъ положеніи, какъ нынѣ полабскія страны, гдѣ отъ славянскаго языка ничего не остается, кромѣ названій городовъ, селъ и рѣкъ. И дѣйствительно казалось, что будетъ такъ, тѣмъ болѣе, что именно тогда, въ концѣ XVIII вѣка, нѣмецкій элементъ подвинулся далеко на славянскій востокъ за Вислу, низвергнувъ третій западнославянскій народъ и государство, Польшу. Но чешскіе патріоты, опасаясь, чтобъ ихъ народъ не подвергнулся такой участи, какъ полабскіе Славяне, взялись энергично за пробужденіе чешскаго народа, этой западной вѣтки великаго славянскаго дерева. Благодаря ихъ неутомимой работѣ и заботливости началось возрожденіе чешскаго народа.

IV.

ПОЛЯКИ [1]).

Восточные Ляхи по Одрѣ и Вислѣ долго не образовали болѣе тѣснаго политическаго союза, живя по племенамъ, Полянъ, Куявянъ, Мазовшанъ, Хорватовъ, Слязанъ. Южныя племена, Хорваты и Слязане входили въ составъ западнославянскихъ государствъ, моравскаго и чешскаго. Изъ Моравы и изъ Чехіи проникли къ Ляхамъ зачатки христіанства, съ начала богослуженіе словѣнское, потомъ латинское, которое и сдѣлалось господствующимъ. Князья Полянъ изъ рода *Пяста* стали собирать племена восточно-ляшскія въ одно государство. Польскій князь, въ послѣдствіи король *Болеславъ* Храбрый (992—1025), воспри-

---

[1]) Источники, которые оцѣнилъ Zeissberg (Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters, 1873), печатаются въ Monumenta Poloniae historica (съ 1864); Длугоша Historia Polonica изд. 1873—1878; Scriptores rerum polon. (съ 1870); Scriptores rerum siles., Scriptores rer. pruss., etc. Дипломатаріи Codex diplomat. Poloniae (1847—1858), Codex dipl. Majoris Poloniae (1877), Cod. dipl. Minoris Poloniae (1876), Cod. dipl. Masoviae (1863), Codex dipl. Silesiae (1857—1870), Codex epistolaris saeculi XV (1876) и др. въ Monumenta medii aevi historica; Acta Tomiciana; Volumina legum (2 ed. 1859), Starodawne polskiego prawa pomniki (съ 1857). Пособія Röpell u. Caro: Geschichte Polens (съ 1840), Moraczewski: Dzieje Rzeczypospolitej polskiej (1864), Szujski: Historya polska (1880), Bobrzyński: Dzieje Polski (1881); въ послѣднихъ двухъ приведена полная библіографія по польской исторіи.

нявъ стремленія моравскихъ и чешскихъ князей, не только соединилъ всѣхъ восточныхъ Ляховъ, но стремился тоже соединить всѣхъ западныхъ Славянъ, и велъ упорную борьбу съ Нѣмцами. Но планъ Болеслава не удался, преимущественно по винѣ самихъ западныхъ Славянъ, которые не хотѣли подчиниться польскому князю. Только восточные Ляхи остались съ тѣхъ поръ соединенными, составляя *Польшу*, польскій народъ. Послѣ смерти Болеслава Польша страдала отъ внутреннихъ междоусобицъ, отъ возстанія низшихъ класовъ противъ высшихъ и противъ новыхъ христіанскихъ порядковъ, отъ войнъ съ Чехами, Поморянами, Прусами и Русью; изъ всѣхъ этихъ бѣдствій она вышла побѣдоносною, и со второй половины XI в., со временъ *Болеслава II*, вновь заняла важное мѣсто въ сѣверозападномъ Славянствѣ, вліяя на дѣла чешскія, угорскія и русскія. Въ слѣдствіе постепеннаго паденія западныхъ Ляховъ и распространенія нѣмецкаго господства на востокъ къ Одрѣ, Польша тѣснилась на востокъ. Послѣдній князь польскій, который еще сильно стремился на западъ, былъ *Болеславъ III* (1102—1139); онъ съ успѣхомъ боролся съ Нѣмцами, покорилъ Поморянъ и Лютичей за Одрою.

По смерти Болеслава упрочилось распаденіе Польши на удѣлы; старшинство и первенство долженъ былъ держать великій князь краковскій. Давняя разница племенъ и земель проявляется вновь и усиливается, и Польша является какъ Малая Польша, Силезія, Великая Польша, Куявія, Мазовія и Поморье. Это распаденіе Польши дало поводъ къ междоусобицамъ Пястовичей, къ ослабленію княжеской власти и къ усиленію аристократіи; иноплеменники, призываемые на помощь борющимися князьями Пястовичами, опустошали Польшу, и императоры римско-нѣмецкіе, истребивъ или покоривъ Славянъ полабско-балтійскихъ, вмѣшивались во внутреннія дѣла Польши и отняли у нея западное Поморье. Войны съ литовскими Прусами и Ятвягами, отъ которыхъ раздробленная Польша не могла защититься, были причиной водворенія нѣмецкихъ рыцарей на нижней Вислѣ въ первой половинѣ XIII в. Эти крестоносцы покорили Прусовъ, воевали съ Литвой, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались опас-

ными врагами Польши, разгромленная и разоренная страшнымъ наѣздомъ Монголовъ (1241), раздробляется все больше, удѣлы становятся самостоятельными княжествами, а связь между ними исчезаетъ почти совсѣмъ. Старинное государственное устройство нарушается привилегіями въ пользу княжеской казны, но въ ущербъ земскому праву изъятіемъ духовныхъ и позже шляхетскихъ имѣній изъ-подъ земскаго права, основаніемъ городовъ и селъ заселяемыхъ Нѣмцами и жалованныхъ нѣмецкимъ правомъ, которымъ стали пользоваться тоже польскіе колонисты; оно, требуя только извѣстной платы (чинша), освобождало народонаселеніе отъ множества обременительныхъ повинностей. Такимъ образомъ нѣмецкій элементъ распространялся въ польскихъ земляхъ. Силезія онѣмечилась и клонилась къ Германіи и къ Чехіи, да въ остальной Польшѣ нѣмецкій элементъ въ городахъ, селахъ, монастыряхъ и вообще въ духовномъ сословіи усилился до такой степени, что это возбуждало опасенія польскихъ патріотовъ. Такія опасенія были тѣмъ основательнѣе, что нѣмецкіе мѣщане вѣрно держали сторону враговъ Польши.

Поляки сознавали потребность сильной монархіи. Малополяне призвали на краковскій столъ чешскаго короля *Вячеслава II*, который и занялъ часть Силезіи, Краковъ и Сандомиръ (1291—1292). Въ Великой Польшѣ и въ соединенномъ съ ней Поморьѣ князь *Премыслъ* вѣнчался на королевство польское (1295); но уже черезъ годъ погибъ отъ маркграфовъ бранденбургскихъ, и чешскій король Вячеславъ сдѣлался королемъ всей Польши (1300). Но не на долго Чехія и Польша остались соединены; уже въ 1306 г. польскій князь, въ послѣдствіи король *Владиславъ* съ прозвищемъ *Локоткомъ*, прежній соперникъ и противникъ Вячеслава, вновь занялъ свою родину, который и удержалъ за собою, не безъ борьбы съ врагами внутренними и внѣшними, Нѣмцами. Силезія и Мазовія отдѣлялись отъ Польши, а Поморье и часть Куявіи захватили рыцари крестоносцы, которые вмѣстѣ съ маркграфами бранденбургскими были для Польши постоянною угрозою. Владиславъ опирался на мелкую шляхту, которая какъ сословіе пріобрѣтала все большую важность, а противъ крестоносцевъ

искалъ союзничества Литвы. Польша, на западѣ тѣснимая и отраженная Нѣмцами, обратилась при *Казимірѣ* Владиславовичѣ (1333—1370) на востокъ въ русскія земли, именно на Русь Червоную, куда польское вліяніе стремилось уже нѣсколько вѣковъ. Червоная Русь присоединена наконецъ къ Польшѣ (1340), и черезъ нѣсколько лѣтъ и другія русскія земли по Бугу и на Волынѣ; дальнѣйшему распространенію Польши въ южную Русь помѣшала Литва, которая здѣсь завладѣла Волынемъ, Подольемъ и Кіевомъ. Мазовія возвращена Польшѣ, но Силезія и Поморье утрачены, первая на всегда, другое на время. При Казимірѣ единство государства и королевская власть укрѣплены въ изданномъ статутѣ опредѣлены отношенія сословій, особенно отношеніе кметей (поселянъ) къ шляхтѣ, устроены администрація и судопроизводство, финансы и военное дѣло, учрежденъ наивысшій судъ для городовъ и такимъ образомъ прекращены ихъ сношенія съ Германіею, положено начало университету краковскому.

По смерти Казиміра, послѣдняго Пястовича въ польскомъ королевствѣ, оно соединено съ Угріею преемникомъ Казиміра, угорскимъ королемъ *Людовикомъ*. Шляхта получила важныя политическія права жалованной грамотой изданной въ Кошицахъ (1374), и пріобрѣтала себѣ вообще все большее участіе въ политическихъ дѣлахъ. Отсутствіе чужого короля въ землѣ и его кончина дали поводъ къ смутамъ, возвышенію могущества пановъ, и возобновленію стараго антагонизма между Великополянами и Малополянами. Общая опасность со стороны нѣмецкихъ крестоносцевъ, завладѣвшихъ всѣмъ восточнымъ балтійскимъ приморьемъ, повела къ сближенію Польши и Литвы, къ избранію великаго князя литовскаго Ягайла въ польскіе короли (1386); Ягайло замѣнилъ православіе католицизмомъ и принялъ имя *Владиславъ*. Въ слѣдствіе этого воцаренія литовской династіи, Польша пріобрѣла больше силъ именно для борьбы съ крестоносцами. Стоя въ культурномъ отношеніи выше европейскаго востока, Польша пріобрѣла тоже важное вліяніе на Литву, которая изъ языческой стала христіанско-католическою, и на соединенную съ нею югозападную Русь православную; польскіе порядки

и умножающіяся привилегіи польской шляхты распространялись постепенно и на Литву и югозападную Русь. Но съ другой стороны это соединеніе Польши и Литвы было для польскаго народа роковымъ поворотомъ, который кончился не въ его пользу а на его погибель; оно отвратило его вниманіе отъ запада и обратило его главную политическую дѣятельность на востокъ, повело къ столкновенію съ народомъ русскимъ, и наконецъ къ пораженію Поляковъ на западѣ Нѣмцами, а на востокѣ Русскими. Вражда между Польшею и Литвою, государствами съ начала вполнѣ самостоятельными, и между господствующими въ нихъ Ягайловичами, этотъ политическій дуализмъ улегся съ теченіемъ времени; но не улеглась вражда между христіанскимъ западомъ и востокомъ; католицизмъ, утвердившись съ польскою помощью въ собственной Литвѣ, столкнулся враждебно съ русскимъ православіемъ или, какъ его называли въ Польшѣ на римскій ладъ, съ „схизмою". Этотъ религіозно-національный дуализмъ и антагонизмъ въ державѣ Ягайловичей имѣлъ для Польши тоже роковыя послѣдствія.

Соединенными силами Польши и Литвы нѣмецкіе крестоносцы въ сраженіи подъ Грюнвальдомъ (1410) поражены и ослаблены, но еще не уничтожены, какъ слѣдовало сдѣлать въ виду безопасности восточнаго Славянства; такимъ образомъ наступленіе Нѣмцевъ на славянскій востокъ только задержано, но не навсегда отражено, не уничтожено. Ревность между Польшей и Литвой предотвратила отъ нѣмецкихъ крестоносцевъ ихъ паденіе, и таже самая вражда, вмѣстѣ съ отвращеніемъ католической іерархіи польской противъ „ереси", мѣшала оказанію болѣе дѣятельной помощи со стороны славянскаго востока гуситскимъ Чехамъ въ ихъ борьбѣ противъ Нѣмцевъ. Стремленія польскихъ пановъ, духовныхъ и свѣтскихъ, пріобрѣвшихъ рѣшительное вліяніе на управленіе государствомъ, присоединить уже Литву къ Польшѣ, не имѣли значительныхъ успѣховъ, и всѣ договоры относившіеся къ этой уніи долго оставались лишь на бумагѣ. Также и соединеніе Польши и Угріи подъ однимъ королемъ, польскимъ *Владиславомъ III* (1434—1444), было непродолжительно, и попытка, соединенными силами отразить насту-

пающихъ Турокъ, не удалась. При преемникѣ Владислава, *Казимірѣ* (1445—1492), сломана сила нѣмецкихъ крестоносцевъ, и, послѣ долголѣтней войны, присоединены къ Польшѣ Поморье и часть Пруссіи; остальная Пруссія осталась какъ польскій ленъ въ рукахъ нѣмецкихъ рыцарей, въ ущербъ Польшѣ. Къ сильной державѣ Ягайловичей обращали свои взоры Чехи и Новгородъ; Ягайловичи заняли престолы чешскій и угорскій; но на востокѣ усиливались въ ущербъ Литвѣ Москва и крымскіе Татары, подручники Турокъ. Король Казиміръ поднялъ королевскую власть противъ пановъ духовныхъ и свѣтскихъ, уничтожалъ ихъ привилегіи и находилъ поддержку въ шляхтѣ; эта послѣдняя пріобрѣтала все больше правъ, посылала выбираемыхъ пословъ (депутатовъ) на областные сеймики и на сеймы, гдѣ она посредствомъ посольской избы (палаты депутатовъ) дѣлалась важнымъ политическимъ факторомъ, рядомъ съ сенатомъ состоявшимъ изъ пановъ свѣтскихъ (сановниковъ) и духовныхъ (епископовъ); она съ помощью самого короля противилась исключительному господству аристократіи и іерархіи, выступала враждебно противъ нѣмецкихъ городовъ, добилась прикрѣпленія кметей къ землѣ и полнаго ихъ подданства, что осуществилось при *Іоаннѣ Альбрехтѣ* (1496) и при *Александрѣ* (1505). По земскому уложенію 1505 г. законодательная власть очутилась въ рукахъ короля, сената и депутатовъ; города лишились политическаго значенія, и не могли быть для короля опорой.

Въ слѣдствіе все усиливающагося могущества Москвы на востокѣ Европы, Литва льнула къ Польшѣ, и старый антагонизмъ между католицизмомъ и православіемъ въ литовско-русскомъ государствѣ сближалъ католическихъ Литовцевъ съ Польшею, а православныхъ Русскихъ съ Москвою. Борьба изъ-за первенства на европейскомъ востокѣ вообще и на всей Руси въ особенности, борьба изъ-за югозападной Руси—между католическими польско-литовскими Ягайловичами и православными русско-московскими Рюриковичами—становилась все упорнѣе, и наполняла царствованіе послѣднихъ трехъ Ягайловичей, *Александра* (1501—1506), *Сигизмунда I* (1506—1548) и *Сигизмунда II Августа* (1548—1572), по большей части въ ущербъ

Польшѣ и Литвѣ. Также и наѣзды крымскихъ Татаръ не переставали мучить русскія земли, и могущество Турціи становилось все страшнѣе. Чехія и Угрія утрачены для Ягайловичей, и достались нѣмецкимъ Габсбургамъ, а Пруссія, хотя и ленъ польскій, досталась Бранденбургу. Такимъ образомъ могущество Нѣмцевъ на востокѣ въ дунайскихъ и въ балтійскихъ странахъ опять усилилось въ ущербъ Польшѣ и всему Славянству. Противъ такихъ угрожавшихъ со всѣхъ сторонъ опасностей Польша нуждалась въ великихъ государяхъ и государственныхъ людяхъ, и въ большихъ матеріальныхъ средствахъ; а между тѣмъ всего этого у Польши недоставало. Всемогущіе паны и шляхта не хотѣли нести большихъ податей, не хотѣли лучшаго военнаго устройства, да производили уже анархическія вспышки; а позднѣйшей готовностью шляхты къ реформамъ и къ усиленію королевской власти и къ уничтоженію вредной власти пановъ—Сигизмундъ Августъ, находясь подъ вліяніемъ пановъ, не съумѣлъ воспользоваться. Давно требуемая политическая унія Литвы съ Польшею состоялась наконецъ на сеймѣ въ Люблинѣ (1569), при согласіи литовской шляхты, но при сопротивленіи литовскихъ пановъ. Польша и Литва слились въ одно государство.

Распространеніе въ Польшѣ протестантизма, смѣшивавшагося съ политикою, и мысль о народной польско-католической церкви, дали поводъ къ великому духовному движенію, которое, подобно гуситству въ Чехіи, могло стать важнымъ факторомъ въ возрожденіи польскаго народа и государства, равнымъ образомъ какъ оно способствовало развитію польскаго языка и польской литературы; оно могло сблизить Польшу и Чехію, особенно посредствомъ чешскихъ братьевъ, которые считали и въ Польшѣ много приверженцевъ; оно могло способствовать установленію болѣе дружественныхъ отношеній между протестантскими Поляками и Литовцами и православными Русскими. Но это новое движеніе не проникло глубоко въ народъ, скоро прекратилось, и не способствовало такому возрожденію.

Послѣ прекращенія рода Ягайлова, Польша раскрылась для разныхъ чужихъ искателей польской короны, которымъ властвующая шляхта предписывала условія, въ ущербъ безъ того уже

ослабѣвшей королевской власти и во вредъ государству. Польша стала „рѣчью посполитою“ (res publica) съ избираемымъ королемъ во главѣ, при полномъ господствѣ шляхты, управляемой панами, надъ упавшимъ мѣщанствомъ и порабощеннымъ и все болѣе притѣсняемымъ сельскимъ людомъ. Выборы польскихъ королей, находясь подъ вліяніемъ демагогической олигархіи и шляхетской охлократіи, ввели на политическое поприще всякія непатріотическія, безнравственныя и пагубныя интриги, подкупы деньгами, внутреннія междоусобицы и войны партій и ихъ кандидатовъ на корону, и вмѣшательство сосѣднихъ государствъ во внутреннія дѣла Польши. Все это повело за собою ослабленіе и наконецъ гибель рѣчи посполитой.

Послѣ кратковременнаго царствованія Француза *Генриха*, польскій престолъ занялъ семиградскій князь *Стефанъ Батори* (1575—1586). Этотъ дѣльный король оттѣснилъ Москву отъ балтійскаго моря изъ Ливоніи, и изъ Полоцка; но дальнѣйшаго внутренняго разложенія государства онъ, не смотря на всѣ свои старанія, не могъ уже остановить; изъ числа задуманныхъ реформъ осуществлены не многія, и между прочимъ учреждены трибуналы (наивысшіе суды) для Польши и для Литвы. При королѣ Стефанѣ началась противъ усилившагося протестантизма католическая реакція при помощи іезуитовъ, и съ успѣхомъ продолжалась при королѣ *Сигизмундѣ III* Шведѣ (1587—1632), при которомъ она сдѣлалась руководящею идеею польской политики. Польша такимъ образомъ подчинила свои государственныя и національныя интересы чужимъ, интересамъ Рима и католицизма; этотъ послѣдній сдѣлался господствующимъ въ Польшѣ вѣроисповѣданіемъ, укрѣплялся и находилъ все больше приверженцевъ въ рядахъ протестантовъ и православныхъ; для послѣднихъ провозглашена унія русской церкви въ Польшѣ и въ Литвѣ съ Римомъ, и такимъ образомъ увеличено число католиковъ-унитовъ (уніатовъ) въ рѣчи посполитой. „Диссиденты“ не были уже всѣ обыватели рѣчи посполитой, „разнящіеся“ въ вѣроисповѣданіи, католики, протестанты (кальвинисты, чешскіе братья, лютеране, аріане) и православные; ими стали только протестанты и православные, или, какъ они съ точки зрѣнія господствующаго

католицизма назывались „еретики“ и „схизматики“, „дисуниты“; всѣ эти „диссиденты“ чувствовали все большее господство католицизма во всѣхъ политическихъ вопросахъ.

Анархія въ Польшѣ усиливалась все больше, да стали уже говорить, что анархіей и держится Польша. Анархическій духъ шляхты вспыхнулъ въ открытое возстаніе (рокошъ) Зебридовскаго, въ которомъ играетъ извѣстную роль тоже опозиція противъ католической реакціи. Тогда въ началѣ XVII в. представилась возможность присоединенія московской Руси къ Польшѣ. Но анархическіе наѣзды польскихъ пановъ на сѣверо-восточную Русь, которые поддерживали разныхъ самозванцевъ и авантюристовъ добивавшихся царскаго вѣнца въ Москвѣ, и помогали имъ грабить и опустошать русское царство, религіозная односторонность Польши, неумѣстное отождествленіе интересовъ польско-славянскихъ и римско-католическихъ: все это не только помѣшало такому соединенію Польши и Москвы, но совсѣмъ разссорило оба славянскія государства. Съ другой стороны и на западѣ польскіе солдаты, съ позволенія польскаго короля, помогали Нѣмцамъ и Риму доконать чешское „еретическое“ государство; такимъ образомъ и Польша способствовала ослабленію славянскаго элемента и усиленію Нѣмцевъ въ средней Европѣ. Борьба съ Турціею была Польшѣ не по силѣ и не по средствамъ, и Татары свирѣпствовали въ ней и особенно въ ея русскихъ областяхъ по прежнему. Силами военнаго населенія юговосточныхъ окраинъ, русскихъ козаковъ, Польша не съумѣла ни воспользоваться въ борьбѣ противъ магометанскаго міра, ни удерживать ихъ въ повиновеніи, и ей приходилось часто подавлять козацкія возстанія. Великому походу противъ Крыма и Турціи, который приготовлялъ король *Владиславъ IV* (1632 до 1648), помѣшала подозрительная шляхта, усматривая въ этомъ планѣ попытку къ усиленію королевской власти и покушеніе на свои привилегіи. Съ политическимъ и экономическимъ упадкомъ, съ упадкомъ свободы совѣсти и съ побѣдою іезуитовъ, былъ въ связи упадокъ просвѣщенія и образованности, и Польша останавливалась на пути культурнаго движенія и оставалась позади остальныхъ европейскихъ народовъ.

Смутное время настало для Польши съ половины XVII вѣка, при королѣ *Іоаннѣ Казимірѣ* (1648—1668). Возстаніе русскихъ козаковъ и народа подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго и возникшая изъ этого война съ русскимъ царствомъ потрясли Польшу до самыхъ основъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ свирѣпствовали войны съ Швеціею, Бранденбургомъ-Пруссіею, которая освободилась отъ ленной зависимости, Семиградьемъ, съ Турціею, да внутренняя война—возстаніе Любомирскаго. Польша находилась на краю гибели, но выпуталась на этотъ разъ еще довольно благополучно, лишившись только нѣкоторыхъ восточно-русскихъ земель, Ливоніи и Пруссіи. Король Іоаннъ Казиміръ однако уже тогда пророческимъ духомъ предсказалъ неминуемую гибель Польши въ будущемъ и раздѣленіе ея между сосѣдей. Король *Іоаннъ Собескій* (1674–1696) воевалъ съ Турками счастливо и несчастливо, освободилъ отъ нихъ Вѣну, но утраченныхъ земель возвратить Польшѣ не могъ: онѣ, т. е. часть Украины и Подолье, возвращены ей только при его преемникѣ *Августѣ II* саксонскомъ (1697—1733), съ которымъ воцарилась въ Польшѣ нѣмецкая династія.

Польша, лишенная сильной королевской власти и всего авторитета и почета, сдѣлалась театромъ политической дѣятельности чужихъ державъ и борьбы партій въ ихъ службѣ. Сеймы, въ слѣдствіе права каждаго депутата прекратить ихъ дѣятельность безсмысленнымъ liberum veto, не кончали своихъ законодательныхъ работъ. Паны и управляемая ими шляхта, олицетворяя собою государство, не хотѣли однако его поддерживать, а, напротивъ, расшатывали его всевозможными способами, и выжимали, вмѣстѣ съ ужасно расплождавшимся жидовствомъ, послѣдніе соки изъ порабощеннаго люда. Съ упадкомъ городовъ упала и промышленность и торговля, и Польша подпадала все въ большую экономическую зависимость отъ иностранцевъ, преимущественно Нѣмцевъ. Благодаря іезуитско-католическому вліянію общій уровень просвѣщенія понизился въ опасныхъ размѣрахъ. Все это происходило въ Польшѣ какъ разъ въ то время, когда окружающіе ее народы и государства развивались политически, матеріально и умственно. Преслѣдованіе польскихъ

диссидентовъ представляло чужимъ державамъ желаемый случай вмѣшиваться все болѣе во внутреннія дѣла дряблой рѣчи посполитой. Съ начала XVIII в., во время сѣверной войны, чужія войска хозяйничали въ Польшѣ безпрепятственно, и Польша, никому не опасная, не грозная, терзаемая анархіею, очутилась въ все большей зависимости отъ чужихъ державъ, именно отъ усиливающейся имперіи русской. Россія удержала Августа II на польскомъ тронѣ, и посадила на него его сына *Августа III* (1733—1763), и наконецъ и послѣдняго польскаго короля, *Станислава Августа Понятовскаго* (1764—1795).

Давно подготовляемое паденіе Польши состоялось наконецъ во второй половинѣ XVIII вѣка, и не могло быть уже предотвращено производимыми или приготовляемыми реформами: все было уже поздно. Польша, кромѣ того, совершила роковую ошибку, что она не бросилась безусловно въ объятія Россіи, такъ какъ это одно могло ее еще спасти изъ подъ власти Нѣмцевъ, могло сохранить по крайней мѣрѣ національную цѣлость польскаго народа. Такимъ образомъ Польша вмѣсто того чтобъ всей соединиться съ славянскою Россіею, раздѣлена между тремя сосѣдними державами, Пруссіею, Австріею и Россіею (1772, 1793, 1795); мысль далъ Фридрихъ прусскій, охотно ее приняла Австрія, наипозже Россія. Пророчество польскаго короля Іоанна Казиміра сбылось вполнѣ.

Паденіе Польши обусловливалось причинами внутренними и внѣшними. Королевская власть и идея государства приведены здѣсь въ полное разрушеніе, и недоставало выдающихся королей и государственныхъ людей, которые были бы въ состояніи направить государственную жизнь Польши на другой путь. Между тѣмъ въ сосѣднихъ странахъ государственная идея, благодаря энергичнымъ государямъ и государственнымъ людямъ, все больше усиливалась, и на границахъ Польши образовались сильныя самодержавныя монархіи, русская, прусская и австрійская. Польша распространяясь на востокъ въ русскія земли, перестала быть однороднымъ, національнымъ и религіознымъ цѣлымъ. Ея правители не съумѣли примирить вѣковую религіозную и національную противуположность между Поляками и Русью, и поль-

скому элементу удалось асимилировать себѣ на Руси одни только высшіе слои, а не весь народъ. Эта Русь въ Польшѣ и въ Литвѣ не видѣла и не искала своей точки тяготѣнія въ государствѣ польскомъ, а обращалась все больше къ истому средоточію всей Руси, къ Москвѣ, гдѣ жилъ православный царь всея Руси, который всегда считалъ всѣ русскія земли своею отчиною, а Литовцевъ и Поляковъ втершимися въ нее пришлецами. Такое положеніе Москвы среди всей Руси рѣшило судьбу югозападной Руси, которая могла оставаться въ подданствѣ Литвы и Польши только до тѣхъ поръ, пока сѣверовосточная Русь, Москва, была слаба; но какъ только Москва усилилась, и дѣлалась и считалась средоточіемъ всей Руси, то югозападная Русь возвращалась исподоволь, начиная съ конца XV вѣка, подъ господство русскаго царя, и досталась ему наконецъ—кромѣ Руси Червоной—въ теченіи второй половины XVIII вѣка. Это бы состоялось, еслибъ даже Польша была государствомъ лучше устроеннымъ и болѣе сильнымъ, чѣмъ она на дѣлѣ была; остановить этотъ естественный процесъ или ему помѣшать она никоимъ образомъ не могла. Русская имперія собрала почти всѣ русскія земли, подданныя Литвѣ и Польшѣ, но не пріобрѣла ни малѣйшаго куска собственно польской земли. Польшу т. е. польскія земли по Вартѣ и по Вислѣ, раздѣлили между собою Нѣмцы, Прусаки и Австрійцы.

Это раздѣленіе Польши между Нѣмцами составляло третій актъ и окончаніе западно-славянской трагедіи вообще, которая началась тысячелѣтіе тому назадъ: изъ давна Нѣмцы нападали на западное Славянство, покоряли и истребляли его и основывали на его шеяхъ и могилахъ свое господство между Лабою и Одрою, въ скоромъ времени асимилировали себѣ тамошнихъ Славянъ, и стремились дальше на востокъ, въ Польшу. Столѣтіе спустя нѣмецкіе крестоносцы водрузили свой мечъ на нижней Вислѣ, въ Пруссіи и въ восточномъ Поморьѣ, и нападали на Польшу съ сѣвера. Польша съ помощью Литвы усмирила нѣмецкихъ крестоносцевъ, и возвратила себѣ Поморье; но совершила роковую ошибку, оставивши прусское княжество въ рукахъ нѣмецкихъ рыцарей и допустивши его соединеніе съ Бранденбургомъ. Бранденбургскіе курфюрсты, назвавшись прус-

скими королями, стремились соединить Бранденбургъ съ Пруссіею, отдѣленною отъ него польскими землями. Въ теченіи второй половины XVIII вѣка они не только этого добились, но слѣдуя своему привычному стремленію на востокъ, захватили кромѣ восточнаго Поморья (королевской Пруссіи) тоже Великую Польшу и Мазовію; другія, когда-то ляшскія земли, западное Поморье и Силезію, они пріобрѣли уже раньше. Подобный тому захватъ славянскихъ земель происходилъ тоже на югѣ. Нѣмцы, водворивши свое господство на среднемъ Дунаѣ и въ Альпахъ, въ земляхъ когда-то славянскихъ, все стремились завладѣть Чехіею, единственнымъ славянскимъ государствомъ въ средней Европѣ. Этого они и добились: австрійскіе эрцгерцоги стали не только императорами римско-нѣмецкими, но тоже королями чешскими и угорскими и хорватскими. Въ 1620 г. пало самостоятельное государство чешское, и наводнялось нѣмецкимъ элементомъ который подъ эгидой Габсбурговъ распространялся и въ Угрію и въ югославянскія земли. Въ XVIII в. Нѣмцы, посредствомъ Австріи, захватили Малую Польшу и изъ давна съ нею соединенную Червоную Русь. Въ интересахъ Польши и всего Славянства надо сожалѣть о томъ, что Польша, если ея паденіе стало уже неминуемымъ, не досталась вся Россіи, и что Россія вынуждена была отдать Нѣмцамъ собственно польскія земли. Объ этомъ не переставали сожалѣть и многіе польскіе патріоты, которые послѣ паденія политической независимости Польши, стали трудиться надъ возрожденіемъ польскаго народа, усматривая въ славянской Россіи опору для своего народа, члена великой славянской семьи.

Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII в. нѣмецкое господство двинулось отъ Лабы и Одры на востокъ за Вислу, и организованный нѣмецкій элементъ завладѣлъ всѣми полабскими и повислянскими землями, до Нѣмана, Буга и Збруча. Въ Гданскѣ, Познанѣ и Варшавѣ, въ провинціяхъ West-Preussen, Süd-Preussen, Neu-Ost-Preussen, въ Краковѣ, Люблинѣ и Львовѣ, въ королевствахъ Galizien und Lodomerien, раздалась нѣмецкая команда, заскрипѣли перья нѣмецкихъ чиновниковъ и учителей, какъ это было уже раньше въ Воротиславлѣ, Прагѣ и Бернѣ, въ Люблянѣ и Загребѣ.

V.

СЛОВЕНЦЫ[1]).

Словенцы являются подъ этимъ своимъ названіемъ въ альпійскихъ земляхъ Норика въ концѣ VI в., доходя на западъ до рѣки Ина и за Сочу; на сѣверѣ отдѣлялъ ихъ отъ Чеховъ, Ракоусовъ и Моравянъ Дунай, на югѣ граничили съ Хорватами въ Истріи; на востокѣ прилегали къ нимъ ближайшіе ихъ соплеменники въ Панноніи, часть которыхъ со временъ завоеванія ея Уграми исчезла кромѣ незначительныхъ остатковъ, а другая часть вошла въ составъ Хорватіи, съ сохраненіемъ однако своего названія словенскаго до недавна и своего нарѣчія (кайкавскаго) до сихъ поръ. Большую, сѣверную половину словенской обла-

---

[1]) Исторія словенскаго народа, какъ одного національнаго цѣлаго, мало обработана. Источники ея надо искать въ собраніяхъ лѣтописей и грамотъ, касающихся исторіи Австріи, Штиріи, Каринтіи, Крайны, Горицы, Истріи, Тироля, Баваріи и др. О древней исторіи Словенцевъ см. Шафарикъ: Славян. древности §§ 35, 36; Bradaška: O najstareji slovenski zgodovini (Letopis Matice slovenske 1870), Kämmel: Die Entstehung des österreich.-Deutschthums. (1879). Новѣйшую исторію см. въ исторіяхъ Штиріи (Muchar), Каринтіи (Ankershofen), Крайны (Dimitz), Горицы (Czörnig), и др.; Šuman: Die Slovenen (1881), и Пыпинъ: Исторія славянскихъ литературъ I. Замѣтимъ здѣсь, что правильная форма—Словенцы, словенскій; „Словинцы, словинскій“ означало и означаетъ на славянскомъ югѣ, именно въ Далмаціи, гдѣ произносятъ *ѣ* какъ *и*, адріатическихъ Югославянъ (Хорватовъ и Сербовъ).

сти населяли *Коржтане* (Carantani, Carantania, нынѣ *Корошцы*, корошская земля, древне-рус. *Хорутане*, чешск. *Корутане*); на югѣ была земля *краньская* (Carnia). Словенцы, раздѣленные на разныя племена, соединились въ одно государство подъ княземъ *Самомъ*, который ихъ освободилъ отъ власти Обровъ (Аваровъ), и отстоялъ словенскую самостоятельность противъ Франковъ (630). Но въ послѣдствіи, въ VIII в., Словенцы сдѣлались подручниками Баварцевъ и Франковъ, и приняли христіанство. Князья встрѣчаются у Словенцевъ, въ земляхъ коржтанской и краньской, до конца VIII в.; но съ начала IX в. Словенцы находились уже подъ непосредственнымъ владычествомъ Нѣмцевъ, и подъ разными герцогами, маркграфами, графами, епископами. Главное было здѣсь герцогство карантанское и его области Штирія, Крайна, Фріуль, Истрія, которыя отъ части сдѣлались со временемъ самостоятельными, дальше Горица, и Восточная Марка (Австрія).

Во второй половинѣ XIII в. нѣмецкія и словенскія земли между Дунаемъ и адріатическимъ моремъ соединены съ чешскимъ государствомъ Премысла Отакара II; но послѣ паденія этого чешскаго короля всѣ эти альпійскія земли достались, въ XIII—XIV вв., Габсбургамъ, которые основали здѣсь новую сильную нѣмецкую державу.

Вмѣстѣ съ нѣмецкимъ господствомъ шла нѣмецкая колонизація, распространялся нѣмецкій языкъ. Духовенство, дворянство, мѣщанство было нѣмецкое и, если въ ихъ числѣ были и Словенцы, то они скоро стали Нѣмцами. Вся сѣверная половина словенской области, между Дунаемъ и Дравою, со временемъ онѣмечилась, и Словенцы здѣсь мало по малу исчезали; ихъ память сохраняли здѣсь позже только нѣкоторыя учрежденія (lex slavica, institutio sclavanica, mansi sclavonici), особенно множество словенскихъ географическихъ названій. Но и въ южной половинѣ словенской земли, между Дравою и адріатическимъ моремъ, гдѣ осталось словенское населеніе, словенскій языкъ былъ языкомъ только простонародья, и если онъ былъ и между высшими слоями извѣстенъ, то все таки не былъ въ такомъ употребленіи, какъ нѣмецкій, и раздавался лишь только при старин-

ныхъ обрядахъ сажанія на княжескій столъ герцоговъ карантанскихъ. Только съ XVI вѣка, со времени нѣмецкой реформаціи распространявшейся и между Словенцами, нѣкоторые священники стали писать на словенскомъ языкѣ, прежде всего для религіозныхъ цѣлей, съ начала въ смыслѣ протестантизма, и послѣ его подавленія, въ смыслѣ католическомъ. Словенцы несли всѣ тяжести разныхъ войнъ своихъ нѣмецкихъ господъ съ Венеціанцами, Турками; они участвовали тоже въ хорватскихъ сельскихъ смутахъ XVI в., добиваясь „стараго права“ противъ притѣсненій своихъ господъ.

Господство нѣмецкаго элемента въ высшихъ слояхъ, политическое раздробленіе малаго народа на нѣсколько отдѣльныхъ областей, породили и утвердили партикуляризмъ посреди Словенцевъ изъ венеціанскаго Фріуля, австрійской Горицы, Истріи, Каринтіи, Крайны, Штиріи и Угріи. Только съ конца XVIII в. начинается возрожденіе словенскаго народа, развивается сознаніе національной солидарности всѣхъ Словенцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе родства съ остальными Славянами.

VI.

ХОРВАТЫ [1]).

На Далмацію нападали Славяне въ VI в., и завоевали ее ок. 600 г. Это были славянскія племена, названныя позже Хорваты и Сербы. Первоначальная Хорватія заключалась между адріатическимъ моремъ, Савою, Цетиною и Вербасомъ; на востокъ отъ Хорватовъ, по рѣкамъ Боснѣ, Link и Моравѣ (за-

---

[1]) Источники хорватской и сербской исторіи, которые оцѣнилъ Rački (Ocjena starijih izvora), изд. Rački: Documenta historiae Chroatiae (1877); Kukuljević: Jura Regni Croatiae (1861), Acta croatica (1863), Codex. diplomat. Croatiae (съ 1874); Theiner: Vetera monumenta Slavorum merid. (1863—1875); Monumenta spectantia historiam Slavorum merid. (съ 1868); Макушевъ: Monumenta histor. Slavorum merid. (1874—1882); Monumenta historico-juridica Slavorum merid. (съ 1878), и др. Хорватскую исторію, отдѣльно или въ связи съ остальной югославянской, обработываетъ особенно Рачкій въ сборникѣ Rad jugoslav. akademije (Hrvatska prije XII v., Borba južnih Slovena, Pokret na sloven. jugu, Bogomili и др.); Tkalčić: Hrvatska povjestnica; Ljubić: Pregled hrvatske poviesti (1864); Smičiklas: Poviest hrvatska (1879—1882). О Дубровникѣ и о его отношеніяхъ къ Венеціи см. статьи Любича въ сборникѣ Rad (5, 17), Макушевъ: Изслѣдованія объ истор. памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (1867); о внутреннемъ устройствѣ Леонтовичъ въ Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщ. 1867, 136; о другихъ далмат. и хорв. общинахъ см. Reutz: Verfassung u. Rechtszustand der dalmat. Küstenstädte (1841, также и по русски), Леонтовичъ: Древнее хорвато-далмат. законодательство (1868).

падной) поселились Сербы. Племена жившія на югъ отъ Хорватовъ и отъ Сербовъ, назвалися по новымъ своимъ землямъ Неретвяне, Захолмяне, Требиняне, Подгоряне, Діоклейцы (Зетяне) и пр.; но вмѣстѣ съ тѣмъ они называли себя вообще Славяне (Словине, Словинцы), свою землю и свою рѣчь славянскою (словинскою). Позже приморскіе Словине до Дубровника назывались тоже Хорватами, а другіе Сербами, названія, которыя обусловливались тоже вѣроисповѣданіемъ, католическимъ и православнымъ. Въ адріатическомъ приморьѣ, въ Далмаціи, осталось нѣсколько римско-итальянскихъ общинъ, Задаръ, Сплѣтъ, Трогиръ, Дубровникъ, которыя однако со временемъ поддались вліянію окружавшаго ихъ славянскаго элемента.

Съ конца VIII в. Хорваты въ Далмаціи, подобно Славянамъ Норика и Панонія, признали верховную власть Франковъ, а столѣтіе спустя — императоровъ восточно-римскихъ; верховная власть Византіи продолжала существовать до конца XI вѣка, хотя тогда уже только по имени. Хорваты и другіе приморскіе Славяне приняли христіанство изъ Рима; словѣнскій языкъ, употребляемый ими въ богослуженіи рядомъ съ латинскимъ, Римъ съ начала преслѣдовалъ, но въ послѣдствіи опять разрѣшилъ въ части хорватской церкви. Сербы примкнули къ восточной церкви и тѣмъ самымъ и къ греческой культурѣ. Политическое, религіозное и культурное раздвоеніе одного народа на Хорватовъ и Сербовъ осталось уже во всѣ послѣдующія времена до сихъ поръ къ обоюдному ущербу. Напрасно югославянскіе католики и православные подтрунивали другъ надъ другомъ, католики надъ „схизматиками, влахами“, а православные надъ „латинянами, шокцами (дураками)“; надъ обоими подтруниваетъ горькая народная иронія тѣхъ и другихъ, что, вѣдь, „власи сиромаси, а шокци убогци“.

Хорваты основали рано довольно сильное княжество, съ начала X вѣка королевство; хорватскій народъ распространился тоже въ Истрію, которая однако не вошла въ составъ хорватскаго государства. Въ X вѣкѣ распространилось владычество хорватскихъ королей на сѣверъ за Саву до средней Дравы. Съ тѣхъ поръ эта „славянская“ земля (Slavonia, хорват. Сло-

винская земля, Словинія, жители—Словинцы) между Савою и Дравою принадлежала на западѣ Хорватіи, между тѣмъ какъ восточная ея часть (съ Срѣмомъ) была болгарская, византійская, и со второй половины XI в. угорская. При короляхъ *Крѣсимірахъ* (первый около половины X в., второй ок. 1050—1073) Хорватія распространила свое господство въ нѣкоторыя сосѣдвія сербскія земли и въ далматскія городскія общины, которыя, будучи единственнымъ остаткомъ римской Далмаціи, признавали съ начала верховную власть Византіи, но въ послѣдствіи составляли предметъ борьбы между Венеціею и Хорватіею. Послѣ прекращенія королевской династіи, хорватскій столъ достался нѣсколькимъ хорватскимъ вельможамъ, *Димитрію Званиміру*, *Петру Свачичу*, а въ 1102 г. Хорваты выбрали въ короли угорскаго короля *Коломана*.

Съ тѣхъ поръ хорватско-далматское королевство соединено съ угорскимъ и, хотя оно сохраняло и впредь свое отдѣльное положеніе и внутреннее самоуправленіе подъ своимъ баномъ, все таки въ внѣшней политикѣ являлось уже только какъ часть угорскаго государства, которое съ тѣхъ поръ пріобрѣтаетъ все большее вліяніе на славянскомъ югѣ; кромѣ Хорватіи оно здѣсь заняло въ XI в. Срѣмъ, и стало распространять свое владычество въ сосѣднія сербскія земли, именно въ Босну и въ сѣверную Сербію, въ Мачву. Попытка византійскаго императора Мануила во второй половинѣ XII вѣка, возобновить власть восточно-римской имперіи на всемъ балканскомъ полуостровѣ, во всей Далмаціи, тогда уже хорватской и сербской, удалась только на время, и по его смерти хорватскія земли возвратились къ Угріи. Далматскія городскія общины продолжали быть предметомъ споровъ между Венеціею и Угріею, пока наконецъ въ 1358 г. утвердилось въ нихъ угорское господство; тогда призналъ тоже Дубровникъ верховную власть Угріи.

Хорваты, входя въ составъ угорскаго государства, играли въ немъ часто важную роль. Они, во время страшнаго наѣзда Монголовъ въ Угрію (1241—1242), отразили ихъ въ приморскихъ странахъ, способствуя такимъ образомъ, подобно Чехамъ, освобожденію средней Европы отъ этихъ грозныхъ враговъ, ко-

торые навѣстили потомъ еще Сербію и Болгарію. Хорваты, въ ихъ главѣ банъ Павелъ Шубичъ, въ началѣ XIV в. проложили новой династіи неаполитанскихъ Анжу дорогу на угорскій престолъ и помогли имъ въ достиженіи этой цѣли противъ другихъ претендентовъ; Шубичи Павелъ и его сынъ Младенъ, господствовали тогда почти самостоятельно въ Хорватіи и въ Боснѣ. Также и въ концѣ XIV в., послѣ смерти короля Людовика (1382), многіе Хорваты призвали на престолъ угорско-хорватскій неаполитанскаго короля Карла противъ дочери Людовика Маріи и ея мужа Сигизмунда чешскаго; они долго сопротивлялись明Уграмъ, вмѣстѣ съ босенскимъ королемъ Стефаномъ Твրдкомъ, который намѣревался основать югославянское государство изъ земель хорватскихъ и босенско-сербскихъ. Но этотъ планъ не удался, равнымъ образомъ какъ не удалась позже подобная попытка босенскаго короля Стефана Остои и его войводы Хервои и Хорватовъ, которые поддерживали кандидатуру Ладислава неаполитанскаго на тронъ угорско-хорватскій; вскорѣ Хорватія и Босна возвратились къ побѣдителю, угорскому королю Сигизмунду (1408).

Во время этихъ долголѣтнихъ войнъ Турки все больше усиливались на балканскомъ полуостровѣ, и стали вторгаться уже въ Хорватію; съ другой стороны Венеціанцы распространили свое господство во всей приморской Далмаціи отъ Задра до Котора (кромѣ Дубровника), которая имъ и уступлена (1433), въ ущербъ Хорватамъ и вообще всему южному Славянству. Турки завоевали почти весь балканскій полуостровъ, покорили Сербію, Болгарію, Босну, и вторгались въ Хорватію и въ Угрію. Угорско-хорватское государство не было въ состояніи остановить грозныхъ Турокъ, тѣмъ болѣе, что его силы расточались въ войнахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, съ чешскими „еретиками“; такъ было уже при королѣ Сигизмундѣ, такъ было и при королѣ *Матвѣѣ* Корвинѣ (1458—1490). Во время войнъ Матвѣя съ Чехами и съ императоромъ Фридрихомъ югославянскія земли страдали отъ наѣздовъ Турокъ, напоръ которыхъ здѣсь сдерживали почти одни Хорваты, Франкапаны, Зринскій, Бериславичъ, Карловичъ и др. Опасность со стороны Турокъ, которая уже въ те-

ченія XV в. принуждала Угрію нѣсколько разъ прибѣгать къ союзамъ съ сосѣдними государствами, съ польскимъ, чешскимъ и съ австрійскими землями, повела наконецъ къ соединенію коронъ угорской и чешской въ рукахъ чешскихъ Ягайловичей. Но Турки распространяли свое господство все дальше на сѣверъ, завоевали Бѣлградъ и, послѣ битвы подъ Мохачемъ (1526), юговосточную Хорватію съ городомъ Яйцемъ, и восточную половину Словиніи или Славоніи между Дравою и Савою, съ конца XV в. особаго королевства подлѣ хорватскаго и далматскаго.

По смерти короля Людовика Ягайловича въ битвѣ мохачской Хорваты выбрали въ короли (1527) Фердинанда, эрцгерцога австрійскаго и короля чешскаго, который помогалъ имъ уже раньше въ оборонѣ ихъ родины; но Угры выбрали Іоанна Запольскаго, который нашелъ много приверженцевъ и въ Хорватіи. Начались войны противъ Турокъ и противъ Запольскаго и его партіи, и Фердинандъ признанъ повсюду королемъ хорватскимъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, а угорскимъ королемъ по смерти Запольскаго, хотя отъ угорскаго королевства осталось ему только его сѣверозападная часть; остальная, восточная часть вмѣстѣ съ восточною Славоніею, была турецкая или составляла владѣнія сына Запольскаго. Хорваты ошиблись, предполагая, что въ слѣдствіе избранія Габсбурговъ снискаютъ себѣ дѣятельную помощь изъ Германіи. Габсбурги, подобно нѣкоторымъ прежнимъ угорскимъ королямъ, интересовались больше новыми „еретиками“ средней Европы, протестантами, чѣмъ Турками. Хорваты должны были, по прежнему, напрягать всѣ силы въ этой борьбѣ съ Турками, и заслужили себѣ вполнѣ справедливый титулъ „оплота христіанства“; изъ ихъ рядовъ вышло много такихъ героевъ, какъ Николай Зринскій, погибшій при защитѣ Сигета (1566). Отъ хорватскаго королевства уцѣлѣли одни только „остатки“ (reliquiae, какъ выражались Хорваты) на сѣверозападѣ, именно западная половина королевства словинскаго около Загреба, которая съ тѣхъ поръ называлась „Хорватіей“; настоящая Хорватія на югъ отъ Савы была давно венеціанская (Далмація) и турецкая. Хорватскій народъ бѣжалъ отъ военныхъ бѣдствій на сѣверъ за Драву въ югозападную Угрію и на

4*

границы австрійскія. Къ военнымъ бѣдствіямъ присоединилась внутренняя война; сельскій народъ, страдая отъ Турокъ и отъ своихъ господъ, возсталъ противъ послѣднихъ; это возстаніе въ земляхъ хорватскихъ и словенскихъ подавлено съ трудомъ и съ большимъ кровопролитіемъ (1573). Для лучшей обороны противъ Турокъ хорватская окраина („краина") на границѣ турецкихъ владѣній въ Боснѣ и въ Хорватіи устраивалась по военному, какъ военная Граница подъ начальствомъ цесарскихъ генераловъ и при помощи нѣмецкихъ военныхъ отрядовъ; къ ней принадлежали тоже сербскіе „ускоки" (бѣглецы) изъ Босны, поселившіеся въ приморской Хорватіи около Сеня. Такихъ сербскихъ бѣглецевъ изъ Босны и Сербіи прибывало все больше въ Хорватію, особенно въ краину.

Турецкая сила ослабѣвала только съ начала XVII вѣка, и Хорваты и поселившіеся въ Хорватіи Сербы, пользуясь на продолжительное время большимъ спокойствіемъ со стороны Турокъ, могли послѣдовать примѣру своихъ соплеменниковъ въ Далмаціи, бьющихся уже давно за интересы югославянскихъ кровопійцъ Венеціанцевъ, и проливали свою кровь въ 30-лѣтней войнѣ, за чужіе интересы, въ пользу Габсбурговъ и католицизма въ Германіи, стяжая себѣ одну только военную славу. Въ Хорватіи католицизмъ былъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, а протестантская „чума", послѣ нѣкоторыхъ несмѣлыхъ зачатковъ, тамъ не распространилась; банъ Эрдэды приготовлялъ на нее рѣки и мечъ. Также и православные Сербы или „схизматики Влахи" въ Хорватіи и въ Угріи должны были испытывать разныя придирки и преслѣдованія.

Войны съ Турками возобновились во второй половинѣ XVII вѣка, и въ нихъ принимали дѣятельное участіе Хорваты, ихъ баны братья Зринскіе, Николай и Петръ. Въ Угріи и въ Хорватіи недовольство нѣмецкимъ правленіемъ императора все больше усиливалось, Хорваты все жаловались на нѣмецкія войска въ военной Границѣ, и Петръ Зринскій задумалъ освободить свою родину отъ нѣмецкаго правительства съ турецкой помощью. Но этотъ планъ не удался, Зринскій и Франкапанъ поплатились за это своими головами (1671), а министры совѣтовали импера-

тору послѣдовать примѣру Фердинанда II, подавившаго послѣ бѣлогорскаго сраженія сопротивленіе чешской шляхты на всегда, и поступить такимъ образомъ и въ Хорватіи. Это не состоялось, такъ какъ императоръ нуждался въ Хорватахъ противъ Угровъ и противъ Турокъ, которые послѣ пораженія подъ Вѣною (1683) вынуждены были отступать изъ Угріи, Хорватіи и Далмаціи. Но отъ всѣхъ завоеванныхъ земель остались императору (1699), кромѣ восточной Угріи, хорватское приморье и бывшая восточная Славонія, нынѣ уже просто „Славонія“, которыя однако не присоединены къ королевству хорватскому, а устроены по военному, какъ часть военной Границы.

Во время этихъ тяжелыхъ войнъ съ Турками нельзя было и подумать о болѣе живомъ развитіи литературы у южныхъ Славянъ. Только въ далматскихъ городскихъ общинахъ, преимущественно въ *Дубровникѣ*, въ этой „коронѣ городовъ словинскихъ или хорватскихъ“, литература нашла пріютъ; здѣсь, съ IV вѣка, подъ вліяніемъ сосѣдней Италіи, но тоже народной поэзіи сербской, процвѣтала поэзія на языкѣ словинскомъ или хорватскомъ, писанномъ латиницею, а науки на языкѣ латинскомъ или итальянскомъ. Также въ сношеніяхъ съ сосѣдними югославянскими странами Дубровчане употребляли словинскій (сербскій) языкъ писанный кириллицею; но офиціальнымъ языкомъ общины остался по закону языкъ латинскій, и тоже итальянскій. Дубровникъ отдавши себя послѣ 1526 г. подъ покровительство Турокъ, сохранилъ себѣ самостоятельность, и велъ обширную торговлю на балканскомъ полуостровѣ и въ Левантѣ.

Граница между Хорватіею и Турціею (турецкою Хорватіею, Босною и Сербіею) по миру карловицкому (1699), т. е. Сава и Уна, осталась съ тѣхъ поръ и впредь; присоединеніе земель на правомъ берегу Савы къ владѣніямъ Австріи (1718—1739) было только временно. Хорваты вмѣстѣ съ Сербами угорскими и хорватскими проливали свою кровь не только во всѣхъ трехъ австрійско-турецкихъ войнахъ XVIII вѣка, но тоже во всѣхъ войнахъ австрійской династіи въ Угріи, Италіи, Германіи, Нидерландахъ, Франціи. Хорватскія земли оставались все раздробленными: Далмація и Истрія находились подъ владычествомъ ве-

неціанскимъ, турецкая Хорватія подъ турецкимъ, остальная подъ австрійскимъ. Изъ нихъ королевства хорватское и славонское (это послѣднее соединено отъ части съ Хорватіею въ 1745 г.), составляя часть угорской короны, управлялись конституціоннымъ образомъ, при господствѣ дворянства надъ подданнымъ людомъ, и при официальномъ латинскомъ языкѣ. Военная Граница отъ моря адріатическаго до устья Савы, управлялась безъ подданства по военному, изъ Вѣны и по нѣмецки, генералами; тщетны были всѣ просьбы хорватскихъ чиновъ, чтобъ эта военная Граница была присоединена къ королевству. Придирки Хорватовъ католиковъ къ православнымъ Сербамъ (Влахамъ) продолжались, такъ что сама королева Марія-Терезія приказала, чтобъ католики и православные жили въ согласіи, такъ какъ она сама заключила союзъ съ русскою императрицею тоже православною. Хорватамъ пришлось защищаться противъ централизаціонныхъ стремленій Угровъ, которые посягали на самостоятельность хорватскаго королевства, считая его своею провинціею (pars adnexa); но этому Хорваты всегда рѣшительно сопротивлялись, считая свое королевство союзнымъ (regnum socium), и держась словъ одного изъ своихъ бановъ: regnum regno non praescribit leges. Хорваты приняли прагматическую санкцію раньше и независимо отъ Угровъ (1712).

Этотъ антагонизмъ между Хорватами и Уграми, съ начала политическій, потомъ національный, усиливался со временемъ все больше, вмѣстѣ съ пробужденіемъ и развитіемъ идеи народности, идеи славянской, которая на славянскомъ югѣ, именно между Хорватами, считала всегда усердныхъ приверженцевъ и защитниковъ.

VII.

СЕРБЫ[1]).

Позже чѣмъ Хорваты являются Сербы какъ одно политическое цѣлое. Славянскія племена, поселившіяся въ адріатическомъ приморьѣ, по Неретвѣ, Зетѣ, и дальше по Боснѣ, Дринѣ, Моравѣ, Ибрѣ, долго жили особо. Верховная власть восточно-римской имперіи была подъ часъ слаба, да въ X вѣкѣ два раза замѣнена болгарскою. Только при великомъ жупанѣ сербскомъ Чеславѣ, въ первой половинѣ X в., славянскія племена

---

[1]) Кромѣ изданій упомянутыхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, см. житія серб. государей изданныя Шафарикомъ (Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův), Даничичемъ (Доментіанъ, Даніилъ), Павловичемъ (сводъ лѣтописей); лѣтописи изд. Шафарика, Ястича и др.; Miklošič: Monumenta Serbica (1858), Пуцић: Споменици србски (1858—1862). Древнюю серб. исторію обработывали Раичъ въ выше упомянутыхъ сочиненіяхъ, Новаковић: Српске области X и XII в. (Гласник 1879, кн. 48), Срећковић: Историја срп. народа (1884, I), Васильевскій въ Славянскомъ Сборникѣ II. 210. Флоринскій: Южные Славяне и Византія во XIV в. (1882); Мијатовић: Деспот Ђурађ Бранковић (1880). О новой серб. исторіи см. Kállay: Geschichte der Serben (1877), Ranke: Serbien u. die Türkei (1879), Поповъ: Россія и Сербія (1869); о угорскихъ Сербахъ Picot: Les Serbes de Hongrie (1873, по сербски 1883), Schwicker: Polit. Geschichte der Serben in Ungarn (1880); о Босніи Klaić: Poviest Bosne (1882); о Черной Горѣ Медаковић (Повјестница Црне Горе 1850). Ср. введеніе къ соч. Майкова: Исторія серб. языка, по сербски: Историја српскога народа (1876).

адріатическаго приморья очутились въ нѣкоторой зависимости отъ восточнаго племени Сербовъ, и означались тоже этимъ названіемъ. Съ конца X в. восточные Сербы исчезаютъ съ историческаго поприща, и на немъ являются приморскіе Славяне; ихъ политическимъ центромъ стала на полтора вѣка Діоклеа (Зета) и соединенныя съ нею Требинье и Захолмье (Холмъ). Ихъ князья *Стефанъ Войславъ (Доброславъ), Михаилъ, Бодинъ, Радославъ* и др. княжили тоже въ нѣкоторыхъ восточныхъ земляхъ, именно въ Расѣ, воевали съ Византійцами, помогали Болгарамъ. Князь Михаилъ получилъ (1078) отъ папы достоинство „короля славянскаго", и такъ назывались и его преемники. Это „славянское королевство" (regnum Slavorum, кральество словинско) находилось въ церковномъ отношеніи въ повиновеніи Рима, составляя митрополію діоклейско-барскую.

Съ начала XII вѣка великіе жупаны расскіе добились независимости отъ Діоклеи, и находясь подъ верховною властью византійскихъ императоровъ, стремились къ тому, чтобъ вмѣсто королей славянско-діоклейскихъ занять здѣсь политическое первенство. Одинъ изъ этихъ великихъ жупановъ расскихъ, *Стефанъ Неманя* (1159—1195), сталъ собирателемъ сербскихъ земель и возобновителемъ Сербіи. Онъ соединилъ восточную Сербію (Рась), уничтоживши удѣлы своихъ братьевъ, присоединилъ къ своему государству славянское королевство Діоклею (Зету) съ Холмомъ и Требиньемъ, и, послѣ нѣскольких тщетныхъ попытокъ, освободился отъ верховной власти Византіи. Съ тѣхъ поръ сербское имя распространилось и дальше на юго-западъ въ приморье, хотя это приморье не перестало употреблять и впредь старинное имя „словинской" земли. Остальныя сербскія области на западѣ не присоединены къ Сербіи; земля Неретвянъ составляла часть Хорватіи; Босна послѣ соединенія Хорватіи съ Угріею, досталась (ок. 1130 г.) тоже угорской коронѣ, и баны босенскіе признали верховную власть угорскихъ королей, которые съ тѣхъ поръ и называются королями босенскими или рамскими (Рама — часть Босны); также и сѣверная сербская область Мачва съ Бѣлградомъ досталась въ половинѣ XII в. Угріи. За то Стефанъ Неманя распространилъ границы

Сербіи на востокъ и на югъ въ болгарскія земли, находившіяся тогда подъ византійскимъ владычествомъ. Стефанъ Неманя прекратилъ долговѣчное колебаніе Сербовъ между западомъ и востокомъ, утвердилъ въ Сербіи православіе, и истребилъ церковь Богомиловъ или Патаренъ, которые изъ Болгаріи распространились въ Сербію, и сохранились потомъ въ Боснѣ; здѣсь они, не смотря на всѣ преслѣдованія, нашли себѣ много приверженцевъ въ рядахъ вельможей, также посреди самихъ государей, и пріобрѣли важное значеніе въ землѣ.

Сближеніе преемника и сына Немани, *Стефана*, съ Римомъ было непродолжительно. Стефанъ получивши отъ папы королевскую корону, возобновилъ въ Сербіи королевское достоинство; но скоро связь Сербіи съ Греками утверждена, и сербская церковь устроена, какъ часть восточной, архіепископомъ Савою, братомъ короля. Всѣ за тѣмъ послѣдовавшія стремленія папской куріи подчинить себѣ нѣкоторыхъ сербскихъ государей, не имѣли уже успѣха. Также и угорская верховная власть въ Сербіи продержалась всего одинъ годъ (1202—1203), но съ тѣхъ поръ угорскіе короли называются королями сербскими. Тѣмъ не менѣе связь, соединявшая Сербію съ Угріею, была довольно тѣсна; сѣверныя сербскія области, Мачва съ Браничевомъ, все были угорскою бановиною (окраиною), и верховную власть Угріи признавали не только босенскіе баны, но тоже холмскіе князья (до второй половины XIII в.). Самъ сербскій король *Стефанъ Урошъ* (1243—1276) помогалъ угорскому королю Белѣ въ его войнѣ съ чешскимъ королемъ Премысломъ Отакаромъ, и присутствовалъ при заключеніи мира между обоими королями. Въ Угріи нашелъ убѣжище старшій сынъ Стефана Уроша, король *Стефанъ Драгутинъ*, лишенный власти младшимъ своимъ братомъ Милютиномъ; Драгутинъ получилъ отъ угорскаго короля, своего шурина, въ управленіе Босну, Мачву, Браничево и Срѣмъ (1282—1314).

Король *Стефанъ Милютинъ* (1282—1320) возобновилъ политику своего прадѣда Немани и стремился доставить Сербіи первенство на балканскомъ полуостровѣ. Счастливыми войнами противъ Византіи онъ завоевалъ большую часть Македоніи, но

скоро вступилъ въ дружескія сношенія съ Византіею и съ Болгаріею. Только на западѣ Сербіи не везло: Босна оставалась угорско-хорватскою бановиною подъ Шубичами и Котроманичами, да и Холмъ отнятъ у Сербіи босенскимъ баномъ (1325). Внукъ Милютина, *Стефанъ Душанъ* (1331 — 1355), продолжалъ политику своего дѣда. Болгарія, побѣжденная еще при отцѣ Душана, королѣ *Стефанѣ Дечанскомъ* (назвавшемся по основанному имъ монастырю Дечанамъ) въ 1330 г., сдѣлалась союзницею Сербіи противъ Византіи. Стефанъ Душанъ распространилъ границы Сербіи далеко на югъ въ Македонію, Албанію, Ѳесалію и даже въ Грецію; будучи самымъ сильнымъ государемъ на балканскомъ полуостровѣ, провозгласилъ себя царемъ (императоромъ) сербскимъ, греческимъ, тоже болгарскимъ (1346), устроилъ свой дворъ и управленіе государствомъ на греческій ладъ, и вообще думалъ сдѣлаться настоящимъ императоромъ греческимъ. Чтобъ сдѣлать и сербскую церковь независимою отъ царьградскаго патріарха, онъ основалъ самостоятельный сербскій патріархатъ въ Печи. Государственное устройство утвердилъ знаменитымъ законникомъ. Только на западѣ противъ Угріи Стефанъ не имѣлъ успѣховъ, и вынужденъ былъ обратиться къ папѣ, обѣщая принять католицизмъ къ большому, хотя тщетному удовольствію папы и римскаго императора и чешскаго короля, Карла IV.

Послѣ смерти сильнаго Душана, намѣстники обширной его державы не слушались его сына и преемника царя *Стефана Уроша*, и владѣли самостоятельно въ своихъ областяхъ. Между тѣмъ Турки, которые помогали уже Грекамъ противъ Душана, пользуясь междоусобицами христіанскихъ государствъ, распространили свое господство въ Ѳракіи, угрожая уже Болгаріи и Сербіи. Одинъ изъ сербскихъ намѣстниковъ, король *Вукашинъ Мрнявичъ*, убилъ царя Стефана Уроша, послѣдняго Неманича (1367), и занялъ сербскій престолъ, но вскорѣ самъ погибъ въ сраженіи на Марицѣ недалеко Адріанополя, противъ Турокъ (1371). Турки изъ покоренной Ѳракіи и Македоніи—гдѣ между прочимъ призналъ ихъ верховное владычество сынъ Вукашина королевичъ Марко—двинулись противъ Сербіи, въ которой

господствовалъ послѣ Вукашина другой бывшій намѣстникъ, князь ***Лазарь Гребляновичъ.*** Но слабая Сербія не могла сопротивляться этому страшному врагу, и въ 1389 г. въ битвѣ на Косовомъ полѣ, Сербы и ихъ союзники, Босняки и другіе, поражены, князь Лазарь погибъ и Сербія должна была покориться Туркамъ. Сынъ и преемникъ Лазаря, князь или, какъ онъ позже назывался по гречески, деспотъ *Стефанъ* (1389—1427) былъ подручникомъ турецкимъ; напрасно онъ, чтобъ освободиться отъ турецкаго ига, поддался Угріи (1426), отъ которой ждалъ спасенія. Тщетно колебался и преемникъ Стефана, *Юрій Бранковичъ*, изъ рода сербскихъ владѣльцевъ-намѣстниковъ въ западной Македоніи, потомъ въ южной Сербіи, между Угріею и Турціею: Угрія была слишкомъ слаба, чтобъ быть щитомъ южнаго Славянства. Судьба Сербіи была уже рѣшена, и скоро послѣ смерти Юрія султанъ Магомедъ завоевалъ Сербію, которая сдѣлалась турецкимъ пашалыкомъ (1459).

Отъ сербскихъ земель оставались *Босна* и соединенный съ ней *Холмъ*, издавна признающая верховную власть Угріи, главное убѣжище Богомиловъ или Патаренъ, и *Зета*, гдѣ княжили Балшичи. Изъ босенскихъ бановъ рода Котроманичей *Стефанъ Твердко* задумалъ, послѣ прекращенія Неманичей, воздвигнуть вмѣсто падающей Сербіи новое сербское государство, Босну, и провозгласилъ себя королемъ сербскимъ и босенскимъ (1376), да, во время смутъ въ сосѣдней Хорватіи и Угріи, стремился къ присоединенію Далмаціи и Хорватіи къ своему королевству, и назвался тоже королемъ далматскимъ и хорватскимъ (1390). Но образованіе такого югославянскаго государства не удалось ни Стефану Твердку, ни второму его преемнику, *Стефану Остоѣ*, и только титулъ „король далматскій и хорватскій“, который употребляли два послѣдніе босенскіе короля, Остоичи, указывалъ на то, что босенскіе короли не отказывались отъ такихъ плановъ. Босна должна была вновь примкнуть къ Угріи, и босенскимъ королямъ не удалось уже добиться самостоятельности. Но ни Сербы ни Босняки не нашли въ угорскихъ короляхъ своихъ защитниковъ противъ Турокъ, какъ они ожидали; Турки вторгались въ Босну и въ Холмъ, терзаемыя внутренними

войнами и междоусобицами. Великіе воеводы боснійскіе въ Хлъмѣ или въ землѣ св. Савы—который похороненъ въ хлъмскомъ монастырѣ Милешевѣ—добивались полной самостоятельности, и великій воевода *Стефанъ Вукчичъ* выпросилъ отъ римскаго императора для себя титулъ герцога (херцега), по чему его земля называлась Герцеговиной (1448). Послѣ окончательнаго паденія Сербіи, Босна, недостаточно защищаемая Угріею, должна была погибнуть; въ 1463 г. Турки напали на Босну, и король *Стефанъ Ѳомичъ*, брошенный всѣми сосѣдями, погибъ подъ мечемъ палача. Босна сдѣлалась турецкимъ пашалыкомъ, и двадцать лѣтъ спустя такая же самая участь постигла и Герцеговину; много патаренскаго дворянства приняло исламъ и сдѣлались фанатическими магометанами. Нѣсколько городовъ въ сѣверной Боснѣ и Сербіи держали еще нѣкоторое время Угры и Хорваты, но и тѣ въ началѣ XVI в. достались Туркамъ, которые наступали дальше на Хорватію и Угрію. Только въ гористой части Зеты, гдѣ послѣ Балшичей владѣли съ XV в. Црноевичи, Серби продолжали борьбу противъ Турокъ, и отстояли себѣ здѣсь, въ *Черной Горѣ*, управляемой съ начала XVI в. владыками, свою самостоятельность. Черногорцы и гайдуки стали единственными защитниками сербской свободы въ Турціи.

Сербскій и болгарскій народы сдѣлались раіей-рабами господствующихъ магометанъ, султана и его спаховъ-воиновъ, какими сдѣлалось тоже тамошнее славянское дворянство; раія кромѣ многочисленныхъ даней, должна была доставлять и живую дань, свою молодежь, которою наполнялись ряды янычаръ. Съ другой стороны удалось исконнымъ врагамъ южныхъ Славянъ, Грекамъ, уничтожить самостоятельность сербской церкви пекскій патріархатъ упраздненъ (1766), сербская, равнымъ образомъ какъ и болгарская церковь, подчинены царьградскому патріарху, и такимъ образомъ переданы Грекамъ-Фанаріотамъ, изъ которыхъ назначались епископы въ сербскихъ и болгарскихъ епархіяхъ. Войны римскихъ императоровъ и угорско-хорватскихъ королей съ Турками въ XVI—XVIII вв. не измѣняли ни въ чемъ положенія сербскаго народа въ Турціи, и присоединеніе сѣверной Сербіи (съ Бѣлградомъ) и сѣверной Босны

къ владѣніямъ императора—было лишь кратковременно (въ 1718 до 1739 годахъ).

Послѣ паденія Сербіи и Босны много Сербовъ бѣжало въ Хорватію и въ южную Угрію; сюда, въ Срѣмъ, перешли тоже оставшіеся Бранковичи, продолжая называться сербскими деспотами. Сербскіе бѣглецы („Ускоки“, „Влахи“ т. е. православные Сербы), поселяясь въ Хорватіи, наполняли краину (военную Границу), и принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ Турокъ. Въ концѣ XVII в. переселилось въ южную Угрію нѣсколько сотъ тысячъ Сербовъ, вмѣстѣ съ своимъ патріархомъ, и поселились въ пограничныхъ областяхъ какъ отдѣльный народъ, имъ обѣщаны разныя привилегіи, которыя остались отъ части только на бумагѣ. Угорскіе Сербы не получили обѣщанной имъ отдѣльной области, которая должна была стоять подъ особымъ войводой; они поселены въ военной Границѣ по нижней Савѣ, по Дунаю и по Тисѣ какъ восточные краишники (граничары), въ сосѣдствѣ своихъ соплеменниковъ, западныхъ краишниковъ въ Хорватіи. Также къ православному вѣроисповѣданію Сербовъ придирались угорскіе и хорватскіе католики, духовенство и дворянство, навязывали имъ церковную унію, которая и привилась у части Сербовъ на западѣ, даже задумали запретить имъ ихъ словѣнское письмо, кирилицу. Не смотря однако на неисполненныя обѣщанія и на разнообразныя притѣсненія, угорскіе Сербы пользовались довольно обширнымъ самоуправленіемъ въ области церкви и школъ. Угорское правительство признало православныхъ Сербовъ (graeci ritus non unitos) полноправными гражданами угорскаго государства только въ концѣ XVIII вѣка. Съ конца этого вѣка возникло посреди угорскихъ и хорватскихъ Сербовъ все усиливающееся движеніе, проявляясь въ жизни политической и литературной, и повело къ пробужденію и возрожденію сербскаго народа вообще; началось сближеніе обѣихъ половинъ одного народа, Сербовъ и Хорватовъ, во имя идеи югославянской и славянской.

VIII.

БОЛГАРЕ [1]).

Болгаре, основавъ въ 679 г. въ восточной Мизіи между тамошними Славянами государство, скоро слились съ покоренными Славянами, оставивъ имъ свое имя. Съ IX вѣка подъ „Болгарами“ подразумѣваются не прежніе Болгаре урало-финскіе — соплеменники которыхъ жили еще до XIII в. на сѣверѣ по Волгѣ и по Камѣ — а Славяне (Словѣне) въ Мизіи (Болгаріи), и въ послѣдствіи и въ остальныхъ забалканскихъ земляхъ, въ „Славиніи“ т. е. Ѳракіи, Македоніи, Илирикѣ, и пр., которыя подпали подъ власть Болгаръ. Такимъ образомъ, изъ разныхъ словѣнскихъ племенъ въ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи, изъ Сѣверянъ, Моравянъ, Драговичей, Бръзяковъ и др., образовался со временемъ болгарскій народъ. Въ его составъ вошло тоже нѣсколько племенъ Влаховъ (Румуновъ) и Албанцевъ, которыя ославянились, но вмѣстѣ съ тѣмъ внесли въ болгарскій языкъ нѣкоторыя особенности своихъ языковъ.

Болгарскіе князья, укрѣпившись между Дунаемъ и Балканомъ, продолжали борьбу Славянъ противъ восточно-римской имперіи, и стремились къ завоеванію Царьграда; изъ нихъ от-

---

[1]) Иречекъ: Исторія Болгаръ (Одесса 1878), гдѣ приведена вся литература по болгарской исторіи. Ср. тоже Пыпинъ: Исторія славян. литературъ I, М. Соколовъ: Изъ древней исторіи Болгаръ (1879). Успенскій: Образованіе втораго болгарскаго царства (1879).

личился особенно *Крумъ* въ началѣ IX вѣка. Въ теченіи двухъ вѣковъ удалось имъ распространить границы своего княжества на западъ до Моравы и до Ибра, гдѣ они сносились и сталкивались съ Сербами, на сѣверъ за Дунай, гдѣ воевали съ Франками въ Паноніи, одно время какъ союзники моравскаго князя Ростислава; на югѣ они нападали на Грековъ и покорили здѣсь, въ „Славиніи", славянскія княжества въ сѣверной Ѳракіи и въ Македоніи до Охриды. Около половины IX вѣка (864) болгарскій князь *Борисъ* принялъ, по политическимъ соображеніямъ, крещеніе изъ Царьграда и въ крещеніи имя *Михаилъ*. Такимъ образомъ Болгарія очутилась въ духовной зависимости отъ Царьграда; наклонность Бориса и нѣкоторыхъ его преемниковъ къ Риму, по причинамъ политическимъ, была непродолжительна. Болгарія сдѣлалась, послѣ упадка словѣнскаго богослуженія въ Великой Моравѣ и послѣ паденія этой западно-славянской державы, убѣжищемъ словѣнской литературы, которая здѣсь разцвѣла по примѣру и въ подражаніе греческо-византійской, преимущественно духовной богословской, но тоже и свѣтской.

Въ этой литературной дѣятельности въ Болгаріи участвовалъ самъ князь *Симеонъ* Борисовичъ (888—927), который поднялъ Болгарію на небывалую доселѣ высоту, и думалъ ее поставить на мѣсто греческой имперіи какъ первую державу на балканскомъ полуостровѣ. Онъ назвался царемъ (цѣсаремъ-императоромъ) болгарскимъ и греческимъ, основалъ самостоятельный болгарскій патріархатъ, воевалъ съ Греками и распространилъ границы своего царства глубоко въ Ѳракію и въ Эпиръ, и покорилъ Сербовъ; но противъ Хорватовъ не имѣлъ успѣха, а земли на сѣверъ отъ Дуная заняли Угры. Византія спасена отъ гибели смертью Симеона, да сама Болгарія скоро (963) распалась на два царства, восточное подъ родомъ Симеона, и западное подъ Шишмановичами. Въ Болгаріи началась опозиція противъ господствующей церкви и противъ государственнаго и соціальнаго устройства со стороны *Богомиловъ*, догматическо-соціальное ученіе которыхъ распространилось среди всѣхъ Славянъ балканскаго полуострова, и оттуда дальше на западъ въ Италію и во Францію (Патарены, Катары). Слабое восточно-

болгарское царство сдѣлалось добычею русскаго князя Свя
слава (969), и, послѣ его пораженія и отступленія, Грек
(971), и превратилось въ область византійской имперіи. Зап
но-болгарское царство вело почти полувѣковую (976 — 101
упорную борьбу съ Греками, и въ ней отличился особенно ца
Самуилъ Шишмановичъ; наконецъ и западная Болгарія
корена и сдѣлалась тоже византійскою областью; только болг
ской церкви оставлена самостоятельность подъ особымъ арх
пископомъ (патріархомъ) въ Охридѣ. Одновременно съ Бол
рами очутились и Сербы и Хорваты въ зависимости отъ виз
тійской имперіи, которая такимъ образомъ возобновила на
роткое время свое владычество на всемъ балканскомъ полуост
вѣ. Сербы и Хорваты скоро освободились отъ этой зависи
сти. Только Болгарамъ это не удавалось, не смотря на нѣско
ко возстаній, не смотря на избраніе ими въ болгарскіе ц
сербскаго королевича Константина Бодина (1073); весь болг
скій народъ въ Мизіи, Ѳракіи, Македоніи и Илирикѣ оста
подъ византійскимъ владычествомъ, равнымъ образомъ как
отдѣльныя славянскія (болгарскія) племена въ Эпирѣ, Ѳеса
Эладѣ, и въ самомъ Пелопонесѣ, гдѣ славянскій элементъ сох
нился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до XV вѣка.

Только въ концѣ XII в. (1186) удалось двумъ братья
Асѣню и *Петру*, освободить сѣверныхъ Болгаръ и воскрес
болгарское царство между Дунаемъ и Балканомъ, съ столи
въ Терновѣ. Первые цари Асѣневичи, именно *Іоаннъ Асѣн*
(Калоіоаннъ) и *Іоаннъ Асѣнь II* (1210—1241), стремились воз
новить прежнюю политику болгарскаго царства противъ Виз
тіи, и, во время латинской имперіи въ Царьградѣ, имъ и удал
распространить свое владычество во Ѳракію и въ Македон
Сношенія Калоіоанна съ Римомъ скоро прекратились, и Іоа
Асѣнь II примирился съ Греками, которые признали самост
тельный патріархатъ болгарскій въ Терновѣ, равнымъ образ
какъ уже давно признали другой патріархатъ въ Охридѣ
южно-болгарскихъ земель. Послѣ кончины Іоанна Асѣня
Болгарія лишилась забалканскихъ земель, и ей уже не удал

пріобрѣсти ихъ вновь; онѣ сдѣлались частью возобновленной имперіи греческой, а въ послѣдствіи достались Сербіи.

Болгарское царство съ половины XIII в., со времени прекращенія рода Асѣневичей (1257), уже никогда не вмѣшивалось рѣшающимъ образомъ въ судьбы балканскаго полуострова, и прежняя его роль, его борьба съ имперіею, перешла къ Сербіи; только титулъ царей „болгарскихъ и греческихъ", дворъ устроенный по образцу двора царьградскаго съ сановниками называющимися по гречески, указывали на прежнія стремленія болгарскихъ царей къ завоеванію греческаго царства. Съ половины XIII в. болгарское царство доставалось разнымъ претендентамъ, и вліяніе сосѣднихъ Кумановъ (Половцевъ) и Татаръ проявлялось до самого конца XIII вѣка. Да прекратилось на время и единство болгарскаго царства, и возобновлено только въ слѣдствіе избранія Бѣдынскаго (Видинскаго) князя *Михаила Шишмановича* въ цари (1323), который погибъ въ войнѣ съ Сербами (1330). При его преемникѣ *Іоаннѣ Александрѣ* Болгаре были союзниками Сербовъ противъ Грековъ, и границы царства распространялись опять на югъ въ сѣверную Ѳракію. Но уже вступилъ на балканскій полуостровъ грозный врагъ всѣхъ тамошнихъ ссорившихся между собой христіанскихъ народовъ, магометанскіе *Турки-Османы*; они покоряли себѣ тамъ землю за землею, между прочимъ Ѳракію и Македонію, заселенныя болгарскимъ народомъ, и наконецъ, послѣ косовскаго сраженія (1389), тоже Сербію. Слабая Болгарія, терзаемая религіозными спорами съ Богомилами и другими сектантами, борьбою двухъ братьевъ царей *Шишмана* и *Сраციміра*, сдѣлалась скоро послѣ косовскаго сраженія турецкою областью (1393); послѣдній царь Шишманъ погибъ въ сраженіи или въ тюрьмѣ. Болгарія осталась съ тѣхъ поръ подъ турецкимъ владычествомъ, отъ котораго не могли ея освободить несчастныя битвы угорскихъ королей Сигизмунда подъ Никополемъ (1396) и Владислава подъ Варною (1444), ни войны сосѣдей съ Турками, нѣсколько неудавшихся возстаній, и подвиги гайдуковъ.

Болгарскій народъ упалъ въ совершенное рабство турецкихъ варваровъ, сдѣлался ихъ раіей, усиливалъ ихъ своими ре-

негатами, и своею молодежью-янычарами. Кромѣ того Болгаре очутились тоже подъ духовнымъ игомъ своихъ вѣковыхъ враговъ, Грековъ-Фанаріотовъ, которые вторглись въ болгарскую церковь, заняли епископскія мѣста, вытѣсняли словѣнскій языкъ изъ богослуженія и вводили греческій, и вообще стремились къ огреченію Болгаръ подъ личиной религіи и при помощи Турокъ. Терновскій патріархатъ уничтоженъ одновременно съ царствомъ (1393), и болгарская церковь подчинена царьградскому патріарху; охридскій патріархатъ просуществовалъ, хотя огреченный, дольше и уничтоженъ только въ XVIII вѣкѣ, вмѣстѣ съ сербскимъ патріархатомъ. Такимъ образомъ вся церковь болгарская и сербская въ Турціи подчинена царьградскому греческому патріархату. Греки думали, что такимъ образомъ имъ удастся покореніе и огреченіе ненавистныхъ Славянъ, и что подготовятъ почву для возобновленія греческаго царства на всемъ балканскомъ полуостровѣ. Это и было причиной, что болгарскій народъ, хотя самый многочисленный на полуостровѣ, палъ почти совсѣмъ въ забвеніе, и что онъ только въ новѣйшее время, послѣдній между Славянами, очнулся отъ долговѣчнаго сна.

Южные Славяне, въ слѣдствіе разныхъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ, раздробились еще больше, чѣмъ западные Славяне; это раздробленіе было не только національное и политическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное и культурное, что и положило непреодолимую доселѣ преграду между католическими и православными Югославянами вообще, и между обѣими половинами одного народа, между Хорватами католиками и Сербами православными, въ особенности. Если въ нѣкоторыхъ болѣе сильныхъ и болѣе развитыхъ головахъ блеснула идея югославянская, во имя которой всѣ раздробленныя и разрозненныя частицы югославянскаго міра должны были сблизиться и сплотиться, то надо назвать такую идею крайне смѣлою, а такую задачу чрезвычайно трудною, въ виду многочисленныхъ огромныхъ препятствій, внутреннихъ и внѣшнихъ. Не легко же было сблизить всѣ тѣ разнородные элементы на славянскомъ югѣ, которые давно лишились политической самостоятельности, изъ давна служили чужимъ господамъ и интересамъ, да часто едва знали

другъ друга. Словенцы развивались цѣлое тысячелѣтіе подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, Далматинцы и Истріянцы находились нѣсколько вѣковъ подъ итальянскимъ вліяніемъ, Хорваты вовлечены изъ давна въ союзъ съ Уграми; но всѣ эти южные Славяне имѣли по крайней мѣрѣ одну культуру—западно-европейскую, одно письмо — латинское, одно вѣроисповѣданіе — римско-католическое. Гораздо труднѣе было сблизить этихъ Югославянъ на латинскомъ западѣ и Югославянъ на греческомъ востокѣ, которые очутились подъ игомъ азіатскихъ варваровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ остались подъ греческимъ вліяніемъ. Но не взирая на такое отчаянное положеніе дѣлъ на славянскомъ югѣ, смѣлые борцы югославянской идеи не испугались этихъ огромныхъ препятствій, и подкрѣпляемые общею идеею славянскою, взялись за трудную работу.

IX.

СЛАВЯНЕ ВЪ УГРІИ И ВЪ РУМУНІИ [1]).

Въ слѣдствіе поселенія Угровъ (Мадьяръ) и образованія угорскаго государства на среднемъ Дунаѣ и по Тисѣ, тамошніе Славяне очутились въ зависимости отъ новыхъ пришлецовъ, ко—

---

[1]) Угорскіе (мадьярскіе) историки, пишучи исторію угорскаго государства, обращаютъ мало вниманія на разные народы, которые населяютъ Угрію, но не могутъ считать Угрію своимъ центромъ тяготѣнія; эти историки, стоя на давно устарѣвшей точкѣ зрѣнія объ одномъ „политическимъ народѣ угорскомъ" (мадьярскомъ), видятъ въ остальныхъ народахъ Угріи только „народности"; больше вниманія обратилъ на нихъ Fessler: Geschichte der Ungern u. deren Landsassen (1815, 2. Aufl. von Klein 1867). Cp. Czörnig: Ethnographie der österreich. Monarchie (1857, II, III), Hunfalvy: Ethnographie von Ungarn (1877), Pič: Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht (1882), Гротъ: Моравія и Мадьяры (1881), Sasinek: Dejiny počiatkov terajšieho Uhorska (1868), Dejiny kralovstva Uhorského (1869—1877); Miklošič: Die slav. Elemente im magyar. (1872), Miklošič: Die slav. Elemente im rumunischen (1862), Wanderungen der Rumunen (1880), Cihac: Dictionnaire d'étymologie daco-romane (1879), Rösler: Romänische Studien (1871), Jung: Römer und Romanen (1877), Pič: Abstammung der Rumänen (1880), Палаузовъ: Румынскія господарства В. и М. (1859). Литературу о Словакахъ и о угор. Русскихъ см. у Пыпина Исторія слав. литературъ, о Хорватахъ и Сербахъ см. предыдущіе отдѣлы. Замѣтимъ здѣсь, что разница между названіями „Мадьяръ" (домашнее) и „Угринъ" (Венгринъ, Венгерецъ, славянское) создана только въ новѣйшее время; Словаки, Русскіе, Сербы, Хорваты, Словенцы, Румуны, Нѣмцы, Жиды, Цыгане, хотя они живутъ въ „Угріи", не суть „Угры", а части другихъ народовъ.

торые не пошли по примѣру Гуновъ, Аваръ и Болгаръ, не исчезли въ Славянахъ, а сохранили свою народность. Словаки между Карпатами и Дунаемъ вошли уже тогда въ составъ угорскаго государства, хотя еще не окончательно; они еще больше столѣтія колебались между Угріею и сосѣдними западно-славянскими государствами, и принадлежали съ половины X вѣка къ государству чешскому, а съ начала XI в. къ государству польскому, наконецъ, съ 1026 г. опять къ угорскому. Римско-католическое вѣроисповѣданіе восторжествовало между Словаками, равнымъ образомъ какъ и между Уграми, Чехами и Поляками; но восточные сосѣди Словаковъ, Русскіе и оставшіеся дунайскіе Словѣне и жившіе вмѣстѣ съ ними Влахи или Волохи (Румуны, Румыны), остались православными. Угрія съ начала не была строго централизованнымъ государствомъ, и угорскіе округи (столицы, жупы), пользующіеся изъ давна обширнымъ самоуправленіемъ, вѣроятно остатки прежнихъ племенъ. Въ X в. встрѣчаются особыя княжества или войводства въ южной Панонія, на востокѣ за Тисой, и дальше въ Семиградьѣ, которыя только угорскій король св. Стефанъ присоединилъ къ Угріи; этотъ же король, въ виду разныхъ пародовъ въ Угріи, хорошо замѣтилъ, что королевство одного языка и одного права слабо. Эти народы пользовались своимъ обычнымъ правомъ; такъ Славяне сѣверной Угріи (exactiones et consuetudines Sclavorum), Русскіе, Волохи, и позже Сербы. Семиградье управлялось всегда особыми войводами; также и между Волохами въ Угріи, Семиградьѣ, Валахіи, были мелкіе войводы и князья. Войвода семиградской области фогарашской, Раду, основалъ около 1300 г. войводство или княжество волошское (Валахію); другой войвода въ сѣверовосточномъ углу Угріи, въ Мармарошѣ и въ Угочѣ, Драгошъ Богдановичъ, переселился около половины XIV в. въ Молдавію (Мунтанію, Мултанію), и основалъ здѣсь другое румунское войводство или княжество. Валахія находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ Болгаріею, а Молдавія, гдѣ изъ давна жило многочисленное населеніе русское, съ Русью Червоною.

Словаки, хотя оторванные отъ чешскаго государства, находились въ близкихъ сношеніяхъ, съ Чехами и съ Моравянами

тѣмъ болѣе, что жители юговосточной Моравы такіе же Словаки, какіе живутъ въ сѣверной Угріи. Въ началѣ XIV в. владѣлъ въ словенской Угріи сильный вельможа Матвѣй Чаки изъ Тренчина почти какъ самостоятельный князь, и былъ ревностнымъ приверженцемъ чешскаго короля Вячеслава III, избраннаго въ угорскіе короли. Словаки помогали и чешскому Сигизмунду Люксенбургу къ достиженію угорской короны, тому же самому королю, котораго одинъ Угринъ назвалъ „чешскою свиньею". Въ словенскую землю переселились многіе гуситскіе Чехи, и чешскій полководецъ *Іоаннъ Искра* защищалъ тамъ долго (1440 до 1462) права короля Ладислава противъ другихъ претендентовъ угорской короны; чешскіе гейтманы являются здѣсь тоже защитниками сельскаго люда словенскаго противъ тамошней шляхты. Словенская земля была позже, во время турецкаго владычества въ дунайскихъ странахъ, почти единственною частью угорскаго королевства, оставшагося Габсбургамъ, королямъ чешскимъ, и чешскій народъ значительно способствовалъ, кровью и деньгами, оборонѣ этой верхней Угріи и наконецъ освобожденію всей Угріи. Послѣ паденія чешскаго государства многіе чешскіе протестанты переселились въ словенскую землю, и нашли здѣсь между Словаками новую родину для себя и для чешско-словенской письменности.

Сосѣди Словаковъ на востокѣ, Русскіе—тоже автохтоны южнаго склона восточныхъ Карпатовъ, и они прежде доходили дальше на западъ въ земли нынѣ словенскія. Позже, въ XIV в. прибыли сюда и другіе Русскіе съ литовско-русскимъ княземъ Федоромъ Коріятовичемъ, который по городу Мукачеву назывался княземъ Мукачевскимъ.

Отъ многочисленныхъ Славянъ заселявшихъ Панонію и Дакію, уцѣлѣли очень немногіе остатки, именно Словенцы въ югозападной полосѣ Угріи, и ихъ ближайшіе сосѣди между Дравою и Савою, въ бывшей „словинской" землѣ (Славоніи), которая только съ XVI—XVII вв. стала называться Хорватіею; въ Семиградьѣ же исчезли послѣдніе остатки Словѣнъ только въ началѣ XIX вѣка. Дунайскіе Словѣне, хотя ослабленные выселеніемъ многихъ племенъ на балканскій полуостровъ, не уступили тот-

часъ новымъ пришлецамъ на западѣ,Уграмъ, а жили съ ними рядомъ, равнымъ образомъ какъ они на востокѣ жили рядомъ съ Волохами. Въ Паноніи еще въ XI—XII вв. встрѣчаются мѣста называемыя славянскими (Rakolyan slavonica et hungarica), и жители съ славянскими именами. Въ Веспримѣ основалъ король Стефанъ I „греческій“ монастырь; также и въ юговосточной Угріи былъ въ началѣ XI в. „греческій“ монастырь, и тамошній князь и народъ „греческаго“ вѣроисповѣданія приняли тогда латинское исповѣданіе; греческіе монастыри были и въ другихъ мѣстахъ, на пр. въ Вышеградѣ; по этому и словѣнскіе монахи чешскаго монастыря сазавскаго, прогнанные оттуда во второй половинѣ XI в., отправились въ Угрію. Въ архіепископіи колочской жили въ XII—XIII вв., а въ темешскомъ Банатѣ въ XIV в. православные Славяне (schismatici Sclavi). Всѣ эти Словѣне въ теченіи времени сдѣлались Уграми и Волохами. Православное вѣроисповѣданіе Волоховъ указываетъ тоже на православіе дунайскихъ Словѣнъ, которое распространилось сюда изъ Паноніи, Моравіи и Болгаріи; да румунская церковь въ Валахіи и въ Молдавіи признавала еще въ XV в. верховную власть болгарскаго архіепископа охридскаго. Въ восточной Славоніи, въ Срѣмѣ, гдѣ въ концѣ XIII в. поселился сербскій король Стефанъ Драгутинъ, жили уже тогда православные Сербы; но въ большемъ количествѣ они поселялись здѣсь и вообще въ южной Угріи только позже, въ XV—XVII вѣкахъ.

Языки румунскій и угорскій приняли много славянскихъ словъ, преимущественно словѣнскихъ (замѣтныхъ по носовымъ звукамъ и по *жд*, *шт*), а мало словенскихъ, хорватско-сербскихъ, русскихъ; также и много географическихъ названій въ земляхъ нынѣ румунскихъ и угорскихъ указываетъ на прежнее словѣнское населеніе (Пешт, Надажд, Сомбат, Думброва, Мундрешти). Румуны вмѣстѣ съ православіемъ приняли и словѣнскій языкъ, какъ церковный и литературный, именно болгарской рецензіи, и употребляли его до XVII в.; въ Молдавіи былъ тоже распространенъ русскій языкъ. Государственное и общественное устройство Румуновъ и Угровъ перенято отъ части отъ Славянъ, такъ что по этому устройству можно заключить о та-

комъ же устройствѣ Словѣнъ. У Румуновъ встрѣчаются мелкіе правители, можетъ быть, бывшіе князья племенъ, *войводы* и *кнѣзи* (латин.-угор. *kenez*, что перенято изъ болгар.-серб. *кнез* или изъ русскаго *князь*, а не изъ словѣн. *кънязь*); также и старосты селъ, пользующихся правомъ волошскимъ, назывались до XVII в. *кнѣзи*, повсюду между Румунами, равнымъ образомъ какъ назывались такіе старосты и между карпатскими Русскими въ Угріи и въ карпатской Руси Червоной *князи*, и между позже прибывшими Сербами *кнези*. Выше чѣмъ кнѣзи стояли *крайники* въ краинахъ (пограничныхъ округахъ, окраинахъ) юговосточной Угріи; такіе же крайники, правители краинъ, находились кое-гдѣ и между карпатскими Русскими въ Угріи и въ Польшѣ. Военные начальники назывались у Славянъ вообще войводы, что и унаслѣдовали Угры и Румуны (*vajvoda*, *vajda*) въ значеніи начальника вообще; въ восточной Угріи въ XIII в. Волохи, поселенные около городовъ, стояли подъ своими войводами, начальниками военными и гражданскими (vajvoda-centurio-judex); Русскіе и Волохи мукачевской краины выбирали себѣ такого войводу еще въ XV вѣкѣ. Такіе войводы были тоже у сербскихъ Ускоковъ поселившихся въ XVI в. въ приморской Хорватіи. Румуны и Угры приняли разныя славянскія государственныя учрежденія и достоинства, на пр. *краль* (рум. краю, угор. кираль) и выше упомянутыя *войвода*, *князь*, *жупанъ* (р. жупън—dominus, жупънѣсъ — domina, угор. ишпан – начальникъ округа), *дворникъ* (р. дворник—judex curiae, уг. удварнок — aulicus), *надворный (на дворѣ) жупанъ* (уг. надор-ишпан, comes palatinus), *товарникъ* (tavornicus, tavernicus — уг. тарнок), *стольникъ* (уг. асталнок), *банъ* (р. у.), *болѣринъ* (р. боѣрю), *душники* и *удворники*, въ древней Угріи извѣстные подданные, рум. *плуг*, *работъ*, *бир*, *даждіѣ*, и пр.

Съ другой стороны названіе народа, *Влахъ*, *Волохъ* (оттуда Valachus), первоначально у Славянъ человѣкъ римскаго, латинскаго происхожденія (Romanus, итальянскій и румунскій),— сдѣлалось у южныхъ Славянъ нарицательнымъ именемъ, означая подданнаго вообще, особенно же пастуха; въ Далмаціи такихъ Влаховъ называли тоже Черными Влахами (Nigri Latini,

Μαυρόβλαχοι, Morlacchi). Въ подобномъ смыслѣ знаютъ это слово тоже карпатскіе Славяне, Моравяне, Словаки, Русскіе, у которыхъ *валахъ*—пастухъ. Кромѣ того у Словаковъ и особенно у карпатскихъ Русскихъ (въ Угріи и въ Польшѣ) „Валахи, Волохи“ были поселяне, пользовавшіеся такъ наз. „волошскимъ“ правомъ, которое очень походило на „нѣмецкое“ право; староста такихъ „волошскихъ“ селъ назывался у Словаковъ по нѣмецки *шолтысъ* (scultetus), а у Русскихъ, какъ у Румуновъ, *князь*. Такіе „Валахи, Волохи“ въ славянскихъ карпатскихъ земляхъ еще не „Румуны“, а славянскіе пастухи и поселяне (Rutheni quos et Valachos vocant, моравскіе „Валахи“), хотя въ ихъ числѣ было извѣстное количество настоящихъ Волоховъ-Румуновъ; такъ на пр. карпатскіе нынѣ русскіе Гуцулы происхожденіемъ вѣроятно Румуны. Такъ какъ Румуны „Влахи, Волохи (Valachi)“ были православные, „схизматики“, а католики въ Далмаціи, Хорватіи и Угріи не долюбливали этого вѣроисповѣданія, равнымъ образомъ какъ и самыхъ Влаховъ, то съ XVI в. начиная, у южныхъ Славянъ католиковъ (Хорватовъ) „Влахами“ стали называться православные Сербы, выселявшіеся изъ Турціи и поселявшіеся въ Хорватіи (Ускоки, новые Влахи) и въ Славоніи (Valachi—Rasciani sive Serviani), которая и называлась Малою Валахіею. Только съ конца XVII в., со временъ громаднаго переселенія Сербовъ въ Славонію и южную Угрію, они не назывались уже офиціально „Валахи“, а Рашане (Rasciani), Сербы (Serviani), Илиры (natio Rasciana seu Illyrica), хотя иначе католики Хорваты продолжали называть православныхъ Сербовъ „Влахами“.

Знаніе разныхъ славянскихъ языковъ у земянъ и королей угорскихъ не было рѣдкостью, не говоря о угорскомъ дворянствѣ славянскаго происхожденія, о угорскихъ короляхъ чешской и польской крови. Такъ на пр. король Матвѣй Корвинъ зналъ очень хорошо по-чешски или по-словенски, тоже и по-хорватски или по-сербски, понималъ по-польски; изъ его королевской канцеляріи выходили грамоты чешскія, хорватскія и сербскія, но не угорскія. Его преемникъ король Владиславъ, Полякъ по происхожденію и чешскій король, открылъ угорскій сеймъ въ Бу-

динѣ, 1492 г., рѣчью „славянскою", т. е. чешскою, которая переведена на угорскій языкъ.

Разные народы, населяющіе угорское государство (Угрію, Семиградье, Хорватію), хотя они говорили на разныхъ языкахъ, именно представители угорской государственной идеи, дворяне, считали себя „Уграми" въ политическомъ отношеніи, и неутральный языкъ латинскій удерживалъ эту ихъ политическую связь. Только съ конца XVIII вѣка главный народъ Угріи, который и основалъ это государство, Угры (Мадьяры), увлекаемый повсюду поднимающеюся идеею народности, сталъ, вопреки завѣщаннымъ ему словамъ короля Стефана св., стремиться къ удаленію мертваго языка латинскаго изъ публичной жизни, и къ замѣненію его своимъ угорскимъ (мадьярскимъ), сталъ стремиться къ исключительному господству своего языка и элемента въ угорскомъ государствѣ. Но идея народности стала оживлять тоже другіе народы Угріи, и такимъ образомъ началось движеніе народное, анти-мадьярское, славянское, между Словаками и Русскими, между Хорватами и Сербами. Всѣ они, по мѣрѣ того какъ стали чувствовать себя Славянами, переставали увлекаться угорскою государственною идеею, переставали чувствовать и называть себя „Уграми".

Нѣмецкій народъ, хотя въ политическомъ отношеніи раздробленный, еще не соединенный, отпраздновалъ въ концѣ XVIII вѣка великую побѣду надъ всѣми западными Славянами, надъ значительною частью южныхъ Славянъ, да и надъ частью западныхъ Русскихъ въ Руси Червоной, буковинской, холмской, подляшской. Всѣ эти Славяне, равнымъ образомъ какъ и Угры и западные Волохи, очутились въ непосредственной или посредственной зависимости отъ Нѣмцевъ. Нѣмцы, имѣя свои двѣ головы въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, оперлись на востокѣ на Нѣманъ, Бугъ, Збручъ, на семиградскіе Карпаты, на югѣ на Дунай, Саву, Уну, на горы Велебитскія и на море адріатическое. Повсюду

здѣсь господствовалъ нѣмецкій языкъ, при дворѣ императора римско-нѣмецкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ короля чешскаго и галичско-володимерскаго, угорскаго, хорватскаго, славонскаго, далматскаго, босенскаго, сербскаго, болгарскаго, и при дворѣ короля прусскаго, въ арміи, въ администраціи, судахъ, школахъ, и въ магазинахъ и синагогахъ Жидовъ, важныхъ піонеровъ германизма на славянскомъ востокѣ. Нѣмецкія колоніи основывались не далеко за моремъ, а гораздо ближе къ Германіи, повсюду въ земляхъ по Одрѣ, по Вислѣ и по Дунаю, даже и дальше на Руси по самой Волгѣ. Въ Далмаціи и Истріи тамошніе Славяне находились подъ господствомъ и подъ опекой итальянскихъ Венеціанцевъ. Чешскіе, польскіе, лужицко-сербскіе, русскіе, словенскіе, хорватскіе и сербскіе солдаты, подъ знаменами австрійскимъ и прусскимъ и подъ нѣмецкою командою, проливали въ изобиліи свою славянскую кровь за нѣмецкіе интересы въ Италіи, Франціи, Германіи; далматинскіе же солдаты и матросы бились подъ знаменемъ св. Марка за интересы Венеціанцевъ. Вмѣстѣ съ славянскими полководцами стерегли и славянскіе государственные люди, Лобковицы и Коуницы, эти нѣмецкіе интересы на всѣхъ сторонахъ. Наконецъ, хорватскіе и сербскіе краишники, стоя подъ командой нѣмецкихъ генераловъ, стерегли границы нѣмецкаго міра отъ Турокъ. Славяне въ Турціи, Хорваты, Сербы и Болгаре, остальному міру еле извѣстные, изгибались подъ плетью азіатскихъ варваровъ Турокъ и подъ ферулою льстивыхъ Грековъ, и находились въ экономической и культурной зависимости отъ Нѣмцевъ, отъ Вѣны, и отъ части тоже отъ Италіи. Сила умственная и матеріальная взяла свое: нѣмецкое „стремленіе на востокъ" праздновало на славянскихъ нивахъ обильную жатву, вытѣснивши или подавивши славянскихъ хозяевъ, поссоренныхъ, разрозненныхъ, слабыхъ и запоздалыхъ, по собственной винѣ и въ слѣдствіе разныхъ печальныхъ обстоятельствъ. Исполнились пророческія слова нѣмецкаго монаха Видукинда X вѣка: Нѣмцы добились славы и великой и обширной державы, Славяне на западѣ и на югѣ не отстояли своей свободы, своей политической самостоя-

тельности, а очутились въ повиновеніи и въ зависимости отъ Нѣмцевъ.

Славянская независимость уцѣлѣла только на востокѣ, у Славянъ русскихъ, у которыхъ образовалось сильное государство, не въ примѣръ остальнымъ славянскимъ государствамъ, мелкимъ и слабымъ.

X.

РУССКІЕ [1]).

Славянскія племена въ восточной Европѣ по Днѣпру и около Чернаго моря, извѣстныя подъ общимъ именемъ *Антовъ* (т. е. Ватовъ. Венетовъ), являются рано сплоченными подъ сильными князьями. Они уже въ IV вѣкѣ воевали съ черноморскими Готами, и по примѣру ближайшихъ своихъ соплеменниковъ, подунайскихъ Словѣнъ, и своихъ союзниковъ Гуновъ. наступали на югъ и воевали здѣсь, въ Черноморьѣ и на нижнемъ Дунаѣ, съ восточно-римскимъ царствомъ, да вторгались и въ его области до самаго Царьграда. Политическимъ центромъ Антовъ

---

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей издается съ 1846 г.; другіе памятники истор. и юридическіе изданы и издаются въ сборникахъ: Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Акты археограф. экспедиціи, Акты историческіе, Акты юридическіе, Акты западной Россіи, Акты зап. и южной Россіи, Акты Вилен. комисіи, Архивъ югозап. Россіи, Памятники дипломат. сношеній, Собраніе трактатовъ и конвенцій, Сборникъ Имп. русскаго истор. общества, Полное собраніе законовъ россійской имперіи, и др. Изъ пособій приводимъ только Соловьевъ: Исторія Россіи (1851—1879, 29 томовъ, по 1775 г.), его же: Учебная книга русской исторіи (1880. 8 изд.); Иловайскій: Исторія Россіи (съ 1876 г.), его же: Краткіе очерки русской исторіи (1880, 19 изд.); Костомаровъ: Русская исторія въ жизнеописаніяхъ (1879); Бестужевъ-Рюминъ: Русская исторія (1872, I.), съ полною библіографіею по русской исторіи.

былъ вѣроятно старинный Кіевъ, столица Полянъ, которые назывались тоже *Русь*. Это имя сдѣлалось скоро общимъ названіемъ днѣпровскихъ и черноморскихъ Антовъ, которые подъ этимъ именемъ продолжали нападать на черноморскія страны, и въ половинѣ IX в. угрожали опять Царьграду. Между тѣмъ на далекомъ сѣверѣ, у Словѣнъ (Словенъ) въ Новгородѣ и у другихъ тамошнихъ племенъ, основали свою державу *Варяги*, скандинавскіе Норманы изъ Швеціи. Варяжскій княжескій родъ *Рюрика*, рано ославянившійся, распространилъ потомъ свое господство и на югъ, въ кіевскую Русь, и Кіевъ сталъ столицею великаго восточно-славянскаго государства *Руси*. Это имя принимали всѣ племена, входящія въ составъ русскаго княжества, карпатскіе Хорваты, Тиверцы и Угличи (Улучи) по Днѣстру и Богу до устьевъ Дуная, Дулѣбы и Волыняне по Бугу, Деревляне и Дреговичи по Припѣти, на востокѣ Сѣверяне, Радимичи и Вятичи по среднему Днѣпру до Оки, на сѣверѣ Кривичи по верхнему Днѣпру и Двинѣ, и новгородскіе Словѣне.

Силы этой огромной мало по малу сплочивающейся Руси обращались на разныя стороны, отъ части къ борьбѣ, вооруженной и мирной посредствомъ колонизаціи, съ сѣверовосточною Чудью, на западѣ съ Литвою (Ятвягами), на югѣ съ степными племенами, преимущественно турецкими, Козарами, Печенѣгами. Половцами (Куманами), отъ части къ дальнѣйшей борьбѣ съ восточно-римскимъ царствомъ, съ Царьградомъ. Туда Русь подступила по морю въ X вѣкѣ два раза, при князьяхъ *Олегѣ* и *Игорѣ*; сынъ послѣдняго *Святославъ* поселился на короткое время и въ Болгаріи, но скоро вынужденъ былъ отступить (971). При князѣ **Володимерѣ** или **Владимірѣ** (980—1015) Русь стала христіанскимъ государствомъ, принявъ христіанство изъ Царьграда. Христіанство уже раньше проникало въ южную Русь изъ Царьграда и Тавріи, а тоже изъ подунайской Словѣніи, изъ митрополіи панонско-моравской. Уже мать Владиміра Ольга приняла крещеніе, но только при Владимірѣ христіанство сдѣлалось господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, и Русь, принявъ церковный языкъ словѣнскій изъ Болгаріи, завязала духовныя сношенія съ южными Славянами и съ Греками. Православная

церковь вмѣстѣ съ словѣнскимъ языкомъ сдѣлалась важною связью всѣхъ русскихъ племенъ, способствуя ихъ постепенному слiянiю въ одно политическое и народное цѣлое; да восточное православное христiанское вѣроисповѣданiе слилось съ русскою народностью до такой степени, что стало „русскою“ вѣрою.

Единство Руси, нарушенное уже по смерти Володимера раздѣленiемъ ея между Володимеровичами, скоро возстановлено и продержалось до половины XI вѣка при князѣ *Ярославѣ Володимеровичѣ*, который заботился о политическомъ могуществѣ Руси, о ея просвѣщенiи и водворенiи въ ней порядка и судопроизводства (изданiемъ Русской правды). Послѣ его смерти (1054) князья развѣтвившагося рода Рюрика дѣлили русскую землю между собою, стремились къ полной самостоятельности въ своихъ удѣлахъ, нарушали авторитетъ великаго князя кiевскаго, который, по волѣ Ярослава, какъ старшiй всего рода долженъ былъ быть представителемъ русской земли. Земли—княжества—удѣлы дробились все больше по мѣрѣ возрастанiя Рюриковичей, и къ Кiеву, Чернигову, Переяславлю, Смоленску, Володимерю волынскому, Полоцку, Новгороду, присоединились скоро и другiя княжескiя столицы, Галичъ, Новгородъ и др. въ Сѣверiи, Рязань, Муромъ, Суздаль, Ростовъ, Володимерь сѣверный, и др. Въ этой борьбѣ князей народъ прiобрѣталъ все большую силу, и старинное вѣче всей общины и ея земли заявляло свое влiянiе на князя и на его дѣятельность. Это особенно замѣтно въ сѣверной русской общинѣ Новгородѣ. Въ слѣдствiе этихъ внутреннихъ междоусобицъ, въ которыя вмѣшивались иноплеменники, Половцы, Поляки, Угры, Русь слабѣла и оттѣснена отъ Чернаго моря. Кiевъ пересталъ быть центромъ русской земли, и этотъ центръ перенесенъ на далекiй сѣверовостокъ въ Володимерь (1169), гдѣ поселился великiй князь *Андрей* Юрьевичъ Боголюбскiй. Онъ и одинъ изъ его преемниковъ и братьевъ *Всеволодъ* (1176—1212) стремились уже къ самодержавiю на всей Руси, въ ущербъ всѣмъ правамъ старшинства. Междоусобицы князей прекращалися время отъ времени съѣздами примиряющихся князей или признаваемымъ авторитетомъ нѣкоторыхъ патрiотовъ князей, между которыми отличи-

лись *Володимеръ Мономахъ* въ началѣ XII в. и *Мстиславъ Удалой* въ началѣ XIII вѣка. Но не смотря на такое временное примиреніе, княжескія междоусобицы возникали постоянно, связь между Русью сѣверною и южною расшатывалась, и ослабѣвшая Русь не была въ состояніи оказать сопротивленіе страшному наѣзду *Монголовъ* и *Татаръ*. Русскіе князья поражены на Калкѣ (1224) и на Сити (1238); Рязань, Володимерь, Черниговъ, Кіевъ (1240) и др. города разрушены, и Русь, покрытая развалинами, пепелищами и трупами, сдѣлалась данницею хановъ Золотой Орды.

Въ слѣдствіе этого страшнаго разгрома прекратилось единство Руси, и опустошенный Кіевъ исчезъ почти совсѣмъ съ историческаго поприща. Князь галичско-волынскій *Даніилъ* Романовичъ (ок. полов. XIII в.) стремился соединить южную Русь, и съ помощью западной Европы и папы, освободить ее отъ татарскаго ига; но это ему не удалось, и послѣ прекращенія его рода, *Польша* достигла своей завѣтной цѣли и заняла карпатскую Русь (Червоную,) которая съ тѣхъ поръ, съ 1340 г., очутилась подъ вліяніемъ польскимъ и тѣмъ самымъ и католическо-латинскимъ. Съ другой стороны напали на Русь съ запада и другіе враги, *Литовцы*, и въ теченіи полутора столѣтія (1250—1400) заняли всю западную Русь по Двинѣ и по Днѣпру, Полоцкъ, Минскъ, Витебскъ, Новгородокъ, Городню, Туровъ, Пинскъ, Волынь, Подолье, Кіевъ, Сѣверію, Смоленскъ. Но литовскіе князья, сносясь постоянно съ Русью, женясь на русскихъ княжнахъ, поддались русской вѣрѣ и образованности, и ихъ могущественная держава была собственно тоже Русью, въ которой мѣсто вымирающихъ или отступающихъ князей Рюриковичей заняли литовскіе Гедыминовичи и Ольгердовичи, принимавшіе русскую вѣру и русскій языкъ. Эта литовская, западная Русь, двигалась наступательно противъ восточной Руси.

Сѣверовосточная Русь стала мало по малу оправляться отъ татарскаго погрома стараніями великихъ князей *Ярослава* Всеволодовича и его сына *Александра Невскаго* (1252—1263, названнаго такъ по побѣдѣ надъ Шведами на Невѣ). Кромѣ великокняжескаго стола во Володимерѣ были здѣсь княжества въ

Москвѣ, Суздалѣ, Твери, Ростовѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Бѣлозерѣ, Рязанѣ, и др.; Новгородъ Великій связанъ тѣснѣе съ Володимеремъ. Великокняжескій столъ сдѣлался предметомъ споровъ между Александровичами и Ярославичами тверскими. Великокняжескій столъ и достоинство „великаго князя всея Руси“ пріобрѣли съ начала XIV вѣка *московскіе* князья рода *Данiила* Александровича. Они пользуясь довѣріемъ и покровительствомъ великихъ хановъ, въ теченіи полутора столѣтія (1328—1462, именно *Иванъ Калита*, *Симеонъ*, *Димитрій*, *Василій I* и *II*), мало по малу собирали разнымъ образомъ мелкія княжества на сѣверовостокѣ, дѣлали изъ другихъ князей своихъ „подручниковъ“, побѣдили великихъ князей тверскихъ и рязанскихъ, поставили на мѣсто права старшинства въ родѣ—право своей семьи, и всевозможно стремились къ укрѣпленію своего самодержавія во всей сѣверовосточной Руси. Это имъ и удалось, тѣмъ скорѣе, что самъ народъ сознавалъ необходимость сильной княжеской власти, что здѣсь древнее вѣче, воля народа, замолкло, и что въ слѣдствіе переселенія митрополита всея Руси изъ Володимеря въ Москву, эта столица великаго князя и митрополита всея Руси пріобрѣла и нравственное вліяніе на всей Руси. Къ Москвѣ примкнулъ ближе и *Новгородъ*. Эта община, и младшій ея братъ *Псковъ (Плесковъ)*, продолжала однако пользоваться древнерусскимъ самоуправленіемъ, вѣчемъ, и выбирала себѣ правителей; она пріобрѣла себѣ торговлею значительное богатство и могущество, и ея колоніи, ея господство простирались до Бѣлаго моря и до Урала. Только на западѣ Новгородцы и Псковичи воевали несчастливо съ наступающимъ элементомъ нѣмецкимъ, со Шведами, которые распространяли свое господство въ Финляндіи, и съ Нѣмцами, именно съ рыцарями меченосцами, которые ворвались въ балтійскія страны латышскія и чудскія; побѣды новгородскаго князя *Александра Невскаго* (1240—1241) не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій, и нѣмецковаряжскій элементъ вытѣснялъ русскій въ балтійскихъ странахъ.

Сѣверовосточная Русь, *Москва*, пріобрѣла до конца XIV в. уже такую силу, что посмѣла подумать о борьбѣ съ Татарами, которые разбиты на Куликовомъ полѣ на верхнемъ Дону (1380)

великимъ княземъ *Димитріемъ Донскимъ*. Сѣверовосточная Русь выдержала тоже наступленіе Литвы, которая въ теченіи одного столѣтія (1370—1471), при *Ольгердѣ, Александрѣ Витовтѣ, Казимірѣ*, угрожала Москвѣ, поддерживала противъ нея Тверь и Рязань, отняла у нея Смоленскъ, и собиралась отнять и Новгородъ и Псковъ, но въ концѣ концовъ не успѣла даже ослабить Москву. Эта неудача Литвы на русскомъ востокѣ была для русскаго народа событіемъ тѣмъ болѣе важнымъ, что въ 1386 г. литовская династія заняла польскій престолъ, повернула къ западу, и что такимъ образомъ Литва и югозападная Русь вступили въ близкія сношенія съ Польшею. Польскій элементъ и католическо-польская образованность восторжествовавши на Червоной Руси, присвоивши себѣ литовскій элементъ и великаго князя литовскаго и короля польскаго *Ягайла Владислава* и его родъ, распространялись на Русь югозападную, и, какъ часть западно-европейской образованности, имѣли здѣсь значительный успѣхъ.

Московская Русь была въ концѣ XV вѣка, при *Иванѣ III* (1462 — 1505), готовою самодержавною монархіею, которую признавалъ весь русскій народъ на сѣверовостокѣ. Остатки удѣловъ уничтожались, Новгородъ и его колонія Вятка присоединены къ Москвѣ, также Тверь, а великое княжество рязанское существовало только по имени, и Псковъ по милости московскаго великаго князя. Единство права въ московскомъ государствѣ установлено изданіемъ судебника. Иванъ, побуждаемый своею супругою, греческою царевною Софіею, рѣшился свергнуть татарское иго (1480), и покорилъ казанское ханство. Сильный великій князь „всея Руси“ могъ обратиться тоже на западъ, и стремился къ пріобрѣтенію югозападной Руси, своей „отчины“, которою незаконно владѣли Литва и Польша. Это стремленіе имѣющее въ виду осуществленіе законнаго титула „великій князь всея Руси“, сдѣлалось съ тѣхъ поръ самою важною частью политики московскихъ государей, и дало поводъ къ трехсотлѣтней борьбѣ съ Польшею (1500—1795). Ивану удалось присоединить къ своему государству нѣсколько княжествъ въ сѣверской землѣ; другія и Смоленскъ присоединены при сынѣ и преемникѣ

Москвѣ, Суздалѣ, Твери, Ростовѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Бѣлозерѣ, Рязанѣ, и др.; Новгородъ Великій связанъ тѣснѣе съ Володимеремъ. Великокняжескій столъ сдѣлался предметомъ споровъ между Александровичами и Ярославичами тверскими. Великокняжескій столъ и достоинство „великаго князя всея Руси“ пріобрѣли съ начала XIV вѣка *московскіе* князья рода *Данiила* Александровича. Они пользуясь довѣріемъ и покровительствомъ великихъ хановъ, въ теченіи полутора столѣтія (1328—1462, именно *Иванъ Калита*, *Симеонъ*, *Димитрій*, *Василій I* и *II*), мало по малу собирали разнымъ образомъ мелкія княжества на сѣверовостокѣ, дѣлали изъ другихъ князей своихъ „подручниковъ“, побѣдили великихъ князей тверскихъ и рязанскихъ, поставили на мѣсто права старшинства въ родѣ—право своей семьи, и всевозможно стремились къ укрѣпленію своего самодержавія во всей сѣверовосточной Руси. Это имъ и удалось, тѣмъ скорѣе, что самъ народъ сознавалъ необходимость сильной княжеской власти, что здѣсь древнее вѣче, воля народа, замолкло, и что въ слѣдствіе переселенія митрополита всея Руси изъ Володимеря въ Москву, эта столица великаго князя и митрополита всея Руси пріобрѣла и нравственное вліяніе на всей Руси. Къ Москвѣ примкнулъ ближе и *Новгородъ*. Эта община, и младшій ея братъ *Псковъ (Плесковъ)*, продолжала однако пользоваться древнерусскимъ самоуправленіемъ, вѣчемъ, и выбирала себѣ правителей; она пріобрѣла себѣ торговлею значительное богатство и могущество, и ея колоніи, ея господство простирались до Бѣлаго моря и до Урала. Только на западѣ Новгородцы и Псковичи воевали несчастливо съ наступающимъ элементомъ нѣмецкимъ, со Шведами, которые распространяли свое господство въ Финляндіи, и съ Нѣмцами, именно съ рыцарями меченосцами, которые ворвались въ балтійскія страны латышскія и чудскія; побѣды новгородскаго князя *Александра Невскаго* (1240—1241) не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій, и нѣмецко-варяжскій элементъ вытѣснялъ русскій въ балтійскихъ странахъ.

Сѣверовосточная Русь, *Москва*, пріобрѣла до конца XIV в. уже такую силу, что посмѣла подумать о борьбѣ съ Татарами, которые разбиты на Куликовомъ полѣ на верхнемъ Дону (1380)

великимъ княземъ *Димитріемъ Донскимъ*. Сѣверовосточная Русь выдержала тоже наступленіе Литвы, которая въ теченіи одного столѣтія (1370—1471), при *Ольгердѣ*, *Александрѣ Витовтѣ*, *Казимірѣ*, угрожала Москвѣ, поддерживала противъ нея Тверь и Рязань, отняла у нея Смоленскъ, и собиралась отнять и Новгородъ и Псковъ, но въ концѣ концовъ не успѣла даже ослабить Москву. Эта неудача Литвы на русскомъ востокѣ была для русскаго народа событіемъ тѣмъ болѣе важнымъ, что въ 1386 г. литовская династія заняла польскій престолъ, повернула къ западу, и что такимъ образомъ Литва и югозападная Русь вступили въ близкія сношенія съ Польшею. Польскій элементъ и католическо-польская образованность восторжествовавши на Червоной Руси, присвоивши себѣ литовскій элементъ и великаго князя литовскаго и короля польскаго *Ягайла Владислава* и его родъ, распространялись на Русь югозападную, и, какъ часть западно-европейской образованности, имѣли здѣсь значительный успѣхъ.

Московская Русь была въ концѣ XV вѣка, при *Иванѣ III* (1462 — 1505), готовою самодержавною монархіею, которую признавалъ весь русскій народъ на сѣверовостокѣ. Остатки удѣловъ уничтожались, Новгородъ и его колонія Вятка присоединены къ Москвѣ, также Тверь, а великое княжество рязанское существовало только по имени, и Псковъ по милости московскаго великаго князя. Единство права въ московскомъ государствѣ установлено изданіемъ судебника. Иванъ, побуждаемый своею супругою, греческою царевною Софіею, рѣшился свергнуть татарское иго (1480), и покорилъ казанское ханство. Сильный великій князь „всея Руси“ могъ обратиться тоже на западъ, и стремился къ пріобрѣтенію югозападной Руси, своей „отчины“, которою незаконно владѣли Литва и Польша. Это стремленіе, имѣющее въ виду осуществленіе законнаго титула „великій князь всея Руси“, сдѣлалось съ тѣхъ поръ самою важною частью политики московскихъ государей, и дало поводъ къ трехсотлѣтней борьбѣ съ Польшею (1500—1795). Ивану удалось присоединить къ своему государству нѣсколько княжествъ въ сѣверской землѣ; другія и Смоленскъ присоединены при сынѣ и преемникѣ

Ивана, *Василій III* (1505—1533), который уничтожилъ послѣдніе остатки удѣльной Руси, Псковъ и Рязань. Сынъ Василія, *Иванъ IV Грозный* (1533—1584), покорилъ татарскія ханства на востокѣ, и водворилъ здѣсь, въ царствахъ казанскомъ, астраханскомъ, сибирскомъ, владычество „царя (императора) всея Руси" (Россіи, изъ греческаго), какъ онъ назвался при своемъ вѣнчаніи (1547); только четвертое татарское ханство въ Крыму не могло быть уничтожено, а осталось бичемъ восточнаго Славянства, Поляковъ и Русскихъ, еще два столѣтія. Иванъ старался вводить въ своемъ царствѣ разныя реформы, издалъ новый судебникъ, улучшилъ военное дѣло устройствомъ постояннаго войска, стрѣльцовъ, привлекалъ народъ къ участію въ дѣлахъ гражданскихъ и судебныхъ, и спрашивалъ его мнѣнія на земскихъ соборахъ, что дѣлали и нѣкоторые его преемники. Монархія, идея государства восторжествовала вполнѣ, подчинивши себѣ всѣ сословія, не исключая и высшихъ служилыхъ, бояръ, которые были только совѣтниками царя (царь указалъ и бояре приговорили). Сопротивлявшіеся элементы оттѣснены на окраины русскаго міра, и здѣсь, вмѣстѣ съ разными авантюристами, составляли военныя общины *казаковъ (козаковъ)*, на Дону, Яикѣ (Уралѣ) и на другихъ мѣстахъ, также и на окраинахъ литовско-польской Руси, на Украинѣ около Черкасъ (казаки-черкасы), по Днѣпру за его порогами на Низу (казаки низовые Запорожцы). Казаки только мало по малу примыкали къ государствамъ польскому и русско-московскому; они составляли для нихъ часто источникъ затрудненій и возстаній противъ ихъ государственнаго строя, но были тоже ихъ оплотомъ противъ ихъ враговъ на югѣ: казаки восприняли борьбу христіанства, особенно православной Руси противъ новыхъ ея азіатскихъ сосѣдей на югѣ, противъ магометанскихъ Турокъ и Татаръ.

Царь Иванъ, сознавая потребность сближенія своего государства съ западною Европою, стремился къ завоеванію Ливоніи, и съ другой стороны у Польши отнялъ Полоцкъ; но оба пріобрѣтенія скоро утрачены, и Шведы и Поляки оттѣснили московскую Русь вновь отъ моря. Вообще не везло уже царю Ивану, и его дѣятельность проявлялась въ ужасномъ свирѣпствованіи противъ

собственнаго народа, именно противъ бояръ, противъ которыхъ царь задумалъ опираться на низшія сословія и на расширенное ихъ самоуправленіе. Но эта мысль скоро по смерти Ивана, при царѣ *Федорѣ*, пала въ забвеніе, и, въ виду государственныхъ потребностей и лучшаго обезпеченія служилыхъ сословій, несшихъ государственную службу, именно военную, подданный сельскій народъ лишенъ свободнаго перехода и прикрѣпленъ къ землѣ (ок. 1591-го года). Не осуществилась тоже великая мысль добровольнаго соединенія всего восточнаго Славянства, Польши, Литвы и Москвы, подъ скипетромъ славянскихъ царей русскихъ Ивана и Федора, какъ этого желали сами Поляки и литовскіе Русскіе послѣ прекращенія рода Ягайла. Это не удалось, ни тогда ни позже, главнымъ образомъ по поводу разницы вѣроисповѣданія: ибо русскій царь не могъ сдѣлаться католикомъ, какъ этого требовали Поляки и Литовцы, предлагая корону Пястовичей и Ягайловичей царю какъ Славянину; русскій царь не могъ тоже подчинить интересы своего государства и народа интересамъ Польши.

Въ 1598-омъ г., съ царемъ Федоромъ, прекратился родъ Рюрика, и царскій престолъ достался *Борису Годунову*, который правилъ уже при слабомъ Федорѣ и подготовилъ себѣ дорогу къ престолу убіеніемъ брата царя, Димитрія. Но скоро явился мститель убитаго царевича: въ 1604-омъ г. явился самозванецъ, вѣроятно подготовленный польскими іезуитами, выдающій себя за Димитрія, и сталъ, съ помощью нѣкоторыхъ польскихъ пановъ, добиваться принадлежавшаго-де ему русскаго царства. Въ слѣдствіе появленія этого Лжедимитрія, за которымъ послѣдовало еще нѣсколько другихъ самозванцевъ, настало для московской Руси *смутное время*, которымъ воспользовались казаки и другіе враждебные государству элементы, вмѣстѣ съ буйными польскими авантюристами, для грабежа и опустошенія почти всего русскаго царства. Наконецъ самъ польскій король Сигизмундъ собрался завоевать русское царство, посадить на царскій престолъ польскаго королевича Владислава или себя, и насадить и на восточной Руси католицизмъ. Но этотъ планъ не удался, и только Смоленскъ достался Польшѣ. На царскій престолъ вступилъ *Михаилъ Федоровичъ Романовъ* (1613—1645), который всячески заботился объ

успокоеніи расшатаннаго государства. Объ отраженіи Польши нельзя было подумать, и Смоленскъ и Сѣверія остались ея добычею. Государство крѣпло при сынѣ и преемникѣ Михаила, *Алексѣѣ* (1645—1676), который въ началѣ своего царствованія позаботился объ изданіи новаго *уложенія*, выслушаннаго на земскомъ соборѣ 1648-го года. Царю Алексѣю Михайловичу удалось наконецъ выступить съ успѣхомъ противъ Польши и возобновить политику, стремящуюся къ присоединенію югозападной польсколитовской Руси къ русскому царству.

Въ слѣдствіе соединенія Польши и Литвы подъ династіею Ягайловичей, открылся путь польскимъ порядкамъ въ югозападную Русь. Поляки добивались все болѣе тѣснаго соединенія Литвы съ Польшею, что́ имъ и удалось люблинскою уніею (1569). Привилегированное шляхетское сословіе Польши распространилось на Литву и на югозападную Русь, вмѣстѣ со всѣми польскими порядками, съ польскимъ языкомъ, съ польскою образованностью, съ католицизмомъ и съ протестантизмомъ. Православные русскіе князья и бояре дѣлались католическою или протестантскою польскою шляхтою, отчуждаясь такимъ образомъ отъ простаго народа, который остался русскимъ. Устройство Литвы и югозападной Руси измѣнялось во многомъ по образцу польскаго, и установлено изданіемъ литовскихъ статутовъ (1529—1588). Для усиленія католицизма въ югозападной Руси и тѣмъ самымъ и для ея сліянія съ Польшею, возобновлена давно забытая унія обѣихъ церквей, латинской и греческой, заключенная въ 1439-омъ г. въ Флоренціи и принятая тогда и русскимъ митрополитомъ Исидоромъ. Въ концѣ XVI в., на соборѣ въ Берестѣ (1596), унія принята вновь кіевскимъ митрополитомъ и нѣкоторыми западно-русскими епископами. Такимъ образомъ надѣялись въ Польшѣ сломить важную опору русской народности, православіе или, какъ его называли польскіе и литовскіе католики, „схизму", поссорить Русь югозападную и отчуждить ее отъ сѣверовосточной. Унія, распространявшаяся на Руси разными способами и средствами, назначалась болѣе для простаго народа, между тѣмъ какъ русская шляхта принимая унію, скоро дѣлалась католическою и тѣмъ самымъ и польскою. Но унію приняла не вся Русь; московская Русь отверну-

лась отъ нея рѣшительно уже въ XV в. и осуждала ее всегда; а югозападная Русь распалась на два враждебныхъ лагеря, на Русь унитскую (уніятскую) и православную, между которыми началась ожесточенная борьба. Православная Русь въ Польшѣ и въ Литвѣ тяготѣла все сильнѣе къ сѣверовосточной Руси, къ Москвѣ, съ конца XVI вѣка столицѣ патріарха всея Руси, и нашла себѣ рьяныхъ защитниковъ въ южнорусскихъ казакахъ (въ Украинѣ и Запорожьѣ), нетерпѣвшихъ уніи. Въ эти религіозные споры югозападной Руси вмѣшалась опозиція порабощеннаго русскаго сельскаго народа и демократическихъ казаковъ противъ польскаго шляхетскаго строя.

Борьба дѣлалась все болѣе упорною, принимала характеръ борьбы не только религіозной и народной, но тоже политической и соціальной, и наконецъ разразилась страшнымъ возстаніемъ русскаго казачества и народа подъ предводительствомъ *Богдана Хмѣльницкаго* (1648). О примиреніи обѣихъ противуположностей, католической или унитской польской или ополяченной шляхты и православнаго демократическаго казачества и народа русскаго, нельзя было и подумать. Хмѣльницкій поддался русскому царю (1654), который и выступилъ на помощь югозападной Руси. Съ начала казалось, что осуществится титулъ „царь всея Руси (Россіи) Великой, Малой и Бѣлой“, что вся югозападная Русь будетъ присоединена къ русскому царству, да что самъ царь Алексѣй Михайловичъ будетъ избранъ въ польскіе короли, и такимъ образомъ соединятся оба славянскія государства на страхъ всѣмъ врагамъ славянскаго имени. Но все это тогда еще не удалось, и Великая Русь, послѣ многихъ войнъ, пріобрѣла только Смоленскъ, Сѣверію и восточную Украину (Малую Русь) съ Кіевомъ (1667). Бѣлая Русь и западная Малая Русь остались еще Польшѣ, которая однако здѣсь должна была защищаться противъ Турціи, и даже уступить ей часть своихъ малорусскихъ земель. Казачество въ польской Украинѣ скоро исчезло, и сохранилось только въ русской Малороссіи, управляемой казацкимъ гетманомъ.

Вмѣстѣ съ этими внѣшними войнами возникали въ русскомъ царствѣ и внутреннія смуты. По поводу исправленія церковныхъ

книгъ при патріархѣ Никонѣ возникъ ***расколъ***, отщепенство многихъ старообрядцевъ отъ православной церкви. Расколъ сталъ проявляться въ разныхъ видахъ, преслѣдовался, принялъ тоже политическій характеръ, и заявился тогда и позже, въ сопротивленіи государству. Надо было подавлять возстаніе на сѣверѣ въ соловецкомъ монастырѣ, а на юговостокѣ опасное возстаніе казаковъ и все больше порабощаемаго сельскаго народа подъ предводительствомъ ***Стеньки Разина*** (1670).

Потребность въ разныхъ реформахъ, въ просвѣщеніи и въ смягченіи грубыхъ нравовъ, чувствовалась повсюду въ русскомъ царствѣ, и тѣмъ самымъ — потребность сближенія съ остальными народами Европы, которые, находясь уже давно въ болѣе счастливомъ положеніи, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, трудились долгіе вѣка надъ развитіемъ человѣческой образованности. Съ половины XVII в. Великая Русь распространялась не только на востокъ, въ Сибирь, но и на западъ въ русскія земли могучей нѣкогда Польши, которая въ то время уже политически слабѣла и духовно падала, и по этому не могла быть для Руси подходящею наставницею. Другой врагъ Великой Руси, Швеція, заграждала ей путь къ балтійскому морю, и тѣмъ самымъ и дорогу къ прямому источнику европейской образованности. Прежнюю борьбу Новгородцевъ и Псковичей и Ивана Грознаго изъ-за этого важнаго моря, возобновилъ царь или, какъ онъ позже (1721) назвался, императоръ ***Петръ Алексѣевичъ Великій*** (1682—1725), и, послѣ долголѣтней войны съ Шведами, пріобрѣлъ здѣсь Ингрію (Ингерманландію, гдѣ возникла новая столица Россіи, Санкт-Петербургъ), часть Финляндіи, Эстляндію и Лифляндію. Такимъ образомъ руская или россійская имперія приблизилась къ средней и западной Европѣ посредствомъ балтійскаго моря, и заняла на востокѣ Европы мѣсто падающей и находящейся подъ русскимъ вліяніемъ Польши, и ослабленной Швеціи. Петръ Великій обратилъ свое вниманіе также на третью часть завѣтной русской политики, на югъ, гдѣ Турція и подданные ей крымскіе Татары лежали тяжелымъ гнетомъ на единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народахъ; но онъ не могъ здѣсь еще ничего сдѣлать, такъ какъ его походъ противъ Турціи не удался. Тѣмъ не менѣе Петръ не упускалъ изъ виду

себѣ политическую самостоятельность, сгруппировался около Москвы, образовалъ здѣсь, послѣ ужасныхъ бѣдствій и послѣ тяжелой борьбы съ врагами внѣшними и внутренними, сильное государство на прочныхъ основахъ, и обезпечилъ себѣ такимъ образомъ и свой народный бытъ: ибо только тотъ народъ живетъ, который пользуется политическою самостоятельностью и рѣшаетъ самъ о себѣ, между тѣмъ какъ народъ, лишенный политической независимости и управляемый иноплеменниками, уже только прозябаетъ. Это единственное, но могущественное славянское государство, русское — возбуждаетъ между своими сосѣдами разнородныя чувства. Казалось, что южное и западное Славянство, полумертвое, связанное по рукамъ и по ногамъ, оцѣпенѣлое, ошеломленное страшными погромами, погружено въ глубокій летаргическій сонъ. Но съ дуновеніемъ животворной идеи народности этотъ сонъ дѣлается все болѣе безпокойнымъ, и южные и западные Славяне пробуждаются мало по малу отъ почти смертельнаго обморока; они прислушиваются съ возрастающимъ волненіемъ, какъ изъ далекаго востока приближается громъ русскихъ пушекъ и русскаго „ура“ на югъ къ старому славянскому Дунаю, и на западъ къ старо-русскому Бугу и Днѣстру. Это русское „ура“, хотя все еще отдаленное, разнообразно сдерживаемое и придавляемое, пробуждаетъ однако не только южныхъ и западныхъ Славянъ отъ ихъ глубокаго сна; оно начинаетъ безпокоить тоже бдящихъ надъ ними Турокъ, Грековъ, Итальянцевъ, Мадьяръ, преимущественно же Нѣмцевъ. Возникаетъ вопросъ: на сколько основательны надежды южныхъ и западныхъ Славянъ и опасенія иноплеменниковъ на счетъ той роли, которую, по мнѣнію тѣхъ и другихъ, долженъ въ Славянствѣ сыграть первый его народъ, русскій, единственное самостоятельное славянское государство, Русь. Этотъ вопросъ составляетъ важную, существенную часть возрожденія западныхъ и южныхъ Славянъ, интересуетъ все больше и русскій народъ, и становится тою осью, около которой начинаетъ двигаться новѣйшая исторія всего славянскаго племени.

урожд. княжнѣ Ангальтской (1762—1796). Внутреннія реформы и нововведенія въ разныхъ отрасляхъ государственной жизни, начавшіяся при Петрѣ Вел., продолжались и развивались дальше. Замѣтенъ прогрессъ въ дѣлѣ просвѣщенія, основаны университетъ въ Москвѣ (1755) и другія школы, появились зачатки самостоятельной русской литературы. Дворянство пріобрѣло разныя привилегіи и бóльшую власть надъ своими невольниками. Достоинство казацкаго гетмана въ Малороссіи уничтожено, а восточные казаки привязаны тоже тѣснѣе къ государству, особенно послѣ подавленія возстанія казаковъ и сельскаго народа въ восточной Россіи подъ предводительствомъ *Пугачева* (1774). Тогда уничтожено тоже Низовое Запорожье. Самодержавная монархія окончательно восторжествовала надъ всѣми сопротивлявшимися ему внутри элементами, и могущество Россіи въ Европѣ, ея вліяніе на дѣла Польши и Германіи, гдѣ Елизавета Петровна старалась „сократить“ прусскаго короля, все усиливалось. Неуспѣхъ Петра Великаго противъ Турціи поправленъ уже при Аннѣ Ивановнѣ, особенно же при Екатеринѣ. Россія пріобрѣла въ покоренной Турціи (1774) рѣшительное вліяніе, и посреди своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ на югѣ небывалое обаяніе; послѣ присоединенія Крыма (1783) и второй войны съ Турціею границы Россіи на югѣ дошли до Чернаго моря и Днѣстра. На западѣ русское вліяніе восторжествовало въ Польшѣ, и рѣшена наконецъ трехсотлѣтняя борьба Руси съ Польшею изъ-за югозападной Руси, побѣдою русской имперіи. Законный титулъ „царь всея Руси, императоръ Всероссійскій“ осуществился почти вполнѣ; только Червоная Русь осталась Нѣмцамъ.

Русское знамя водружено на берегахъ Нѣмана, Буга, Збруча и Днѣстра, русскій флагъ развѣвался на моряхъ балтійскомъ и Черномъ, и Россія стала первостепенную великою державою европейской политической системы. Но почти на всей западной границѣ Россія соприкасалась уже съ владѣніями Нѣмцевъ. Всѣ славянскія государства на югѣ и на западѣ погибли, всѣ славянскіе народы на югѣ и на западѣ сдѣлались слугами иноплеменниковъ, и стали представлять лишь матеріалъ для питанія чужихъ тѣлъ. Только на славянскомъ востокѣ русскій народъ сохранилъ

себѣ политическую самостоятельность, сгрупировался около Москвы, образовалъ здѣсь, послѣ ужасныхъ бѣдствій и послѣ тяжелой борьбы съ врагами внѣшними и внутренними, сильное государство на прочныхъ основахъ, и обезпечилъ себѣ такимъ образомъ и свой народный бытъ: ибо только тотъ народъ живетъ, который пользуется политическою самостоятельностью и рѣшаетъ самъ о себѣ, между тѣмъ какъ народъ, лишенный политической независимости и управляемый иноплеменниками, уже только прозябаетъ. Это единственное, но могущественное славянское государство, русское, возбуждаетъ между своими сосѣдами разнородныя чувства. Казалось, что южное и западное Славянство, полумертвое, связанное по рукамъ и по ногамъ, оцѣпенѣлое, ошеломленное страшными погромами, погружено въ глубокій летаргическій сонъ. Но съ дуновеніемъ животворной идеи народности этотъ сонъ дѣлается все болѣе безпокойнымъ, и южные и западные Славяне пробуждаются мало по малу отъ почти смертельнаго обморока; они прислушиваются съ возрастающимъ волненіемъ, какъ изъ далекаго востока приближается громъ русскихъ пушекъ и русскаго „ура“ на югъ къ старому славянскому Дунаю, и на западъ къ старо-русскому Бугу и Днѣстру. Это русское „ура“, хотя все еще отдаленное, разнообразно сдерживаемое и придавляемое, пробуждаетъ однако не только южныхъ и западныхъ Славянъ отъ ихъ глубокаго сна; оно начинаетъ безпокоить тоже бдящихъ надъ ними Турокъ, Грековъ, Итальянцевъ, Мадьяръ, преимущественно же Нѣмцевъ. Возникаетъ вопросъ: на сколько основательны надежды южныхъ и западныхъ Славянъ и опасенія иноплеменниковъ на счетъ той роли, которую, по мнѣнію тѣхъ и другихъ, долженъ въ Славянствѣ сыграть первый его народъ, русскій, единственное самостоятельное славянское государство, Русь. Этотъ вопросъ составляетъ важную, существенную часть возрожденія западныхъ и южныхъ Славянъ, интересуетъ все больше и русскій народъ, и становится тою осью, около которой начинаетъ двигаться новѣйшая исторія всего славянскаго племени.

наслоеніе. Въ первомъ случаѣ географическая номенклатура тѣхъ земель исключительно славянская, а въ другомъ случаѣ только отъ части славянская, отъ части же чужая или къ славянской приспособленная. Славяне, заселяя извѣстную страну, назвали рѣку или гору, село или городъ, по качеству и мѣстоположенію, часто одинаково въ самыхъ отдаленныхъ странахъ; такъ на пр. Брезница, Березина,рѣка вытекающая изъ березоваго лѣса, Лысая гора, Высочаны. Случалось тоже, что Славяне переселяясь изъ своей родины въ другую страну, переносили туда разныя географическія названія; такъ на пр. на югѣ и на сѣверѣ Руси встрѣчаются Володимерь (Владиміръ), Галичъ, Переяславль. Многія названія рѣкъ относятся къ самымъ отдаленнымъ временамъ, гдѣ арійскія племена, славянское, литовское, нѣмецкое и др., были другъ другу ближе, и по этому объяснимы только при помощи сравнительнаго языкознанія. Съ *Дунай* ср. санскр. dhunaya—шумѣть, чеш. дунить, Дунай —шумящая, дунящая рѣка; съ *Одра* ср. санскр. udra, литов. audra, греч. ὕδωρ—вода; съ окончаніемъ *ава* ср. латин. aqua, нѣм. aha. Ясны названія рѣкъ: Варта и Сватка (вертливая), Быстрица, Бръзава, Пѣна, Черная, Бѣлина, Дубрава, Березина, Теплица, Солоная, Каменица, Бобръ, Вука, (Волка), Вепрь, Рыбница; названія озеръ: Плесо, Блатно, Морьце, Бѣлое озеро; названія горъ: Хребетъ (Карпатъ), Шумава и Шумадія (шума — лѣсъ), Буковина, Святоборъ, Кръконоши, Ястребацъ, Рудникъ, Берда.

Что касается заселенныхъ мѣстъ, городовъ и селъ, то древнѣйшія поселенія — съ названіями родовыми съ окончаніемъ *ичи* (*иħи*, *ишти*, *ици*), на пр. Войславичи, Ратиборовичи. Такія названія первоначально не названія мѣста, а лицъ одного происхожденія. Селенія назвались по основателямъ: Кіевъ т. е. городъ Кія, Сербино т. е. село Серба, Болеславь, Ярославль, Володимерь, Войнѣжь, Серадзь, Познань—городы Болеслава, Ярослава, Володимера, Войнѣга, Серада, Познана. Чрезвычайно разнообразны названія селеній по мѣстоположенію: Поляне (Поляны), Древляне, Лѣсяне, Озеряне, Порѣчье, Просѣкъ, Загорье, селенія и люди живущіе въ поляхъ, деревьяхъ, лѣсахъ, около озеръ, по рѣкѣ, въ просѣкѣ въ лѣсу, за горой. Названія по

союзъ; но тѣмъ не менѣе всѣ такія стремленія и попытки не могли уже измѣнить установившагося въ Славянствѣ прочнаго положенія дѣлъ: славянскіе народы такъ и остались народами, и не составили уже новой единицы, новаго народа, хотя бы они и жили довольно долго въ близкихъ сношеніяхъ, даже въ одномъ государствѣ. Чехи и Поляки остались Чехами и Поляками, не смотря на все ихъ стремленіе въ XV в. сблизиться, даже соединиться въ одно государство; Поляки и югозападные Русскіе остались Ляхами и Русью, не смотря на долгое ихъ общее сожительство въ одномъ государствѣ; Хорваты и Сербы, хотя они собственно составляютъ одинъ народъ говорящій на одномъ языкѣ, остались Хорватами и Сербами, и пр.

Не смотря однако на такое болѣе или менѣе сильное, политическое и народное, раздробленіе и разрозненность Славянъ, они все таки сохранили въ общественномъ бытѣ очень много подчасъ даже поразительно общихъ и сходныхъ чертъ; и этого сходства никакъ не могли изгладить столѣтія политической и народной розни. Отъ чего же Чехи и сѣверные Русскіе называютъ хлѣбъ (на полѣ, зерномъ) — *обиліе*? Отъ чего же польскіе Куявяки называютъ надзирателя рабочихъ *приставъ*, что у Русскихъ означаетъ начальника другого рода? Отъ чего соборы *себровъ* были въ Сербіи до XIV в., а сходки, громады себровъ или сябровъ (хозяевъ) существуютъ въ средней Руси до сихъ поръ? Отъ чего сербскіе Черногорцы до сихъ поръ ищутъ потерянную вещь посредствомъ особыхъ сыщиковъ, *соковъ*, между тѣмъ какъ Чехи и Русскіе позабыли уже о такихъ сокахъ, но еще въ XIII и XVI вв. ихъ знали? Все это — общеславянское наслѣдство, уцѣлѣвшее у разныхъ народовъ славянскихъ съ древнѣйшихъ временъ до нынѣ.

1. Колонизація.

Славянская колонизація коснулась во первыхъ, земель никѣмъ не занятыхъ, гдѣ Славяне являются первыми извѣстными жителями, во вторыхъ, земель уже заселенныхъ, гдѣ Славяне — болѣе поздніе пришлецы, и составляютъ уже второе или третье

наслоеніе. Въ первомъ случаѣ географическая номенклатура тѣхъ земель исключительно славянская, а въ другомъ случаѣ только отъ части славянская, отъ части же чужая или къ славянской приспособленная. Славяне, заселяя извѣстную страну, назвали рѣку или гору, село или городъ, по качеству и мѣстоположенію, часто одинаково въ самыхъ отдаленныхъ странахъ; такъ на пр. Брезница, Березина,рѣка вытекающая изъ березоваго лѣса, Лысая гора, Высочаны. Случалось тоже, что Славяне переселяясь изъ своей родины въ другую страну, переносили туда разныя географическія названія; такъ на пр. на югѣ и на сѣверѣ Руси встрѣчаются Володимерь (Владиміръ), Галичъ, Переяславль. Многія названія рѣкъ относятся къ самымъ отдаленнымъ временамъ, гдѣ арійскія племена, славянское, литовское, нѣмецкое и др., были другъ другу ближе, и по этому объяснимы только припомощи сравнительнаго языкознанія. Съ *Дунай* ср. санскр. dhunaya—шумѣть, чеш. дунить, Дунай —шумящая, дунящая рѣка; съ *Одра* ср. санскр. udra, литов. audra, греч. ὕδωρ—вода; съ окончаніемъ *ава* ср. латин. aqua, нѣм. aha. Ясны названія рѣкъ: Варта и Свратка (вертливая), Быстрица, Бръзава, Пѣна, Черная, Бѣлина, Дубрава, Березина, Теплица, Солоная, Каменица, Бобръ, Вука, (Волка), Вепрь, Рыбница; названія озеръ: Плесо, Блатно, Морьце, Бѣлое озеро; названія горъ: Хребетъ (Карпатъ), Шумава и Шумадія (шума — лѣсъ), Буковина, Святоборъ, Бръконоши, Ястребацъ, Рудникъ, Берда.

Что касается заселенныхъ мѣстъ, городовъ и селъ, то древнѣйшія поселенія — съ названіями родовыми съ окончаніемъ *ичи* (*иħи*, *ишти*, *ици*), на пр. Войславичи, Ратиборовичи. Такія названія первоначально не названія мѣста, а лицъ одного происхожденія. Селенія назвались по основателямъ: Кіевъ т. е. городъ Кія, Сербино т. е. село Серба, Болеславь, Ярославль, Володимерь, Войнѣжь, Серадзь, Познань—городы Болеслава, Ярослава, Володимера, Войнѣга, Серада, Познана. Чрезвычайно разнообразны названія селеній по мѣстоположенію: Поляне (Поляны), Древляне, Лѣсяне, Озеряне, Порѣчье, Просѣкъ, Загорье, селенія и люди живущіе въ поляхъ, деревьяхъ, лѣсахъ, около озеръ, по рѣкѣ, въ просѣкѣ въ лѣсу, за горой. Названія по

Хорватъ; русскіе Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ; по древнимъ преданіямъ русскимъ, польскимъ и чешскимъ, записаннымъ въ лѣтописяхъ XII—XIV вв., многія племена русскія, ляшскія и чешскія, производили себя съ юга, отъ Дуная, этой священной рѣки Славянъ, что не невѣроятно. Переселеніе славянскихъ народовъ и племенъ происходило и въ позднѣйшія, историческія времена. Почти весь балканскій полуостровъ завоеванъ Словѣнами, Сербами и Хорватами; много задунайскихъ Словѣнъ переведено позже въ преддунайскія страны; въ войнахъ XI в. полабскіе Сербы переводились въ Польшу, польскіе Гедчане въ Чехію, Поляки на Русь на рѣку Рось; въ послѣдующихъ за тѣмъ вѣкахъ переселялось много Поляковъ на южную Русь, а въ сѣверной Руси переводились Новгородцы на Низъ въ землю володимерско-московскую, а оттуда Москвичи на Верхъ въ землю новгородскую; на югѣ, послѣ вторженія Турокъ, много Сербовъ поселялось между Хорватами и въ Угріи, и пр. Громадная славяно-русская колонизація происходила съ древнѣйшихъ временъ и происходитъ и нынѣ на востокѣ Европы дальше въ Азію. Русскій народъ двигаясь отъ Двины и Днѣпра на сѣверовостокъ и на востокъ, вытѣсняетъ и поглощаетъ здѣсь инородцевъ, чудскихъ, турецко-татарскихъ и др., память которыхъ сохраняетъ здѣсь неславянская географическая номенклатура подъ новыми славянскими названіями. Новгородцы колонизовали сѣверъ, Кривичи, Сѣверяне, Вятичи, и въ послѣдствіи особенно жители московскаго государства, Великой Руси—востокъ. По этому здѣсь въ земляхъ „за волокомъ“ и „за лѣсами“—подлѣ новыхъ славянскихъ названій, Новгородъ, Бѣлоозеро, Ростовъ, Володимерь, Ярославль, Трубежь, Лыбедь, встрѣчаются неславянскія названія, Ладога, Селигеръ, Клязьма, Кама, Лена, Суздаль, Муромъ, Казань, Саратовъ, Тобольскъ, Якутскъ. Такое же самое явленіе встрѣчается и на югѣ на балканскомъ полуостровѣ, куда Славяне двигались изъ подунайскихъ странъ, заселяя земли, занятыя Влахами (романизованными Илирами и Ѳракійцами), Шкипетарами и Греками, и вытѣсняя и поглощая эти народы. По этому подлѣ новыхъ славянскихъ названій, Марица, Черная, Быстрица, Рудникъ, Бѣлградъ, Рась, Прѣславь, Шуменъ, При-

Словине, позже съ XVI в. ***Славяне***, ***Славене*** по греческому и латинскому *Sklavi*, *Sklaveni*)—темнаго происхожденія, первоначально названіе одного или нѣсколькихъ племенъ (Словене балтійскіе, ихъ потомки нын. Словинцы поморскіе, Словѣне—Словене новгородскіе, Словѣне — Словенцы — Словаки дунайскіе, альпійскіе, карпатскіе), въ послѣдствіи общее названіе всѣхъ племенъ, извѣстныхъ древнему міру подъ названіями: Венеты, Свевы, Сарматы и др.

Множество одинаковыхъ названій племенъ, земель, селеній, встрѣчается въ разныхъ славянскихъ странахъ. Такія названія проистекаютъ по большей части изъ племеннаго единства и родства Славянъ, которые вездѣ могли назвать жителей полей и лѣсовъ Полянами и Древлянами, селенія подъ и за горой, рѣкой, лѣсомъ, полемъ—Подгорье, Зарѣчье, Подлѣсье, Заполье, и такъ и разныя Дубравы, Лысыя Горы, Бѣлгороды, Вышегороды. По этому такія одинаковыя названія не могутъ еще вести къ разнымъ заключеніямъ о ихъ заимствованіи Славянами другъ у друга, о переселеніи племенъ и выходцевъ, если кромѣ такихъ названій нѣтъ другихъ положительныхъ извѣстій. По этому нельзя ничего болѣе вѣрнаго сказать о родствѣ и связи чешскихъ и русскихъ Лучанъ, ляшскихъ и русскихъ Полянъ и Деревлянъ, западныхъ и южныхъ Моравянъ, Сербовъ и Хорватовъ, западныхъ и восточныхъ Дулѣбовъ (Дудлебовъ), Волынянъ, Сѣверянъ, балтійскихъ и новгородскихъ Словенъ, Словѣнъ. Если между чешскими и русскими Дулѣбами, между кръконошскими, карпатскими и адріатическими Хорватами, между полабскими и подунайскими Сербами, между ляшскими и русскими Сѣверянами, существуетъ какая-нибудь связь, то она относится къ неизвѣстнымъ доисторическимъ временамъ; а въ историческое время западные и южные Хорваты и Сербы, западные и восточные Волыняне, подунайскіе и ильменскіе Словѣне—говорили всѣ на различныхъ славянскихъ языкахъ.

Между Славянами сохранились еще въ историческое время разныя преданія о ихъ прародинѣ, о миѳическихъ праотцахъ и пр.; но на сколько такія преданія достовѣрны, трудно опредѣлить. Являются праотцы Русъ, Чехъ, Лѣхъ, Радимъ, Вятко

Хорватъ; русскіе Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ; по древнимъ преданіямъ русскимъ, польскимъ и чешскимъ, записаннымъ въ лѣтописяхъ XII—XIV вв., многія племена русскія, ляшскія и чешскія, производили себя съ юга, отъ Дуная, этой священной рѣки Славянъ, что не невѣроятно. Переселеніе славянскихъ народовъ и племенъ происходило и въ позднѣйшія, историческія времена. Почти весь балканскій полуостровъ завоеванъ Словѣнами, Сербами и Хорватами; много задунайскихъ Словѣнъ переведено позже въ преддунайскія страны; въ войнахъ XI в. полабскіе Сербы переводились въ Польшу, польскіе Гедчане въ Чехію, Поляки на Русь на рѣку Рось; въ послѣдующихъ за тѣмъ вѣкахъ переселялось много Поляковъ на южную Русь, а въ сѣверной Руси переводились Новгородцы на Низъ въ землю володимерско-московскую, а оттуда Москвичи на Верхъ въ землю новгородскую; на югѣ, послѣ вторженія Турокъ, много Сербовъ поселялось между Хорватами и въ Угріи, и пр. Громадная славяно-русская колонизація происходила съ древнѣйшихъ временъ и происходитъ и нынѣ на востокѣ Европы дальше въ Азію. Русскій народъ двигаясь отъ Двины и Днѣпра на сѣверовостокъ и на востокъ, вытѣсняетъ и поглощаетъ здѣсь инородцевъ, чудскихъ, турецко-татарскихъ и др., память которыхъ сохраняетъ здѣсь неславянская географическая номенклатура подъ новыми славянскими названіями. Новгородцы колонизовали сѣверъ, Кривичи, Сѣверяне, Вятичи, и въ послѣдствіи особенно жители московскаго государства, Великой Руси—востокъ. По этому здѣсь въ земляхъ „за волокомъ“ и „за лѣсами“—подлѣ новыхъ славянскихъ названій, Новгородъ, Бѣлоозеро, Ростовъ, Володимерь, Ярославль, Трубежь, Лыбедь, встрѣчаются неславянскія названія, Ладога, Селигеръ, Клязьма, Кама, Лена, Суздаль, Муромъ, Казань, Саратовъ, Тобольскъ, Якутскъ. Такое же самое явленіе встрѣчается и на югѣ на балканскомъ полуостровѣ, куда Славяне двигались изъ подунайскихъ странъ, заселяя земли, занятыя Влахами (романизованными Илирами и Ѳракійцами), Шкипетарами и Греками, и вытѣсняя и поглощая эти народы. По этому подлѣ новыхъ славянскихъ названій, Марица, Черная, Быстрица, Рудникъ, Бѣлградъ, Рась, Прѣславь, Шуменъ, При-

цѣлое, новый городъ и общину, одну „городную осаду“. Такое возникновеніе большихъ городовъ можно замѣтить до сихъ поръ на пр. въ Прагѣ, Краковѣ, Кіевѣ, Москвѣ и др., гдѣ около крѣпости (города, замка, кремля), расположены другія части города, съ начала открытыя, потомъ тоже укрѣпленныя. Славянскіе города дѣлились на концы (русскіе), улицы, торговища, и пр.

Древнеславянскіе города были то не большія укрѣпленія, то значительныя крѣпости; многіе со временемъ опустѣли, деревянныя срубы разрушились, сгорѣли и отъ такого города осталась земляная насыпь, каменная ограда, а внутренняя площадка заросла лѣсомъ, вспахана въ поле, а о существованіи въ такомъ *городищѣ* жизни въ отдаленныя времена свидѣтельствуютъ разныя раскопки. Такихъ городищъ (градищъ, гродзискъ) находится въ славянскихъ земляхъ очень много, въ томъ числѣ остатки когда-то знаменитыхъ городовъ, на пр. чешскаго Любушина, польскаго Гедча, русскаго Волыня, и др. Города существовали у Славянъ съ незапамятныхъ временъ; уже Греки и Римляне знали въ земляхъ между Лабою, Дунаемъ, Днѣпромъ и балтійскимъ моремъ, въ восточной (свевской) Германіи, въ Дакіи и Сарматіи, много городовъ; нѣкоторые изъ нихъ сохранились до сихъ поръ, какъ на пр. Brodentia—нын. Бродъ (на границѣ Чехіи и Баваріи), Kalisia—польскій Калишъ, Pession—Пещь (Пештъ) на Дунаѣ; названія другихъ кроются въ названіяхъ племенъ извѣстныхъ Грекамъ и Римлянамъ, на пр. Ракоусы (Rakatae), Щетинъ (Seidini), Гъданьскъ (Gythones), и др.; но по большей части положеніе этихъ древнѣйшихъ городовъ опредѣлить нельзя, на пр. Setidava, Karodunum, Strevinta, Virunum, Treva, Uskenum, Azagarium, Sarbakum, и др. Въ IX в. Нѣмцы представляли себѣ славянскія земли покрытыми множествомъ городовъ, и Варяги называли восточнославянскія земли *Gardariki* т. е. царство городовъ. Многіе до сихъ поръ существующіе города уже тогда, въ IX—X вв., были извѣстны какъ многолюдные и богатые центры торговые и политическіе; такъ на пр. въ балтійскомъ поморьѣ Волынь, извѣстный Нѣмцамъ и Варягамъ, Русскимъ и Арабамъ, Щетинъ, Гданскъ (Гъданьскъ), въ земляхъ полабскихъ, поодрянскихъ и повислянскихъ Будышинъ, Прага,

...тъ; русскіе Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ля... по древнимъ преданіямъ русскимъ, польскимъ и чешскимъ, ...аннымъ въ лѣтописяхъ XII—XIV вв., многія племена рус... ляшскія и чешскія, производили себя съ юга, отъ Дуная, ...священной рѣки Славянъ, что не невѣроятно. Переселеніе ...янскихъ народовъ и племенъ происходило и въ позднѣйшія, ...орическія времена. Почти весь балканскій полуостровъ за... ...анъ Словѣнами, Сербами и Хорватами; много задунайскихъ ...овѣнъ переведено позже въ преддунайскія страны; въ войнахъ ...ѣ в. полабскіе Сербы переводились въ Польшу, польскіе Гедча... ...е въ Чехію, Поляки на Русь на рѣку Рось; въ послѣдующихъ ...а тѣхъ вѣкахъ переселялось много Поляковъ на южную Русь, а ...ъ сѣверной Руси переводились Новгородцы на Низъ въ землю ...володимерско-московскую, а оттуда Москвичи на Верхъ въ зе... ...млю новгородскую; на югѣ, послѣ вторженія Турокъ, много Сер... ...бовъ поселялось между Хорватами и въ Угріи, и пр. Громадная ...славяно-русская колонизація происходила съ древнѣйшихъ вре... ...менъ и происходитъ и нынѣ на востокѣ Европы дальше въ Азію... ...Русскій народъ двигаясь отъ Дуная и Днѣпра на сѣверовостокъ... [illegible]

вымъ имѣніемъ, *племенитиной, дѣдиной, отачбиной, баштиной, баћиной*, которою распоряжаются всѣ они сообща.

Такое устройство родовъ было тоже у другихъ Славянъ, хотя отъ него въ историческое время сохранились только остатки и слѣды, и вмѣсто рода является родина (семья). У западныхъ Славянъ многіе знатные роды еще долго жили сообща, и ихъ члены составляли одинъ родъ, одно племя, одну челядь, одинъ полкъ, подъ своимъ выбираемымъ *старостою, господаремъ, владаремъ*, какъ это ближе извѣстно у Чеховъ. Такіе знатные роды владѣли сообща своею *дѣдиною* или *отчиною* (*отчизною*), которою могли распоряжаться родичи только съ общаго согласія; они составляли по закону одно юридическое лицо, равнымъ образомъ какъ до сихъ поръ югославянская задруга. Колонизація родами, на которую указываетъ много старинныхъ географическихъ названій съ окончаніемъ *-ичи*, встрѣчается у западныхъ Славянъ и въ послѣдствіи; такъ на пр. еще въ XII—XIII вв. въ Польшѣ селенія и ихъ жители называются одинаково: люди Бѣлеевичи (homines Belejevici, жители села Бѣлеевицъ), Костоновичи и ихъ село (Kostonovice cum villa eorum), Квѣтикъ съ своими наслѣдниками основалъ село Квѣтиковичи (Kvetiko cum suis heredibus locavit villam Kvetikovici). Родовое устройство сохранилось и въ княжескихъ родахъ чешскихъ Премысловичей и польскихъ Пястовичей; они имѣя во главѣ старшаго члена всего рода, великаго князя, смотрѣли на земли чешскую и польскую какъ на свою родовую дѣдину, отчину, которою могли пользоваться всѣ члены рода. У русскихъ Славянъ родовой бытъ — за исключеніемъ княжескаго рода — замѣненъ тоже рано семьею, которая въ историческое время составляетъ основу народнаго, юридическаго быта Русскихъ, и называется по древнерусски родъ; такъ на пр. говорится о родахъ братьевъ т. е. ихъ семействахъ, и двоюродный братъ — это братъ не родной, а братъ двою роду, двухъ родовъ т. е. двухъ семей, двусемейный. Но если семья и составляла основу быта Русскихъ, то все таки рядомъ съ нею замѣтны на Руси нѣкоторыя черты и слѣды родоваго быта, равнымъ образомъ какъ и теперь подлѣ семьи встрѣчаются, въ средней Руси, такія семейныя общины или союзы, какъ югославянскія задруги. Географическія названія съ

отчествомъ-*ичи*, новыя и древнія (Бужковичи, Витославичи, Дѣдичи, Дѣдогостичи, Миратичи, Ольжичи, Увѣтичи, Хвалимичи), можно считать разросшимся потомствомъ (племенемъ, родомъ) извѣстныхъ лицъ (Дѣдогостя, Мираты, Хвалима). На отчину (вотчину) имѣли еще въ XV—XVI вв., подлѣ дѣтей, извѣстныя права и другіе родственники, потомство: ближніе, племя, ближнее племя, племянники (т. е. вообще родственники), отчичи (вотчичи), свой родъ передъ чужимъ родомъ. Княжескій родъ Рюриковичи, равнымъ образомъ какъ чешскіе Премысловичи и польскіе Пястовичи, имѣя во главѣ старшаго въ родѣ, считали русскую землю своею дѣдиною и отчиною, которою всѣ они пользовались; великій князь былъ князь-господарь (государь) рода, народа, государства. Родовые счеты являются тоже въ *мѣстничествѣ* восточной Руси, гдѣ, въ спорахъ изъ-за первенства знатнаго рода, членъ рода оберегалъ не только свою честь, но и честь всего рода, въ довольно обширныхъ размѣрахъ, на нѣсколько колѣнъ. Родъ — понимая это слово въ болѣе или менѣе тѣсномъ смыслѣ, какъ нераздѣльныхъ, недѣльныхъ братьевъ, или какъ союзъ болѣе далекихъ родственниковъ—могъ оставаться жить сообща, недѣльно, нераздѣльно, въ одномъ хлѣбѣ (вятшій братъ съ меньшимъ въ Псковѣ), сообща хлѣбить (дрчеш.), какъ общіе хлѣбоѣдзцы (дрполь.); но родъ могъ и раздѣлить свою отчину, дѣдину, и его члены могли получить части, дѣлы, удѣлы.

Разныя названія рода, его земли, его начальниковъ, со временемъ перешли тоже на новыя областныя, общинныя, административныя, государственныя, даже церковныя формаціи, такъ что одно названіе употреблялось въ одно и тоже самое время въ нѣсколькихъ значеніяхъ. — *Родъ* и *племя* означаютъ тоже самое, т. е. совокупность родственниковъ, родичей, сродниковъ, ближнихъ, ближшихъ, пріятелей, племянниковъ, потомство; но вмѣстѣ съ тѣмъ родъ и племя означаютъ и народъ (родомъ Сербинъ, отъ рода русскаго, племя сербское, племя чешское, дѣдичемъ котораго св. Вячеславъ), и часть народа (племена въ Герцеговинѣ и Черной Горѣ, племена русскія: Поляне, Кривичи, Словѣне, племена ляшскія: Поляне, Мазовшане, Хорваты, племена чешскія: Чехи, Лучане, Дудлебы); родъ и племя можетъ быть подраздѣленіе пле-

мени и рода, родъ — простая семья, родина, племя — потомство (племя св. Симеона т. е. сербскіе Неманичи, и его роды т. е. линіи, русскій княжій или княжескій родъ Рюриковичей и его племена — линіи, племя Ростиславле, племя Володимере); древнехорват. и древнесербскія племена или роды, братства, врви (Кашичане, Полетчичи, Храничи) и ихъ колѣна, куħи, хижи, хотя это послѣднее иногда означало то что племя, родъ (племя Неблюшское состояло изъ 4 колѣнъ и 22 семействъ, племя Сандала Хранича и его 4 куħи, братство и племя Сандала, племя Тугомеричи и хижа Тугомеричи, хижа Франкапаны); древнепольскіе роды, поколѣнія (Юноши, Любичи) называются тоже племена. — *Челядь*, семья и родъ (срв. санскрит. kula — familia, genus, и слав. собирательное — адь), югослав. задруга; по этому отецъ челядный (дрполь. ociec czeladny — pater familias), начальникъ челяди семьи или болѣе обширнаго семейнаго союза, рода; дальше челядь значитъ тоже прислугу, вооруженную, подданныхъ, рабовъ (челядинъ, челединъ, челядникъ). Срв. словѣн. сѣмин (семья) — домочадцы, рабы (сѣминъ-домочадецъ, рабъ), литов. szeimina, seimina — домочадцы, прислуга. — *Плъкъ*, народъ (югослав. плъкъ, полк, пльк, пук, ср. латин. vulgus, нѣм. volk), вооруженное войско, полкъ, родъ (дрчеш. плук Вршовцов т. е. родъ В.); ср. серб. войно — мужъ, войска — люди въ задругѣ и войско. — *Връвь*, веревка, вообще связь, союзъ, родъ (дрхорв. врв) и община (дррус. вервь). — ***Жупа***, слово темнаго происхожденія, извѣстное только Славянамъ южнымъ и западнымъ въ разныхъ значеніяхъ: люди въ задругѣ (серб.), родъ - племя (дрхор.), земля на солнечной сторонѣ (серб., срв. словен. жупник, жупняк — пастбище), сходка общины (у Словенцевъ), извѣстный округъ, область (въ древней Сербіи и Хорватіи, нын. хорват. жупанія, управляемая жупаномъ, а хорв. жупа — приходъ, управляемый жупникомъ, приходскимъ священникомъ), повинность и должность, судъ (дрполь. и дрчеш.): всѣ эти значенія слова жупа можно подвести подъ понятія: родня (срв. нѣм. sibja, sippe — родня, союзъ, миръ, sibjon — примириться) и ея область, вообще извѣстной союзъ и его область, обязанные къ разнымъ повинностямъ. (Срв. санскр. gup — custodire, tueri, servare). Нынѣшнее польское жупа — соляная копь

Краковъ, Вислица, Гъдечъ, на востокѣ Новгородъ, Смоленскъ, Полотескъ (Полоцкъ), Кіевъ и др. Начало этихъ городовъ теряется въ доисторическихъ временахъ, и многіе являются, такъ сказать, въ самомъ началѣ своей исторіи какъ богатые и важные центры, извѣстные на западѣ Нѣмцамъ, и на востокѣ Арабамъ, что предполагаетъ въ нихъ продолжительную общественную жизнь за долго до IX вѣка.

2. Родъ.

Южные Славяне, Хорваты, Сербы и Болгаре, съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ живутъ отъ части не простою семьею, а тоже извѣстнымъ семейнымъ союзомъ, который называется обыкновенно родъ. Это — союзъ, общество лицъ одного происхожденія, соединенныхъ связью крови, совокупность семействъ, которыя живутъ сообща въ одномъ общемъ нераздѣльномъ родовомъ имѣніи (подлѣ котораго существуетъ и частное имущество членовъ рода), подъ выбираемымъ начальникомъ, количествомъ отъ 10 до 70 душъ, отецъ, сыновья, ихъ жены и дѣти, вдовы и пр., иногда и посороннія лица. Такой союзъ называется обыкновенно *задруга*, тоже *куħа* (кѫща) и *хижа* (т. е. домъ), *скупштина*, *дружтво*, *дружина*, *братство*, *челяд*, *жупа*; а посороннія лица принятыя въ задругу — *приселицы*, *скупники*; общее имѣніе — *стожер-стежер* (пень), *дѣдовина*, *отчевина*, *баштина*; начальникъ — *старѣшина*, *господар*, *домаħин*, *дѣд*; задругары собираются для совѣщаній въ общей домаħинѣ, хижѣ, а живутъ въ своихъ клѣтяхъ и коморахъ. Задруга можетъ разойдтись, и задругары могутъ раздѣлить все имущество, жить семьею (инокоштиною, родители и дѣти). Обыкновенно нѣсколько задругъ составляютъ общину — село, иногда малое село занято одною задругою. Такія обширныя *братства*, *племена*, *куħи*, *хижи*, *врви* (рус. *вервь*), состоящія изъ разныхъ *сродниковъ*, *ближикъ* (братьевъ, братучедовъ, стрыевъ, сыновцевъ, ближнихъ и дальнихъ, братьевъ врвныхъ или врвиħихъ, врвиħей дружины), встрѣчаются часто въ древней Хорватіи и Сербіи; они владѣютъ сообща родо-

бовъ и у далматскихъ Хорватовъ—женщина знатнаго рода. — *Кънягы* (кънагыни), *кънязь* (князь, кнез, kněz, knjąz, ksiądz вмѣсто kniądz), слово принятое Славянами отъ Нѣмцевъ (kuning — könig, отъ kunja, kuni — родъ), вообще начальникъ, рода, общины — села, области (власти, кнежины, кнежіи, серб. и хорват.), народа и государства; у западныхъ Славянъ знатный человѣкъ, панъ, земянинъ (у балт. и полаб. Славянъ), и духовное лицо (чеш. и поль.). Князь былъ *войвода* (у Чеховъ и балт. Славянъ); у Сербовъ, подлѣ кнезовъ, были тоже войводы во главѣ племенъ, кнежинъ.—*Жупанъ*, начальникъ жупы, рода (срв. литов. zupuni, župone — mater familias), или племени (= дрхорв. жупа, жупан судац племенски), начальникъ — судья, села, общины (у Словенцевъ, у древнихъ Хорватовъ, полабскихъ Сербовъ, и вѣроятно тоже у Поляковъ), членъ низшаго суда — жупы (дрполь. жупанъ, жупца, жупарь, supparius); жупанъ вообще начальникъ, сановникъ (срв. волошское жупън — господинъ, жупънѣсъ — госпожа, угор. ишпан, шпан — начальникъ, смотритель), начальникъ народа, государь (великій жупанъ сербскій); жупаны — наивысшіе сановники земскіе, особенно начальники жупъ, жупаній (хорв. и серб., угор. ишпаны), высшая шляхта (у западныхъ Славянъ). Хорват. жупник — приходскій священникъ, поль. жупник — начальникъ соляной жупы.

Семья (дррус. родъ) и родъ-племя разростались и могли со временемъ образовать болѣе обширную единицу — племя во смыслѣ подраздѣленія народа. Такъ на пр. названіе чешскаго племени Лютомѣричи несомнѣнно ведетъ къ родоначальнику Лютомѣру; а въ области этихъ Лютомѣричей въ XIII—XIV вв. находилось ок. 20 селеній съ родовымъ окончаніемъ — ичи (Житеничи, Требеничи, Мирошовичи и проч.). Названіе русскаго племени Радимичи указываетъ на родоначальника Радима, о которомъ сохранилось на Руси преданіе еще въ XII в., когда земля Радимичей составляла часть черниговскаго княжества. Племя въ Черной Горѣ Бѣлопавличи гордится своимъ родоначальникомъ Бѣлымъ Павломъ, хотя само „племя“ означаетъ нынѣ только область черногорскую, жители которой—въ ихъ числѣ нѣсколько тысячъ воиновъ — давно уже не могутъ быть другъ другу родня.

Родовая связь чувствуется только въ братствахъ (подраздѣленіе племени); члены братства носятъ названіе этого братства вмѣстѣ съ названіемъ своего болѣе тѣснаго рода — куħи, задруги, на пр. Ковачевиħ (братство) Янковиħ (куħа), Ковачевиħ Милютиновиħ. Черногорскія братства соотвѣтствуютъ древнехорватскимъ племенамъ, которыя тоже раздѣлялись на колѣна, куħи.

Женщины входили въ чужой родъ добровольно, и иныя привязывались къ своимъ мужьямъ до такой степени, что, послѣ ихъ смерти, предавались добровольно смерти на кострѣ, какъ это случалось иногда у западныхъ и южчыхъ Славянъ въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи (въ VI—VIII вв.); но иныя жены гибли и по неволѣ, какъ это было у Русскихъ въ X вѣкѣ. Съ начала давалась за жену купная цѣна, подарокъ, *вѣно* (вѣнить, вѣновать — дарить); такъ на пр. польскій князь Казиміръ женясь на сестрѣ русскаго князя Ярослава (1043), „вдасть за вѣно" 800 плѣнниковъ. Но родъ, семья, родители невѣсты тоже сами вдавали, придавали такое приданое вѣно за женой, съ начала только имущество движимое (поль. *посаг*—приданое, вѣроятно отъ корня саг— крыть, одежда, платье, а *вяно* — подарокъ мужа молодой женѣ), потомъ тоже недвижимое, дѣдины, отчины. Но въ виду сохраненія дѣдинъ въ цѣлости за родомъ, приданое недвижимымъ имуществомъ не всегда разрѣшалось. Такъ еще въ XIV в. по польскому праву приданое (dos seu donatio — posag alibo danina) давалось деньгами, опредѣленными въ присутствіи родственниковъ, между тѣмъ какъ дѣдины могли идти въ приданое только съ разрѣшенія короля. По древнесерб. закону XIV в. отроки (рабы) не могли быть даваемы въ приданое, и въ нынѣшней Черной Горѣ невѣста получаетъ въ приданое, только движимое имущество. Кромѣ добровольнаго вступленія женщинъ въ чужой родъ онѣ бывали тоже похищаемы, что случалось тѣмъ чаще, пока у Славянъ было многоженство. Такъ восточные Славяне „умыкали" себѣ женъ; у Хорватовъ (полицкихъ) *умицанье*, у Сербовъ и Болгаръ *отмица* женщинъ существовала до недавна, хотя она строго запрещалась. На этотъ старинный славянскій обычай, равнымъ образомъ какъ и на куплю невѣсты, указываетъ до сихъ поръ много свадебныхъ обрядовъ

Похищеніе женщины членомъ чужаго рода, равнымъ образомъ и другія обиды, убійства и пр.—давали, во время не установившейся еще сильной княжеской власти, поводъ къ безконечнымъ ссорамъ и войнамъ родовъ (семей или родовъ въ обширномъ смыслѣ). То, что русскій лѣтописецъ разсказываетъ о восточныхъ Славянахъ, что до основанія государства „не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицы, и воевать начаша сами на ся"—повторялось повсюду у Славянъ. Роды и семьи жили часто не въ дружбѣ, были другъ другу врагами (врогами, ворогами), жили въ непріязни, въ недружбѣ, въ *враждѣ* (общеслав., поль. *врождѣ*) *вражбѣ* (тоже хорват. и поль. *врожбѣ*), совершались наѣзды (срв. чеш. и поль. zášṫie, zaściе, zajście—столкновеніе, ссора, ненависть, а дрчеш. zášṫie, тоже родовая война, поль. walka, нѣм. fehde) и убійства (*вражды*, *врожды*, *врожбы*, у южныхъ и у западныхъ Славянъ). Еще хорошо, если только убійцу убивали ближніе (т. е. родственники) убитаго. Но этимъ не прекращались враждебныя дѣйствія; убійство вело къ мести родовой, кровавой (крв—югослав. убійство), къ *враждѣ* (югослав.), *врождѣ*, *врожбѣ* (поль., pomsta krwie po polsku wrożba еще въ XV в.), къ обязанности рода или семьи мстить за убіеніе и др. своего члена на чужомъ родѣ или семьѣ. Такая месть дозволялась даже законнымъ образомъ, какъ на пр. на Руси въ началѣ XI вѣка, гдѣ (по Русской Правдѣ) смѣли мстить ближайшіе родственники, братъ, отецъ, сынъ, племянникъ. Убійство или оскорбленіе, нанесенное роду, надо было смыть въ крови. Родовая месть доходила иногда до ужасныхъ размѣровъ: русская княгиня Ольга страшно отомстила Деревлянамъ за убіеніе своего мужа Игоря, ободричскій князь Годескалькъ во имя мести за убіеніе отца истреблялъ Саксовъ безпощадно, чешскій князь Святополкъ отомстилъ роду Вршовичей повальнымъ избіеніемъ ихъ „полка" (т. е. рода), считавшаго тогда, въ началѣ XII в., около 3000 членовъ. Кровавая месть—освета истребляла до недавна въ Черной Горѣ и въ другихъ сербскихъ земляхъ въ Турціи много людей, и еще въ половинѣ нашего вѣка постановило черногорское право, что можно убить только крвника (убійцу), но не его родственниковъ (брата, близ-

(suppa salis, въ Величкѣ и Бохнѣ, и управляющіе жупами — жупники, supparii) по всей вѣроятности другаго происхожденія; срв. греч. γύπη, яма, пещера.

Начальники такихъ родовъ, племенъ, челядей, жупъ и пр., назывались разнообразно. Начальникъ назывался *дѣдъ*, *отецъ*, *башта* (*батя*, *баħа*, *бача*, *баца*), хотя онъ могъ быть и не роднымъ дѣдомъ и отцомъ; по этому оба слова могли означать вообще начальника. Дѣдъ былъ въ древней Хорватіи одинъ изъ придворныхъ сановниковъ, въ Боснѣ и Болгаріи епископъ патаренскій. Батя у древнихъ Чеховъ и у нын. Болгаръ—старшій въ отношеніи младшаго (болг. башта — отецъ). Бача или баца у карпатскихъ Славянъ—начальникъ пастуховъ.—*Господарь*, *господинъ*, *господа*, начальникъ рода и семьи (generis pater, gâ — родить, pâtar — защитникъ), хозяинъ, у всѣхъ Славянъ. Господарь — въ древней Моравѣ старшій братъ, стоявшій во главѣ нераздѣльныхъ братьевъ (не-господарей), тоже сановникъ земскій. Господарь (государь), общій титулъ славянскихъ государей; тоже самое означаетъ господинъ и господа (чеш., въ Псковѣ судъ, а господинъ Псковъ—община, государство). — *Кметь*, *къметь* (корень *към* —, литов. kemas, греч. κώμη— село), сельскій хозяинъ, поселянинъ (у запад. и у южныхъ Славянъ, литов. kumetis, греч. κωμήτης), начальникъ села (серб. и болгар.), мировой посредникъ, судья (черногор.); кмети, наивысшіе земскіе сановники у Чеховъ (то что моравскіе паны господари), Поляковъ, Хорватовъ и западныхъ Сербовъ; воины, витязи (у Болгаръ и Русскихъ). — *Старѣшина*, *старшина*, *староста*, родоначальникъ, обыкновенно старшій въ родѣ, вообще начальникъ; староста—начальникъ села у Ляховъ и у Русскихъ, у послѣднихъ тоже начальники горожанъ и волощанъ (волостей), судьи; староста — у Чеховъ намѣстникъ государя, также у Поляковъ, у послѣднихъ и судья. — *Владарь*, лицо владѣющее, имѣющее власть, извѣстный сановникъ и чиновникъ (чеш., поль. влодарь, срв. русское имя Володарь). Владарь, у Чеховъ начальникъ знатныхъ родовъ. Тоже самое означало вѣроятно первоначально и слово *владыка*, въ послѣдствіи вообще государь (владыка чешскій, сербскій), духовный начальникъ (епископъ у православныхъ Славянъ); владыка у Чеховъ и Поляковъ (влодыка)—низшій шляхтичъ, у Сер-

вахъ, назывались по тѣмъ народамъ: Русинъ, Чехъ и Чешко, Ляхъ и Ляшко, Стодорко, Угринъ, Влахъ, Варягъ, и пр. Въ нѣкоторыхъ родахъ, княжескихъ и знатныхъ, извѣстныя имена сдѣлались какъ-бы наслѣдственными, на пр. въ княжескомъ родѣ русскомъ Володимеръ (Владимiръ), Святославъ, въ польскомъ Болеславъ, Казимиръ, въ чешскомъ Вячеславъ, Вратиславъ, въ балтiйско-славянскихъ Прибыславъ, Богуславъ, въ хорватскомъ Крѣсимиръ, въ сербскомъ Урошъ. Нѣкоторыя изъ нихъ употреблялись исключительно въ томъ или другомъ княжескомъ родѣ, Ярославъ, Мстиславъ, Всеволодъ въ русскомъ, Мѣшко, Лестько, Казимиръ въ польскомъ, Боривой, Собѣславъ, Спытигнѣвъ въ чешскомъ, Урошъ, Драгутинъ, Милютинъ въ сербскомъ, Крѣсимиръ въ хорватскомъ; но есть русскiе и югославянскiе Владимиры и Борисы, русскiе и чешскiе Ростиславы, Брячиславы, Вячеславы, чешскiе и польскiе Болеславы, чешскiе и польскiе Болеславы, Премыслы, Владиславы, чешскiе и ранскiе Яромиры, чешскiе, польскiе и русскiе Святополки и пр. Имена, употребляемыя въ княжескихъ родахъ Рюриковичей, Пястовичей, Премысловичей и др., встрѣчаются въ другихъ частныхъ родахъ рѣдко. Также и въ знатныхъ родахъ были въ употребленiи извѣстныя имена, по которымъ эти роды и назвались; у западныхъ Славянъ были Ратиборичи, Цьтиславичи, Тѣшимиричи, Витковичи, Гроновичи, Чеславичи, у южныхъ Чудомиричи, Санковичи, Бранковичи, у восточныхъ Тышковичи, Ходковичи, Глѣбовичи; другiе роды приняли простое имя или прозвище какъ родовое названiе, на примѣръ Чернинъ, Завиша, Гримала, Начемиръ, Святополкъ, Гарабурда, Кисель, Голица, Долгорукiй, Щербатый, и др. Въ послѣдствiи, съ XIII—XIV вв. и позже, многiе знатные роды стали называться по имѣнiямъ, городамъ, замкамъ, селенiямъ, Острожскiй (изъ Острога), Градецкiй (изъ Градца), Конецпольскiй (изъ Конецполя), Зриньскiй (изъ Зриня), и др. Со временемъ являются постоянныя названiя (фамилiи), принимаемыя по происхожденiю, именамъ, занятiямъ, качествамъ, прозвищамъ и пр. Славяне прибавляли къ своимъ именамъ тоже имя отца, отчество, какъ это водится до сихъ поръ у русскихъ Славянъ; этотъ обычай сохранился у западныхъ

Родовая связь чувствуется только въ братствахъ (подраздѣленіе племени); члены братства носятъ названіе этого братства вмѣстѣ съ названіемъ своего болѣе тѣснаго рода — куħи, задруги, на пр. Ковачевиħ (братство) Янковиħ (куħа), Ковачевиħ Милютиновиħ. Черногорскія братства соотвѣтствуютъ древнехорватскимъ племенамъ, которыя тоже раздѣлялись на колѣна, куħи.

Женщины входили въ чужой родъ добровольно, и иныя привязывались къ своимъ мужьямъ до такой степени, что, послѣ ихъ смерти, предавались добровольно смерти на кострѣ, какъ это случалось иногда у западныхъ и южчыхъ Славянъ въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи (въ VI—VIII вв.); но иныя жены гибли и по неволѣ, какъ это было у Русскихъ въ X вѣкѣ. Съ начала давалась за жену купная цѣна, подарокъ, *вѣно* (вѣнить, вѣновать — дарить); такъ на пр. польскій князь Казиміръ женясь на сестрѣ русскаго князя Ярослава (1043), „вдасть за вѣно" 800 плѣнниковъ. Но родъ, семья, родители невѣсты тоже сами вдавали, придавали такое приданое вѣно за женой, съ начала только имущество движимое (поль. *posag*—приданое, вѣроятно отъ корня саг— крыть, одежда, платье, а *вѣно* — подарокъ мужа молодой женѣ), потомъ тоже недвижимое, дѣдины, отчины. Но въ виду сохраненія дѣдинъ въ цѣлости за родомъ, приданое недвижимымъ имуществомъ не всегда разрѣшалось. Такъ еще въ XIV в. по польскому праву приданое (dos seu donatio — posag alibo danina) давалось деньгами, опредѣленными въ присутствіи родственниковъ, между тѣмъ какъ дѣдины могли идти въ приданое только съ разрѣшенія короля. По древнесерб. закону XIV в. отроки (рабы) не могли быть даваемы въ приданое, и въ нынѣшней Черной Горѣ невѣста получаетъ въ приданое, только движимое имущество. Кромѣ добровольнаго вступленія женщинъ въ чужой родъ онѣ бывали тоже похищаемы, что случалось тѣмъ чаще, пока у Славянъ было многоженство. Такъ восточные Славяне „умыкали" себѣ женъ; у Хорватовъ (полицкихъ) *умицанье*, у Сербовъ и Болгаръ *отмица* женщинъ существовала до недавна, хотя она строго запрещалась. На этотъ старинный славянскій обычай, равнымъ образомъ какъ и на куплю невѣсты, указываетъ до сихъ поръ много свадебныхъ обрядовъ.

Іосифъ (новгородскій посадникъ), и пр. Такъ это было и въ родѣ литовскихъ Гедыминовичей, когда они принимали крещеніе, православное и католическое: Наримунтъ—Глѣбъ, Корыбутъ—Димитрій, Витовтъ—Вигандъ—Александръ, Ягайло—Яковъ—Владиславъ, Швитригайло—Левъ—Болеславъ.

На мальчикѣ, достигшемъ седьмаго года своего возраста, совершался торжественный обрядъ, *постриги* или *пострижины* т. е. „унятіе“ (стрижка) волосъ. Этотъ обрядъ соблюдался у Славянъ и послѣ принятія христіанства, и совершался тогда въ церкви въ присутствіи князей, вельможъ, и духовенства. Преданіе о такихъ постригахъ польскихъ Попеловичей, Семовита Пястовича, Мѣшка Семомысловича, сохранилось въ Польшѣ до XIII в., и польскіе лѣтописцы называютъ этотъ обрядъ tonsura pueri, tondere puerum. Въ Чехіи въ началѣ X в. (910) торжественно отпразднованы постриги семилѣтняго княжича Вячеслава, въ Прагѣ въ церкви св. Маріи: его постригли, „уняли“ у него волосъ епископъ и князья. Въ русскомъ княжескомъ родѣ постриги (пострѣги) совершались до XIV вѣка; въ церкви епископъ „уя власъ“ у молодаго княжича, и князь или епископъ посадили его на конь или на столъ. Обрядъ постригъ сохранился на Руси вѣроятно и дольше; въ требникахъ XVII вѣка встрѣчаются еще молитвы и обряды „на постриженіе власомъ отрочати“.

3. Община.

Славянская община состояла изъ нѣсколькихъ родовъ, какъ это встрѣчается до сихъ поръ у южныхъ Славянъ, или изъ простыхъ семей, какъ это водится у остальныхъ Славянъ. Община жила въ одномъ селеніи, въ хатахъ, скученныхъ или болѣе и менѣе разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ, какъ это бываетъ въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Но община заключала въ себѣ и по нѣскольку селъ, какъ это встрѣчается до сихъ поръ въ сѣверной Руси, и какъ это было и у другихъ Славянъ. Такая обширная община, состоящая изъ нѣсколькихъ

селеній и даже городовъ, составляла основу общественнаго быта Славянъ; это могъ быть разросшійся родъ или союзъ людей другъ другу чужихъ, который имѣлъ въ виду преимущественно безопасность и защиту общинниковъ. Наконецъ были многолюдныя общины въ городахъ. Такое общежитіе людей въ общинахъ требовало разныхъ повинностей со стороны общинъ, каковы были круговая порука за совершившіяся въ округѣ общины преступленія, обязанность преслѣдовать (гнать, гонить) преступниковъ, судить ихъ на вѣчѣ, вѣдать дѣла межевыя, и пр. Когда же со временемъ образовалось государство, усилилась власть князя соединившаго нѣсколько племенъ въ одно политическое цѣлое, общины должны были уступить значительную долю своей власти новому государству; но старинное ихъ устройство служило и впредь важнымъ вспомогательнымъ учрежденіемъ по административной и судебной, финансовой и военной дѣятельности князя и его чиновниковъ, все равно, была ли это обширная община состоявшая изъ многихъ селеній, или община — *село*, *весь*, *осада*, или община — *городъ*. Между жителями общинъ сельскихъ и городскихъ, между *селянами* и *горожанами* (гражданами, грађанами, гразанами, гродзянами), не было, по славянскому праву, никакой юридической разницы; всѣ они были подчинены одному общему праву земскому.

Разнообразны названія славянской общины и ея области и начальниковъ; нѣкоторыя взяты изъ родоваго быта. *Обецъ* (западослав., навѣрное и польское, срв. obecny, wobec), *обштина*, *обћина* (юж.), *община*, *вбчина* (восточ.) — это союзъ людей живущихъ сообща, „вобец“ (западнослав.), „вобче“ (русск.), совѣщающихся на вѣчѣ, составляющихъ округъ — повѣтъ. Община можетъ быть сельская (одно или нѣсколько селъ), городская, земская, государственная: обецъ чешскаго королевства — вся земля чешская, обћина полицкая — вся земля (жупа) полицкая, новгородская община — вся земля новгородская, весь господинъ (государь) Великій Новгородъ, псковская община — вся земля псковская, господинъ Псковъ. Въ Новгородѣ и въ Псковѣ концы (части города) составляли тоже особыя общины, а въ Псковѣ эти концы-общины имѣли извѣстное отношеніе къ землѣ; еще въ

XV в. „весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на вси концы, коему же концу къ старымъ пригородомъ новые жеребьемъ дѣлили“. Первоначально, особенно въ болѣе отдаленныя времена пастушескаго быта, всѣ земли общины были общи, были ***общины***, ***обчины***, ***обце***, какъ Славяне называютъ до сихъ поръ общія пастбища (древнерусск. *обчія поскотины*); такія общины были и лѣса, первоначально и поля, которыя въ Великой Руси до сихъ поръ составляютъ общее имѣніе общинъ, составляютъ ихъ ***обчины***, ***обчихи***. Пахатная земля выдѣлялась потомъ изъ общиннаго владѣнія, составляла частное имущество рода (племени) или семьи, его племенщину, дѣдину, отчину. Кажется, что и древнесерб. *жупа* первоначально означала такія земли-обчины (ср. нын. серб. жупа—terra aprica, и словен. жупняк, жупник, жупница=лугъ, сѣножать, пастбище); у Словенцевъ жупа означаетъ сходку общины (жупан — начальникъ общины, сельскій староста), между тѣмъ областное серб. жупа—люди задруги. Другія названія общины указываютъ на ея територіальное, судебное и др. значеніе. Древнерусск. ***вервь*** (первоначально связь вообще, веревка)—союзъ селеній, община, обязанная къ круговой порукѣ, а дрхорват. ***врв***—задруга; русск. ***волость (власть)***—область (об-власть), округъ владѣнія; русск. ***погостъ***—область, обязанная угощать разъѣзжающаго князя и его служню; южнорусск. ***околица, околичныя села***, ***суспѣдство***, серб. ***околина, окольныя села***, польск. ***ополе*** (латин. vicinia, т. е. сосѣдство), указываютъ на составъ общины. Община составляла свой миръ (mundus); ея члены должны были жить въ мирѣ (pax) „въ своемъ миру“, какъ выражается Русская Правда; великорусскій ***миръ***—община, мирская земля—общинная земля. Слово миръ—община извѣстно было и другимъ Славянамъ; срв. округъ Виномиръ (Weinland) у Словенцевъ, и древнечешск. и древнеполь. подать ***миръ*** (tributum pacis), взимаемая съ земли, какъ бы дррусск. дань „мира для“. Ср. нѣм. friede, einfriedigung, eingefriedigter bezirk. Въ виду повинности общины, преслѣдовать, „гонить“ злодѣевъ, община у Славянъ называлась *гонитва* или *гонитба*, что означаетъ въ чешскомъ языкѣ XIV в. уже извѣстную область, а въ польскомъ XV в. общину (in gonitwam alias in commune). Въ ви-

ду обязанности общины, „губить“ злодѣевъ, она называлась в сѣверной Руси *губа*, вообще волость (въ Новгородѣ и Псковѣ а въ особенности округъ уголовнаго суда; губскій (губный) ст роста вообще волостный староста, потомъ судья въ уголовных дѣлахъ.

Начальникъ общины назывался у западныхъ и восточных Славянъ *староста*; такъ онъ называется у русскихъ Славян до сихъ поръ, между тѣмъ какъ Поляки и Чехи, послѣ введен нѣмецкаго права, назвали такого начальника по нѣмецки войт солтысъ и рыхтарь; но у послѣднихъ остатковъ полабскихъ Сл вянъ (на нижней Лабѣ) сохранилось это названіе староста, в смыслѣ начальника села, до XVIII вѣка. Старостами назыв лись въ Польшѣ и у лужицкихъ Сербовъ тоже начальники о щинъ бортниковъ; на Руси были старосты городскіе, волостн и сельскіе, начальники общинъ городскихъ, волостныхъ, сел скихъ, старосты разныхъ промышленныхъ общинъ, купцовъ, р месленниковъ, рыболововъ и др. Словенцы называютъ сельск го старосту до сихъ поръ *жупан*; такъ его называли тоже Хо ваты до недавна, и полабскіе Сербы (еще въ XIV в.); у Пол ковъ жупан — вообще судья, именно низшій, былъ, кажетс начальникъ ополя, обширной общины, а староста—начальни села, вси на польскомъ правѣ. У Сербовъ и Болгаръ сельск староста называется обыкновенно *кмет*, и такъ его называ тоже Чехи еще въ XIII—XIV вв. Сербы называли сельска старосту тоже *кнез;* и это названіе было вообще очень распр странено между Славянами въ южной и восточной Угріи; и Р муны въ Угріи, Семиградьѣ и Валахіи приняли его (kenez Также у карпатскихъ Русскихъ сельскій староста называл *князь*, именно въ селахъ на такъ назыв. правѣ волошском Другіе южные Русскіе стали съ XIV в. называть сельскаго ст росту *ватаманомъ*; это чужое слово (нѣмецкаго или татарска происхожденія) приняли позже казаки: ватаманъ-атаманъ, н чальникъ войска и его частей; ватаманы извѣстны (съ нача XIV в.) тоже въ сѣверной Руси, означая здѣсь начальнико вообще (въ Вяткѣ въ XV вѣкѣ), начальниковъ морскихъ в тагъ (компаній), капитановъ. Между карпатскими Русски

сельскіе старосты назывались кое-гдѣ и *крайники*, управлявшіе краиною; такіе крайники, стоявшіе выше князей, были тоже между Румунами.

Старосты, народомъ выбираемые начальники общинъ (сельскихъ, волостныхъ, городскихъ), управляли общиною, вѣдали судъ и полицію, взимали подати и другія повинности, и пр. Эти обязанности сохранились за старостами и въ послѣдствіи, когда государство сдѣлалось верховною властью общинъ и потребовало отъ нихъ разныхъ повинностей. Старосты являются важными лицами особенно въ сѣверовосточной Руси, гдѣ община сохраняла свой старинный славянскій характеръ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ славянскихъ странахъ. Жители „тянули" къ старостѣ, т. е. отправляли свои повинности при посредствѣ старосты. Старосты общинъ городскихъ и волостныхъ взимали подати и вручали княжескимъ чиновникамъ, помогали имъ въ преслѣдованіи преступниковъ, а княжескіе судьи (намѣстники и волостели) не могли даже суда судить безъ старосты и выбираемыхъ лучшихъ людей; въ XVI в. народомъ выбираемые *излюбленные старосты*, сами или вмѣстѣ съ выбираемыми губными старостами, вѣдали и уголовный судъ. У старостъ были помощники, *сотскіе* или *сотники*, *пятидесятскіе* или *пятидесятники*, и *десятскіе* или *десятники*, тоже народомъ выбираемые начальники финансовые, судебные, полицейскіе; сотскіе и десятскіе сохранились, какъ органы низшей полиціи, въ русскихъ деревняхъ до сихъ поръ. Эти сотскіе и десятскіе—остатокъ старинняго дѣленія народонаселенія на *тысячи*, *сотни (ста)* и *десятки*, единицы военныя, административныя, финансовыя и судебныя, управляемыя выбираемыми начальниками, *тысячскими*, *сотскими*, *десятскими*; встрѣчаются тоже *пятидесятскіе*. Такая десятичная система народнаго управленія сохранилась особенно на Руси, меньше у остальныхъ Славянъ. Тысячи встрѣчаются только въ многолюдныхъ городскихъ общинахъ, и такою „тысячею" управлялъ военный и гражданскій ея начальникъ, *тысячскій* или, какъ онъ тоже назывался, *воевода*. Въ Новгородѣ существовалъ тысячскій (по нѣмецки herzog) до самаго конца независимости этой общины, подлѣ посадника,

селеній и даже городовъ, составляла основу общественнаго быта Славянъ; это могъ быть разросшійся родъ или союзъ людей другъ другу чужихъ, который имѣлъ въ виду преимущественно безопасность и защиту общинниковъ. Наконецъ были многолюдныя общины въ городахъ. Такое общежитіе людей въ общинахъ требовало разныхъ повинностей со стороны общинъ, каковы были круговая порука за совершившіяся въ округѣ общины преступленія, обязанность преслѣдовать (гнать, гонить) преступниковъ, судить ихъ на вѣчѣ, вѣдать дѣла межевыя, и пр. Когда же со временемъ образовалось государство, усилилась власть князя соединившаго нѣсколько племенъ въ одно политическое цѣлое, общины должны были уступить значительную долю своей власти новому государству; но старинное ихъ устройство служило и впредь важнымъ вспомогательнымъ учрежденіемъ по административной и судебной, финансовой и военной дѣятельности князя и его чиновниковъ, все равно, была ли это обширная община состоявшая изъ многихъ селеній, или община—*село, весь, осада*, или община—*городъ*. Между жителями общинъ сельскихъ и городскихъ, между *селянами* и *горожанами* (гражданами, граћанами, гразанами, гродзанами), не было, по славянскому праву, никакой юридической разницы; всѣ они были подчинены одному общему праву земскому.

Разнообразны названія славянской общины и ея области и начальниковъ; нѣкоторыя взяты изъ родоваго быта. *Обецъ* (западослав., нынѣшное и польское, срв. обецну, wobec), *община, обћина* (юж.), *общинна, обчина* (восточ.)—это союзъ людей живущихъ сообща, „вобецъ" (западнослав.), „вобче" (русск.), совѣщавшихся на вѣчѣ, составляющихъ округъ—повѣтъ. Община можетъ быть сельская (одно или нѣсколько селъ), городская, земская, государственная: обецъ чешскаго королевства—вся земля чешская, обћина полицкая — вся земля (жупа) полицкая, новгородская община—вся земля новгородская, весь господинъ (государь) Великій Новгородъ, псковская община — вся земля псковская, господинъ Псковъ. Въ Новгородѣ и въ Псковѣ концы (части города) составляли тоже особыя общины, а въ Псковѣ эти концы-общины имѣли извѣстное отношеніе къ землѣ; еще въ

числѣ сотенъ упоминается ближе неизвѣстное пестрое сто (varium centum, pstre sto) подъ своимъ сотникомъ. Въ Угріи въ XIII в. встрѣчаются тоже сотники дворниковъ (centuriones udvornicorum), поселянъ обязанныхъ къ службамъ двору—граду, а въ восточной Угріи войводы—сотники—судьи (vaivodae-centuriones-judices), военные и гражданскіе начальники сельскаго населенія (тогда уже Волоховъ, но прежде и Словѣнъ) около градовъ. Съ этой десятичной системой связанъ вѣроятно обычай Поморянъ XII в., что на войну отправлялся десятый обыватель, а остальные девять доставляли ему оружіе и кормили его семью. Въ Псковѣ, гдѣ военная повинность отбывалась посошно, брался съ десяти сохъ человѣкъ конный. Въ Новгородѣ въ XV в. извѣстная временная дань въ нѣсколько тысячъ рублей серебромъ бралась во всѣхъ волостяхъ съ десяти человѣкъ по рублю.

Сходки общинъ назывались у Славянъ *вѣча*. Такое вѣче было преимущественно собраніемъ законодательнымъ и судебнымъ, на которомъ судили общинные старшины вмѣстѣ съ довѣренными мужами и со всѣмъ народомъ. Таковъ былъ характеръ древнеславянскихъ вѣчъ вообще, которыя потомъ, въ слѣдствіе усиленія княжеской власти, государства, и распространенія чужихъ порядковъ, болѣе или менѣе измѣнились. Еще въ XVI в. въ южной Руси судебная сходка околичныхъ селъ называется вѣче, а въ Польшѣ сельскій судъ, хотя уже въ измѣненномъ видѣ, сохранилъ старинное названіе вѣце (wiece) до конца XVI вѣка. Съ этимъ стариннымъ вѣчевымъ устройствомъ имѣетъ связь польскій *повѣтъ* (powiat), т. е. первоначально округъ такой общины, ополя, вообще, и древне-польское и древне-сербское названіе дома (дррус. схожая изба, у люнебург. Славянъ язаба) для вѣча, для совѣщаній, *вѣтница* (wietnica—ратуша въ Польшѣ еще въ XVI в.), *вѣћница* (въ Дубровникѣ).

Древнеславянскія сельскія общины сохранились до позднѣйшихъ временъ особенно въ Польшѣ и на Руси. Польское *ополе*, какъ оно извѣстно въ XII—XV вв., уже при укрѣпившейся княжеской власти, сохранило характеръ такой древнеславянской общины, не смотря на то, что оно перемѣнилось въ вспомогатель-

ное учрежденіе въ рукахъ князя, государства. Ополе состояло изъ нѣсколькихъ селъ, *всей* или *осадъ* и ихъ „об-полья“, лежащихъ въ сосѣдствѣ (по этому латин. названіе ополя — vicinia, а не „за-полье“). Иногда ополе соотвѣтствовало болѣе новой, государственной формаціи, гродскому округу (castellania), иногда нѣсколько ополей составляло такой гродскій округъ, управляемый княжескимъ чиновникомъ, кастеляномъ. Кажется, что ополе называлось въ древней Польшѣ тоже *жупа*, хотя это слово уже въ XIII в. означало здѣсь только извѣстныя повинности (beneficium vulgariter supa; zupam, quae stan vulgariter dicitur, in annona aut in argento solvere); эти повинности означались тоже словомъ ополе (liberi ab opole), т. е. дань деньгами и натурой, хлѣбомъ, скотомъ, строжа, пени и пр., которыя взимались съ ополя (срв. древнерусское „погостъ платить“). Еще въ концѣ XIV в. съ одного ополя въ Великой Польшѣ, заключавшаго въ себѣ 41 село, взималась извѣстная дань. Отъ стариннаго права ополя судить и рѣшать разныя дѣла, уцѣлѣли въ XIII—XIV вв. только нѣкоторые остатки, и можетъ быть и названіе земскаго низшаго суда, жупа (до конца XIV в.). Но ополе и *опольники* имѣли и позже извѣстное участіе въ судебныхъ дѣлахъ, хотя судъ перешелъ уже въ вѣдомство князя, государства. Ополе связано было круговою порукой (дрполь. rąka pospolita) за преступленія, совершившіяся въ опольномъ округѣ, за убійство или голову (głowa, mąžobojstwo, wrožda), разбой, кражу, даже за несчастный случай, на пр. утопленія, убіенія падающимъ деревомъ. Чтобы отыскать преступника (гловника-убійцу, злодѣя-вора), ополе должно было „гонить его слѣдъ“—съ чѣмъ срв. названіе *гонитва* — отъ села къ селу, къ другому ополю, а если виновный не отыскался, то ополе должно было заплатить головщину (głowa, głowszczyzna, вѣроятно тоже wrožda), пеню за убитаго. Польское законодательство XIV в. устранило эту часто несправедливую круговую поруку, оставляя ее только въ случаѣ воровства. Ополе или выбранные добрые мужи опольники присяжные (бывало ихъ 12) опредѣляли спорныя межи. Въ послѣдствіи въ XV в. ополя или, такъ какъ ополя по большей части разрушились, села-осады созывались въ спорахъ о границахъ и бортяхъ, кото-

рые они рѣшали подъ руководствомъ земскихъ судебныхъ чиновниковъ. Наконецъ вмѣсто ополя и осады являются одни *старцы*. Вообще мѣсто древняго ополя заняла осада, община—село или весь. Опольники или осадники созывались на сходку опольною палкою (laska opolna), посылаемой начальникомъ отъ избы въ избу, отъ села въ село. Такимъ образомъ созывались еще до недавна у карпатскихъ горалей села, составляющія одну общину, на „великую громаду", именно посредствомъ булавы посылаемой отъ избы до избы, отъ села къ селу. Такая палка употреблялась до недавна тоже въ селахъ чешскихъ, лужицко-сербскихъ и люнебургскаго Вендланда. Польское посполитое рушенье (ополченіе) созывалось универсалами (грамотами), привязанными къ палкѣ „витью" (wić, свитая веревка) и называемыми по этому вити (wici).

Польскому ополю соотвѣтствуетъ древнерусская *вервь*, община состоящая изъ нѣсколькихъ селеній. Вервь—по Русской Правдѣ - обязана была къ круговой порукѣ; если преступникъ, тать или головникъ, не былъ отысканъ, не смотря на то, что люди „гнали слѣдомъ", то платила вервь татьбу и виру за совершившееся въ ея округѣ преступленіе. Это общинное устройство сохранилось на Руси до позднѣйшихъ временъ. Въ югозападной, польско-литовской Руси, такія общины существовали до XVII, да отъ части и до XVIII в., не смотря на всѣ важныя перемѣны въ общественномъ строѣ этой части Руси, усиленіе княжеской власти, шляхетскаго сословія, и вообще распространеніе туда порядковъ польскихъ и нѣмецкихъ. Такія общины, *околицы*, состояли изъ нѣсколькихъ *околичныхъ селъ* и даже городовъ, если эти послѣдніе не пользовались нѣмецкимъ правомъ. Можетъ быть, что эти общины тоже самое, что *волости*, на какія раздѣлялись въ XVI в. земли литовской Руси; такими волостями и волощанами управляли *старцы*. Околица связана была круговою порукой; если преступникъ не отысканъ, и околичныя села не очистились отъ подозрѣнія, то платили всѣ жители въ случаѣ убійства головщину, а въ случаѣ воровства—если „гоненіе слѣдомъ" осталось безуспѣшнымъ—вознагражденіе потерпѣвшему. Это обычное право вошло даже въ литовско-русскіе статуты XVI

вѣка. Общины отправляли сходки, *вѣча, копы* (*купы*), на которыя собирались коповать самостоятельные хозяева, мужи, мужи господарскіе, сосѣди, сходатаи; между ними пользовались особымъ почетомъ старцы. На такихъ копахъ подъ открытымъ небомъ изслѣдовались и рѣшались дѣла копнымъ судомъ по древнимъ обычаямъ, и позже по статуту, который признавалъ копное право, о разныхъ преступленіяхъ, убійствѣ, воровствѣ, поджогѣ, о дѣлахъ межевыхъ и бортныхъ, и пр.; на копахъ присутствовалъ не только простой народъ, но и горожане и шляхта, если захотѣли, что указываетъ на первоначальную всесословную волость. Но равнымъ образомъ, какъ въ слѣдствіе образованія государства и усиленія княжеской власти польское ополе лишилось первоначальной власти, сдѣлалось только вспомогательнымъ учрежденіемъ, такъ и русская община—копа должна была передать свою власть князю и его судьямъ, и боярамъ—шляхтѣ, которые по примѣру польской шляхты пріобрѣли право суда надъ своими подданными, и свои суды (земскій, гродскій, подкоморскій), и притѣсняли копы, подчиняясь ихъ суду только, когда сами захотѣли. Такимъ образомъ въ XVI в. копы собирались для осмотра, слѣдства, разбирательства дѣла, а собственно судебная власть копъ замѣнена властью присутствующихъ судебныхъ чиновниковъ и землевладѣльцевъ шляхтичей, которые могли принять и не принять рѣшеніе копнаго суда. Мѣсто околицъ занимаютъ и на Руси простыя общины—села. Дольше сохранились копы въ сѣверной части кіевской земли; тамошная мелкая *околичная* шляхта, жившая въ околицахъ, составляла вмѣстѣ съ мужиками и мелкими мѣщанами такія обширныя общины, и сходилась съ мужиками и мѣщанами на копы до самаго XVIII в., не смотря на то, что тамошніе старосты стремились прекратить такое беззаконіе. Въ собственно польской Руси, т. е. Червоной, холмской и подольской, гдѣ польское право рано водворилось, не встрѣчаются уже такія обширныя общины, а есть общины—села, управляемыя *ватаманами* (села на русскомъ правѣ), или *князьями* (села на волошскомъ правѣ); въ нихъ кмети, *людство*, сходились на *сборы*; *старцы, обчіе старцы, людники*, рѣшали споры о дѣлахъ межевыхъ и бортныхъ.

Въ сѣверовосточной Руси, которая не подпала ни подъ какое чужое вліяніе, древнеславянская община сохранилась больше и дольше, поддерживаемая самимъ правительствомъ, которое обоими судебниками и многими грамотами старалось узаконить древнее устройство общины—*волости*; оно предоставляло общинѣ большое самоуправленіе, и выборнымъ ея начальникамъ, старостамъ, сотскимъ и др. значительныя права въ дѣлахъ суда, управленія, раскладки податей, полиціи. Такія *волости* или *погосты* состояли изъ многихъ мелкихъ селеній (20—60) съ центральнымъ селомъ, погостомъ, гдѣ собирался народъ на сходкахъ, и гдѣ были тоже схожія избы. Общинными землями пользовалась или вся волость сообща, или отдѣльное селеніе. Круговая порука обязывала волость относительно податей и преступленій или даже несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ въ округѣ волости; волощане должны были „гонить слѣдъ“ разбойниковъ, платить за голову или душегубство виру (вѣру) или головщину, и отвѣчали и за то, если—говоря языкомъ XVI в.—кого въ лѣсѣ древомъ заразитъ, или съ древа убьется, или кого звѣрь съѣстъ, или кто утонетъ, или кого возомъ сотретъ, или кто отъ своихъ рукъ утеряется; но такая несправедливая порука съ XVI вѣка отмѣняется. Споры о межахъ рѣшали *старики*, *старожильцы*. Древняя волость—община принималась государствомъ какъ административный округъ, хотя не всегда, какъ вообще слово волость имѣло разныя значенія. Волостная община сохранилась только на сѣверѣ Великой Руси, а въ остальной она съ XV—XVI вв. замѣнялась деревенской общиной, состоящей изъ одного многолюднаго селенія, деревни, но существующей на старинныхъ началахъ общаго пользованія землею, управляемой старостою, сотскимъ и десятскими. Кромѣ того старинныя общинныя начала сохранились на южныхъ и восточныхъ окраинахъ Руси, въ казацкихъ общинахъ—войскахъ.

Такое устройство общинъ было и у другихъ Славянъ, хотя въ историческое время остались отъ него только слѣды. Такъ въ южной Чехіи въ концѣ XII в. при опредѣленіи межей княжескими чиновниками присутствовали жители одного округа—vicinatus (по-чешски?), состоявшаго изъ пяти селъ, подобно поль-

ное учрежденіе въ рукахъ князя, государства. Ополе состояло изъ нѣсколькихъ селъ, *всей* или *осадъ* и ихъ „об-полья", лежащихъ въ сосѣдствѣ (по этому латин. названіе ополя — vicinia, а не „за-полье"). Иногда ополе соотвѣтствовало болѣе новой, государственной формаціи, гродскому округу (castellania), иногда нѣсколько securities ополей составляло такой гродскій округъ, управляемый княжескимъ чиновникомъ, кастеляномъ. Кажется, что ополе называлось въ древней Польшѣ тоже *жупа*, хотя это слово уже въ XIII в. означало здѣсь только извѣстныя повинности (beneficium vulgariter supa; zupam, quae stan vulgariter dicitur, in annona aut in argento solvere); эти повинности означались тоже словомъ ополе (liberi ab opole), т. е. дань деньгами и натурой, хлѣбомъ, скотомъ, строжа, пени и пр., которыя взимались съ ополя (срв. древнерусское „погостъ платить"). Еще въ концѣ XIV в. съ одного ополя въ Великой Польшѣ, заключавшаго въ себѣ 41 село, взималась извѣстная дань. Отъ стариннаго права ополя, судить и рѣшать разныя дѣла, уцѣлѣли въ XIII—XIV вв. только нѣкоторые остатки, и можетъ быть и названіе земскаго низшаго суда, жупа (до конца XIV в.). Но ополе и *опольники* имѣли и позже извѣстное участіе въ судебныхъ дѣлахъ, хотя судъ перешелъ уже въ вѣдомство князя, государства. Ополе связано было круговою порукой (дрполь. rąka pospolita) за преступленія, совершившіяся въ опольномъ округѣ, за убійство или голову (głowa, mężobojstwo, wrożda), разбой, кражу, даже за несчастный случай, на пр. утопленія, убіенія падающимъ деревомъ. Чтобъ отыскать преступника (гловника-убійцу, злодѣя-вора), ополе должно было „гонить его слѣдъ"—съ чѣмъ срв. названіе *гонитва* — отъ села къ селу, къ другому ополю, а если виновный не отыскался, то ополе должно было заплатить головщину (głowa, głowszczyzna, вѣроятно тоже wrożda), пеню за убитаго. Польское законодательство XIV в. устранило эту часто несправедливую круговую поруку, оставляя ее только въ случаѣ воровства. Ополе или выбранные добрые мужи опольники присяжные (бывало ихъ 12) опредѣляли спорныя межи. Въ послѣдствіи въ XV в. ополя или, такъ какъ ополя по большей части разрушились, села-осады созывались въ спорахъ о границахъ и бортяхъ, кото-

рые они рѣшали подъ руководствомъ земскихъ судебныхъ чиновниковъ. Наконецъ вмѣсто ополя и осады являются одни *старцы*. Вообще мѣсто древняго ополя заняла осада, община—село или весь. Опольники или осадники созывались на сходку опольною палкою (laska opolna), посылаемой начальникомъ отъ избы въ избу, отъ села въ село. Такимъ образомъ созывались еще до недавна у карпатскихъ горалей села, составляющія одну общину, на „великую громаду", именно посредствомъ булавы посылаемой отъ избы до избы, отъ села къ селу. Такая палка употреблялась до недавна тоже въ селахъ чешскихъ, лужицко-сербскихъ и люнебургскаго Вендланда. Польское посполитое рушенье (ополченіе) созывалось универсалами (грамотами), привязанными къ палкѣ „витью" (wić, свитая веревка) и называемыми потому вити (wici).

Польскому ополю соотвѣтствуетъ древнерусская *вервь*, община состоящая изъ нѣсколькихъ селеній. Вервь—по Русской Правдѣ - обязана была къ круговой порукѣ; если преступникъ, тать или головникъ, не былъ отысканъ, не смотря на то, что люди „гнали слѣдомъ", то платила вервь татьбу и виру за совершившееся въ ея округѣ преступленіе. Это общинное устройство сохранилось на Руси до позднѣйшихъ временъ. Въ югозападной, польско-литовской Руси, такія общины существовали до XVII, да отъ части и до XVIII в., не смотря на всѣ важныя перемѣны въ общественномъ строѣ этой части Руси, усиленіе княжеской власти, шляхетскаго сословія, и вообще распространеніе туда порядковъ польскихъ и нѣмецкихъ. Такія общины, *околицы*, состояли изъ нѣсколькихъ *околичныхъ селъ* и даже городовъ, если эти послѣдніе не пользовались нѣмецкимъ правомъ. Можетъ быть, что эти общины тоже самое, что *волости*, на какія раздѣлялись въ XVI в. земли литовской Руси; такими волостями и волощанами управляли *старцы*. Околица связана была круговою порукой; если преступникъ не отысканъ, и околичныя села не очистились отъ подозрѣнія, то платили всѣ жители въ случаѣ убійства головщину, а въ случаѣ воровства—если „гоненіе слѣдомъ" осталось безуспѣшнымъ—вознагражденіе потерпѣвшему. Это обычное право вошло даже въ литовско-русскіе статуты XVI

вѣка. Общины отправляли сходки, *вѣча*, *копы* (*купы*), на которыя собирались коповать самостоятельные хозяева, мужи, мужи господарскіе, сосѣди, сходатаи; между ними пользовались особымъ почетомъ старцы. На такихъ копахъ подъ открытымъ небомъ изслѣдовались и рѣшались дѣла копнымъ судомъ по древнимъ обычаямъ, и позже по статуту, который признавалъ копное право, о разныхъ преступленіяхъ, убійствѣ, воровствѣ, поджогѣ, о дѣлахъ межевыхъ и бортныхъ, и пр.; на копахъ присутствовалъ не только простой народъ, но и горожане и шляхта, если захотѣли, что указываетъ на первоначальную всесословную волость. Но равнымъ образомъ, какъ въ слѣдствіе образованія государства и усиленія княжеской власти польское ополе лишилось первоначальной власти, сдѣлалось только вспомогательнымъ учрежденіемъ, такъ и русская община—копа должна была передать свою власть князю и его судьямъ, и боярамъ—шляхтѣ, которые по примѣру польской шляхты пріобрѣли право суда надъ своими подданными, и свои суды (земскій, гродскій, подкоморскій), и притѣсняли копы, подчиняясь ихъ суду только, когда сами захотѣли. Такимъ образомъ въ XVI в. копы собирались для осмотра, слѣдства, разбирательства дѣла, а собственно судебная власть копъ замѣнена властью присутствующихъ судебныхъ чиновниковъ и землевладѣльцевъ шляхтичей, которые могли принять и не принять рѣшеніе копнаго суда. Мѣсто околицъ занимаютъ и на Руси простыя общины—села. Дольше сохранились копы въ сѣверной части кіевской земли; тамошняя мелкая *околичная* шляхта, живущая въ околицахъ, составляла вмѣстѣ съ мужиками и мелкими мѣщанами такія обширныя общины, и сходилась съ мужиками и мѣщанами на копы до самаго XVIII в., не смотря на то, что тамошніе старосты стремились прекратить такое беззаконіе. Въ собственно польской Руси, т. е. Червоной, холмской и подольской, гдѣ польское право рано водворилось, не встрѣчаются уже такія обширныя общины, а есть общины—села, управляемыя *атаманами* (села на русскомъ правѣ), или *кнезями* (села на волошскомъ правѣ); въ нихъ кметы, *людство*, сходились на *сборы*; *старцы*, *отчіе старцы*, *[illegible]*, рѣшали споры о дѣлахъ межевыхъ и бортныхъ.

Въ сѣверовосточной Руси, которая не подпала ни подъ какое чужое вліяніе, древнеславянская община сохранилась больше и дольше, поддерживаемая самимъ правительствомъ, которое обоими судебниками и многими грамотами старалось узаконить древнее устройство общины—*волости*; оно предоставляло общинѣ большое самоуправленіе, и выборнымъ ея начальникамъ, старостамъ, сотскимъ и др. значительныя права въ дѣлахъ суда, управленія, раскладки податей, полиціи. Такія *волости* или *погосты* состояли изъ многихъ мелкихъ селеній (20—60) съ центральнымъ селомъ, погостомъ, гдѣ собирался народъ на сходкахъ, и гдѣ были тоже схожія избы. Общинными землями пользовалась или вся волость сообща, или отдѣльное селеніе. Круговая порука обязывала волость относительно податей и преступленій или даже несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ въ округѣ волости; волощане должны были „гонить слѣдъ“ разбойниковъ, платить за голову или душегубство виру (вѣру) или головщину, и отвѣчали и за то, если—говоря языкомъ XVI в.—кого въ лѣсѣ древомъ заразитъ, или съ древа убьется, или кого звѣрь съѣстъ, или кто утонетъ, или кого возомъ сотретъ, или кто отъ своихъ рукъ утеряется; но такая несправедливая порука съ XVI вѣка отмѣняется. Споры о межахъ рѣшали *старики, старожильцы*. Древняя волость—община принималась государствомъ какъ административный округъ, хотя не всегда, какъ вообще слово волость имѣло разныя значенія. Волостная община сохранилась только на сѣверѣ Великой Руси, а въ остальной она съ XV—XVI вв. замѣнялась деревенской общиной, состоящей изъ одного многолюднаго селенія, деревни, но существующей на старинныхъ началахъ общаго пользованія землею, управляемой старостою, сотскимъ и десятскими. Кромѣ того старинныя общинныя начала сохранились на южныхъ и восточныхъ окраинахъ Руси, въ казацкихъ общинахъ—войскахъ.

Такое устройство общинъ было и у другихъ Славянъ, хотя въ историческое время остались отъ него только слѣды. Такъ въ южной Чехіи въ концѣ XII в. при опредѣленіи межей княжескими чиновниками присутствовали жители одного округа—vicinatus (по-чешски?), состоявшаго изъ пяти селъ, подобно поль-

скому ополю; въ Моравіи въ XIII в. присутствовали, при такомъ же дѣлѣ, старики de vicinia. Но иначе у западныхъ Славянъ вмѣсто обширной общины является уже простая община, одна *осада*, *весь*, которая мало по малу теряла свой славянскій характеръ, въ слѣдствіе громаднаго распространенія нѣмецкаго права и въ общинахъ сельскихъ, съ войтами, солтысами, рыхтарями, коншелами и пр. Западнославянская осада обязана была къ круговой порукѣ относительно главы—убійства и воровства (въ Чехіи), и разныхъ несчастныхъ случаевъ въ слѣдствіе нападеній звѣрей, паденія деревьевъ, внезапной смерти путешественника (у балтійскихъ Славянъ). Но съ конца XII в. и въ теченіи XIII в. устраняется эта порука, и послѣдніе ея слѣды исчезаютъ въ Чехіи и въ Моравіи въ первой половинѣ XIV вѣка; только „гоненіе“ (срв. гонитва) воровъ и разбойниковъ считалось общею повинностью еще въ XVI вѣкѣ.

У южныхъ Славянъ, равнымъ образомъ какъ у восточныхъ, были разныя общины, городскія и сельскія, не говоря о городскихъ общинахъ адріатическаго приморья, въ которыхъ элементы романско-итальянскій и славянскій (хорватско-сербскій) сталкивались и сливались. Такъ въ приморской Хорватіи была обширная „община“ Винодолъ, состоявшая изъ 8 меньшихъ городскихъ общинъ и составлявшая особое „княжество“, съ своимъ обѣинскимъ вѣчемъ въ главномъ городѣ или на другомъ мѣстѣ; община Керкъ (на островѣ Керкѣ) съ вѣчемъ, на которое приходили тоже кмети, общины Каставъ и Вепринацъ (въ хорватской Истріи), община Полица (въ хорватской Далмаціи), сельская „община“, состоявшая изъ нѣсколькихъ селъ (города не было), съ всенароднымъ вѣчемъ или сборомъ; община Попово (въ нын. Герцеговинѣ), и др. Полицкая и поповская „общины“ называются одновременно (уже въ XII в.) „жупами“. Нѣкоторыя такія древнія хорватско-сербскія жупы существуютъ до сихъ поръ какъ обширныя общины, „племена“ или „кнежины“, на пр. Любомиръ (нынѣ 11 селъ), Попово (нынѣ 20 селъ), Рудины, Думно (Дльмно), Пива, Оногощъ (Никшичи, называемые до сихъ поръ „жупа“), Крушевица, Драчевица, Конавли (въ южной Далмаціи), Паштровичи (тамъ же, считаютъ ок. 40 селъ и нѣсколько

тысячъ душъ, раздѣленные на 12 племенъ), и пр. Нѣкоторыя жупы пользовались обширнымъ самоуправленіемъ; такъ мелкій князь конавельскій былъ въ X в. самостоятельный государь, на равнѣ съ князьями требинскимъ, діоклейскимъ; поповская община въ XII в. сходилась самостоятельно съ дубровницкой общиною на „станькь" (сходку); общины винодольская, керцкая и полицкая, стоя подъ своими князьями, управлялись по своимъ законамъ; туропольская шляхетская жупа (въ Хорватіи) выбирала себѣ до недавна своего жупана. Вѣроятно и нѣкоторыя другія мелкія „жупы" въ древней Хорватіи и Сербіи были такія обширныя общины, управляемыя жупанами, какъ Хорваты называли до недавна а Словенцы называютъ до сихъ поръ начальника, старосту сельской общины. Въ древней Сербіи окольныя села составляли *околину*, обязанную къ круговой порукѣ относительно убійства, разбоя, кражи, поджога и другихъ преступленій, совершившихся въ сосѣдствѣ околины, виновникъ которыхъ не былъ пойманъ. У южныхъ Славянъ такія денежныя пени (глоба, осуд, осудбина), особенно *вражду* (хорват. тоже *вражбу*) или *крвни осуд* за вражду или крв (кровь, убійство, дрсерб. тоже душегубню, рус. душегубство), *крвнину* или *крварину*, платили, въ казну, постепенно семья (господарь за дѣтича, отецъ за сына, братъ за брата), ближики, родимы, племя (родъ, а тоже нынѣшнее черногорское братство), ближнее село, окольныя села или околина, жупа или градъ (городъ), и само государство (на пр. Дубровникъ, Сербія, Босна, Полица). Здѣсь замѣтенъ еще переходъ отъ рода къ общинѣ, къ жупѣ, къ государству, которое само бралось наказывать виновныхъ, и по этому и запрещало— какъ говоритъ на пр. босенскій король въ началѣ XV в. — „ни искати крьви ни освете ни вражде". Также въ древней болгарской Македоніи взимались съ селъ пени вражда, коньска вражда (за конокрадство), разбой. Еще до недавна въ сербскихъ земляхъ крвнину (называемую кое-гдѣ и враждою) платило село или нѣсколько селъ, около которыхъ совершилась крв (убійство) неизвѣстнымъ крвникомъ; въ случаѣ преслѣдованія преступника сосѣди ручались, клялись, совершали *клетву* (клятву), другъ за друга, а за котораго никто не поклялся, на томъ осталось подо-

зрѣніе. Старинная связь нѣсколькихъ селъ въ сербскихъ странахъ видна была еще недавно въ *састанкахъ* (сходкахъ, дрсерб. станькь), на которые собирались старѣшины не только одного села—общины, а тоже окрестныхъ селъ. Сербское и болгарское село-община управляется *кметомъ* (прежде тоже *кнезомъ*); въ общинѣ пользовались особымъ уваженіемъ *старосидѣльцы*, которые рѣшали тоже споры о межахъ. Такъ было и въ хорватскихъ общинахъ, управляемыхъ *жупанами*; *старцы* опредѣляли межи и рѣшали споры о межахъ, какъ это водилось у всѣхъ Славянъ. Въ Болгаріи въ XIV в. (1325 г.) 12 старыхъ жуплянъ достовѣрныхъ людей, поклявшихся присягою, опредѣляли спорныя межи около Хиландара, совершенно такъ, какъ тогда же (1372 г.) 12 польскихъ присяжныхъ опольниковъ опредѣляли межи въ сандомѣрской землѣ. Иногда участвовали въ такомъ дѣлѣ и сами землевладѣльцы. Такъ въ началѣ XIV в. въ сѣверозападной Македоніи, въ Пологѣ, около Хтѣтова, властеле или боляре и хора (χώρα — жупа, область) т. е. старцы подъ присягою свидѣтельствовали о законномъ владѣльцѣ; въ Червоной Руси, въ самборской землѣ, въ 1422 г. опредѣляли межи земяне и старцы и пр. Въ византійскомъ царствѣ встрѣчаются, со временъ появленія Славянъ на балканскомъ полуостровѣ, сельскія общины состоявшія изъ многихъ селъ; такія общины представляли одну единицу экономическую, административную, финансовую, и были связаны круговою порукою относительно отбыванія государственныхъ повинностей.

Община – основа общественной жизни у Славянъ; она доставляла слабымъ родамъ и семьямъ внутреннюю и внѣшнюю безопасность, когда они заселяли свою волость и заняли ее „куда ходилъ топоръ и соха и коса". Князь соединяя племена въ одно политическое цѣлое, въ государство, находилъ въ организованной общинѣ готовое выгодное учрежденіе для государственныхъ цѣлей, и воспользовался ею болѣе или менѣе. Старинная община, въ слѣдствіе разныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, разрушалась (у западныхъ Славянъ), или продолжала существовать въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ (у южныхъ и восточныхъ Славянъ). Община дѣлалась тоже „княжествомъ", „государствомъ",

„господиномъ“, „господаремъ“, на пр. на Руси Новгородъ и Псковъ, казацкія общины — войска по Днѣпру, Дону и Яику, на славянскомъ югѣ общины Винодолъ, Полица, Дубровникъ и др.

Съ XII—XIII вѣковъ, со временъ подчиненія западныхъ Славянъ Нѣмцамъ и ихъ вліянію, со временъ громадной нѣмецкой колонизаціи, въ западно-славянскихъ земляхъ, и въ Альпахъ и по Дунаю въ Угріи, возникали здѣсь новыя общины, сельскія и городскія, которыя изъяты изъ общаго земскаго права и управлялись своимъ нѣмецкимъ правомъ; изъ Польши распространились онѣ и въ западную, поднѣпровскую Русь. Славяне въ такія общины въ Германіи по большей части не допускались, и эти земли между Лабою и Одрою скоро и онѣмечились; въ остальныхъ славянскихъ земляхъ входили и Славяне въ эти общины, и въ Чехіи и въ Польшѣ съ XV—XVI вв. славянскій элементъ сдѣлался въ нихъ господствующимъ, продолжая однако руководиться нѣмецкимъ правомъ переводимымъ на славянскіе языки. Такимъ образомъ въ славянскихъ земляхъ, въ селахъ и въ городахъ, въ Будышинѣ, Прагѣ, Краковѣ, Львовѣ, Кіевѣ, Полоцкѣ, Люблянѣ, Загребѣ и др., да спорадически и въ нѣкоторыхъ городахъ Сербіи и Болгаріи, являются новыя общины (по польски гмины—gemeinde), мѣста, мяста (по нѣм. stätte, stadt) вмѣсто славянскихъ городовъ, градовъ; мѣщане, мѣстичи—вмѣсто горожанъ, граждапъ, грађанъ, также (у Хорватовъ) пургары (bürger); рыхтари (richter), войты (voigt), пуркмистры-бурмистры (bürgermeister), коншелы (consul), ратманы, райцы (rathmann), солтысы (schultheiss, schulze)—вмѣсто старостъ, жупановъ, тысячскихъ, сотскихъ, и пр.; мѣщане собираются на раду (rath) въ ратушѣ (стар. вѣтница) на плацахъ, рынкахъ (ring), селяне или даже гбуры (gebauer, bauer) на вѣчѣ гаенномъ, какъ въ Польшѣ назвали сельскую сходку, на половину по славянски на половину по нѣмецки (heget ding, gehegtes ding). Нѣмецкія названія распространились позже и въ Великой Руси, и въ городахъ являются тоже мѣщане, гильдіи, цехи, полиціймейстеры, магистраты и пр.

На югѣ, на балканскомъ полуостровѣ, Славяне застали общины романско-итальянскія на западѣ въ адріатическомъ при-

морѣ, а въ имперіи византійской общины греческія. Славянскій элементъ распространялся и въ этихъ общинахъ, придавая ихъ учрежденіямъ большій или меньшій славянскій характеръ, такъ что даже въ латинскихъ или итальянскихъ статутахъ адріатическихъ общинъ встрѣчаются славянскія названія разныхъ учрежденій, sboro (сьборь), dornich (дворникь), casnezzo (казньць), vrasda (вражда), stanicum (станькь), pomagajte, vlastici (властиѣи), и др. Съ другой стороны и въ славянскихъ общинахъ водворилось чужое вліяніе, и въ славянскихъ статутахъ встрѣчаются слова: комун, пена, каштигати, сентенція, кунтентати, и пр.

4. Сословія.

Разница сословій встрѣчается, какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у Славянъ съ древнѣйшихъ временъ. Богатство, власть, умъ создаютъ всегда и всюду класы людей „вятшихъ, вящихъ“ (большихъ) и „меньшихъ“ — какъ выражались русскіе Славяне — класы господствующій, владѣющій, властвующій, и подданный, работающій, который находится въ большей или меньшей зависимости отъ перваго.

Земля составляетъ главное богатство народа осѣдлаго; земля — его дѣдина и отчина, наслѣдственная собственность, которую представляетъ даже кусокъ земли, дернъ; по этому древнерусское *въ дернь*, *во деренъ*, *одерень* тоже самое, что въ вѣчное владѣніе, собственность. Землевладѣльцы назвались *земляне*, *земяне*, *земцы*. Это были первоначально землевладѣльцы и земледѣльцы, и только въ послѣдствіи это слово стало у западныхъ Славянъ означать землевладѣльцевъ шляхту, *земянъ*. Въ XIV в. въ Сербіи *землянинъ* — земледѣлецъ (кои продае жито), а въ XVI в. въ польско-мазурской части Пруссіи *земянинъ* - свободный мелкій землевладѣлецъ не-шляхтичъ, владѣвшій свободною „земянскою“ волокою; между тѣмъ въ остальной Польшѣ и у остальныхъ западныхъ Славянъ земянинъ означало уже давно землевладѣльца-шляхтича. Кажется, что такіе „воль-

ные“ землевладѣльцы-кмети сохранились въ Польшѣ кое-гдѣ до XVI в. (liberi haereditarii въ велюнской землѣ). Свободные землевладѣльцы не-бояре встрѣчаются на Руси, литовской (въ XV вѣкѣ), новгородской и псковской (въ XV—XVII вв.), гдѣ эти *земцы* или *своеземцы* владѣли своими отчинами; потомъ они дѣлались служилыми людьми или государственными крестьянами. Такіе свободные владѣльцы своихъ дѣдинъ, не шляхта и не подданные кмети, встрѣчаются въ Чехіи съ древнѣйшихъ временъ до недавна, *дѣдицы* (дѣдичи), heredes liberi, позже *дѣдинники*; такъ они назывался вѣроятно и у балтійскихъ Славянъ. У полицкихъ Хорватовъ *дидићи* (дѣдичи), составляли низшій разрядъ племенитыхъ людей (шляхты). Все это были собственники „дѣдичи“ своихъ дѣдинъ или отчинъ, что соотвѣтствуетъ др.-русскому дѣдичъ и отчичъ —собственникъ, отчинникъ (вотчинникъ)—собственникъ отчины, то что дрчеш. дѣдинникъ. „Дѣдиц“ назывался у Чеховъ и называется до сихъ поръ у Поляковъ (дзедзиц) землевладѣлецъ—шляхтичъ; „дѣдичами“ назывались тоже князья русскіе (дѣдичъ и отчичъ), польскіе и чешскіе. У лужицкихъ Сербовъ свободные землевладѣльцы не-шляхтичи назывались до недавна *витязи*, воины.

Эти земяне-земцы, дѣдичи, витязи, сохранившіеся до позднѣйшихъ временъ, представляютъ въ историческое время только обломки многочисленнаго населенія древнѣйшихъ временъ, свободныхъ землевладѣльцевъ. Многіе изъ нихъ перешли въ ряды шляхты, а другіе, лишившись собственной земли, очутились на чужой землѣ, и въ большей или меньшей зависимости отъ землевладѣльцевъ.

Огромная маса народонаселенія, преимущественно земледѣльцы, но тоже другіе промышленники, ремесленники и пр., живущіе въ городахъ и селахъ, часто означались просто какъ *людъ*, *люди*, *людство* (ед. ч. людинъ), *мужи* (презрительно *мужики*), простой *черный* народъ, *чернь*, какъ это было на Руси; только позже съ конца XIV в. стали его называть *крестьянами* т. е. хрестьянами, христіанами. Русскому *людъ* и *людинъ* соотвѣтствуетъ сербско-хорватское *пльќь*, пук, т. е. полкъ, и *пльчанинь*, простонародье. Слово *холопъ* (хлап, хлоп) первона-

чально означало тоже мужа вообще (срв. хлапец, хлопец — мальчикъ, парень), а позже человѣка, лишившагося свободы, невольника. У западныхъ и отъ части и у южныхъ Славянъ маса земледѣльческаго населенія называлась *кмети*, т. е. жители селъ, *селяне*, *седлаки*, хозяева, господари. Кажется, тоже самое означаетъ *сябръ* (сабръ, себръ, сабръ), у южныхъ Славянъ вообще простолюдинъ (въ древней Сербіи и Болгаріи), тоже земледѣлецъ мужикъ (у Хорватовъ), въ Великой Руси—мужикъ хозяинъ, въ Бѣлой Руси—родственникъ, сотоварищъ, а прежде во всей западной Руси, новгородско-псковской и литовской, сябры-землевладѣльцы владѣвшіе землею сообща, участники, какъ ихъ называли тоже Словѣне и называютъ Литовцы; также у древнихъ Чеховъ сабр—подлый человѣкъ (*сабрство*—nequitiae, nešlechetnost'). Такимъ образомъ слова мужикъ, холопъ, сябръ, приняли со временемъ значеніе „подлаго" (т. е. низкаго) человѣка, „человѣка", сдѣлались до извѣстной степени бранными словами. Такимъ же словомъ было и слово *смердъ* (смрьдъ, смардъ), которое вѣроятно имѣетъ связь съ смердѣть, смрадъ; смерды были у Русскихъ, Ляховъ и Словѣнъ вообще простой народъ, преимущественно земледѣльцы; позже на Руси слово смердъ стало словомъ браннымъ.

По главной земледѣльческой работѣ, оранію (паханію), занятію раломъ (ораломъ) или сохою (слово извѣстное тоже другимъ Славянамъ въ смыслѣ кола, посоха) или плугомъ, на раліяхъ, рольяхъ, роляхъ (ороляхъ), земледѣльцы носятъ названія *рольники*, *ролейные* (закупы, древнерусск.), *ратаи* т. е. оратаи, *орачи* (орачи-земяне въ польско-мазурской Пруссіи), *пашенные люди* (новгородскіе), *изорники* (псковскіе, ср. сербское изор—вознагражденіе зерномъ), люди *сошные* работающіе посошную службу. Земледѣльцы совершаютъ работу, *тягъ*, обработываютъ, *тяжатъ* (тажатъ, тежатъ) землю, извѣстный участокъ, *тягло* (дррусск.), *жрѣбій* или *ждрѣбій* (словѣн. и серб.), жребій, жеребій рус.), жребь (поль.), жрибь (хорв.), съ чѣмъ ср. чеш. hřebí, жребій; жребій—участокъ доставался члену общины жребіемъ. Земледѣльцы радѣютъ, радятъ—тяжатъ, дѣлаютъ поля, земли *пашенныя* или *орамыя* (дррусск.), *оратыя*; они *работяги* (словѣн.,

чеш. robotěz, поль. robociądz), *тлжари* (словѣн.), *тежаки* хорв.), *тѣгари* (чеш. těhaři), *тяглые люди* (рус.), *землетлжатели* (словѣн.), *земѣтѣги* и *полерады* (чеш., срв. названія мѣстъ Земѣтѣги и Полерады).

Земледѣльцы, посаженные на чужой землѣ (южносерб. *посадники*), нанимаясь на работы (рус. *наймиты*, хорв. *наямники*, чеш. *наемники*), заключали съ землевладѣльцами разныя условія, обязывалися къ разнымъ повинностямъ, къ платѣ деньгами и натурою, въ извѣстный срокъ вносить *нарокъ*, *урокъ*, *оброкъ*, и по этому назывались *нарочники* (въ Польшѣ), *урочники* (въ Чехіи), *оброчники* (на Руси); они платили серебромъ или кунами, куницами, какъ деньги продолжали называться у Русскихъ, Поляковъ и Хорватовъ, и по этому назывались русскіе *серебреники* (на югѣ, а сѣверные серебряники—крестьяне получившіе ссуду—серебро) и *куничники*, *люди куничные*, хорватскіе *marturinarii*; послѣднее названіе еще въ XIV в. хорошо объясняется тѣмъ, что такіе поселяне должны были платить своимъ господамъ въ годъ по одной куньей шкурѣ, а потомъ деньгами. Смотря по этому, какую часть дохода, урожая и пр., земледѣльцы платили землевладѣльцу, десятину, пятину, треть (третину), половину, они назывались *decimi*, *decimarii* (десятники?) у всѣхъ Ляховъ, *третники* и *половники* (*изполовники*) въ сѣверовосточной Руси, *половники* въ сербской Бокѣ которской; третину платятъ до сихъ поръ босенскіе кмети своимъ господамъ-землевладѣльцамъ а десятину государству. Въ слѣдствіе сношеній Славянъ съ иноплеменниками привились у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ чужія названія для низшихъ класовъ народонаселенія, равнымъ образомъ какъ и для ихъ начальниковъ (войтъ, солтысъ, рыхтарь, ватаманъ). Древнесербскіе и вѣроятно и древнеболгарскіе *мѣропхи* или *неропхи*, подданные поселяне—земляне, земледѣльцы, не что иное какъ греческіе μέροπες—*люди*, а *парики*—греческіе πάροικοι (coloni). Славяне на балканскомъ полуостровѣ назвали, по покореннымъ *Влахамъ* (Румунамъ), подданный людъ, особенно пастуховъ, *влахами*.

Маса народонаселенія занималась не только земледѣліемъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, и пр., но и разными другими

промыслами, торговлею (купцы—*гости*), ремеслами, и пр. Многіе такіе промышленники, ремесленники и пр. составляли особыя товарищества, дружины (рус.) подъ своими старостами; они селились или были поселены своими господами въ особыхъ селеніяхъ, которыя по нимъ и сохранили свои названія до позднѣйшихъ временъ, на пр. Рыбаки (Рыбары, Рыбитвы), Колодѣе, Ковары (Ковале), Пекары, Щитары, Рудники, Златары, Псары, Скотники, и пр.

Славянскія общины живя, за долго до образованія государства, своею общественною жизнью, налагали на себя, по добровольному соглашенію своихъ членовъ, свободныхъ землевладѣльцевъ, дѣдинниковъ, отчинниковъ, ради собственной безопасности, разныя повинности. Ими и воспользовалось государство да по мѣрѣ надобности оно ихъ все больше увеличивало, такъ, что общины скоро обременены множествомъ такихъ тяжелыхъ земскихъ или государственныхъ повинностей. Князь, богатые землевладѣльцы, да и сами общины, владѣли огромными незаселенными землями, особенно лѣсами, которыя надо было заселять. Являются люди земледѣльцы, и получаютъ земли для обработки, но уже не какъ отчинники - собственники, а какъ временные арендаторы, которые пользуются предоставленною имъ землею на извѣстный срокъ и на извѣстныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ эти новые поселенцы очутились въ извѣстной зависимости отъ землевладѣльцевъ—господъ. Эта зависимость обозначалась разными повинностями, могла быть болѣе или менѣе обременительною. Земледѣлецъ, сохраняя личную свободу, сдѣлался временно обязаннымъ по поводу занимаемой имъ господской земли, кромѣ которой онъ впрочемъ могъ имѣть свою частную собственность, движимую и недвижимую; послѣ истеченія условленнаго срока и исполненія своихъ обязанностей, земледѣлецъ съ позволеніемъ господина могъ уйдти. Но зависимость подданнаго отъ господина была и сильнѣе; подданный былъ прикрѣпленъ, приписанъ къ землѣ и выданъ произволу землевладѣльца.

Князья-государи, жалуя земли съ заселяющимъ ихъ подданнымъ людомъ духовенству и дворянству, отказывались, въ пользу новыхъ владѣльцевъ, отъ многихъ повинностей, къ которымъ

подданный людъ былъ обязанъ имъ, князьямъ, какъ представителямъ государства Такимъ образомъ подданный людъ долженъ былъ отправлять извѣстныя повинности государству, а другія новымъ своимъ господамъ, которые мало по малу пріобрѣтали надъ нимъ и право суда. Положеніе подданнаго люда отъ этого не улучшалось, а ухудшалось. Землевладѣльцы дворяне, пріобрѣтая все больше льготъ и правъ на счетъ государства, наваливали на своихъ подданныхъ все больше обременительныхъ повинностей, и, наконецъ, успѣли прикрѣпить къ землѣ всѣхъ до тѣхъ поръ лично свободныхъ подданныхъ людей. Это состоялось въ славянскихъ государствахъ въ XV—XVI вѣкахъ. Положеніе крѣпостныхъ становилось все хуже, пока наконецъ они доведены до положенія *невольниковъ*, отъ которыхъ они отличались больше по названію, чѣмъ на дѣлѣ.

Рабство встрѣчается у всѣхъ народовъ, въ томъ числѣ и у Славянъ, съ древнѣйшихъ временъ. *Рабы* или *робы*, *паробки*, *отроки*, *холуи-пахолки*, *хлапы* (*холопы*), *невольники*, *челядь*, составляли собственность (челядь „дерноватая“, дррус.) владѣльца, его „отчину“, на равнѣ съ другимъ его имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ; онъ могъ ихъ купить и продать, произвольно наказывать, да безнаказанно убивать какъ скотъ, Славянскія названія невольниковъ указываютъ отъ части на происхожденіе такихъ людей. *Челядь* (един. ч. *челядинъ*) означаетъ первоначально родъ, семью, и въ такомъ смыслѣ употреблялось, да и употребляется у разныхъ Славянъ, но одновременно и въ значеніи невольниковъ, крѣпостныхъ, прислуги. *Отрокъ*—первоначально дитя, младенецъ (отъ, реку, срв. infans, чеш. nemluvně, поль. niemowlę), какъ онъ называется до сихъ поръ у нѣкоторыхъ Славянъ, равнымъ образомъ какъ чеш. *голомек* первоначально означало несовершеннолѣтняго, голаго т. е. безъ усовъ и безъ бороды (голец, гох—мальчикъ, юноша), неженатаго сына не отдѣленнаго отъ отца; а потомъ слугу судебнаго (др.-рус. дѣтскій, голомки земскіе еще въ XV в.: holomci zemští to co posli purkrabovi), и вообще слугу (также поль. голомек), голоту (прислугу, но тоже сбродъ, сволочь). Также и слово *робъ* и *рабъ* имѣетъ связь съ *робя*, *ребенокъ*, и *пахоле*, *пахоля*, *пахолек*

(чеш., поль.) —мальчикъ (срв. рус. холить), но тоже слуга, *холуй*, первоначально мужъ, потомъ холопъ, рабъ; также и *хлапец, хлопец, хлапик, хлопак* (чеш., поль.) — мальчикъ, парень, указываетъ на первоначальное значеніе слова *хлапъ* (хлопъ, холопъ)—мужъ, позже плебей, рабъ, равнымъ образомъ какъ и *себръ* первоначально означало мужа, позже „подлаго" мужа, плебея; такъ дрчеш. *хлап* вообще не шляхтичъ, плебей, человѣкъ плебейскаго „разряда" (měštěnín a sedlák jsta oba řádu chłapského, говорилось въ Чехіи въ XIV в.); польскій *хлоп*—мужикъ. Одинаковыя названія дѣтей и рабовъ указываютъ на то, что такую челядь, отроковъ, робатъ или ребятъ, пахолковъ, хлапцовъ, продавали ихъ родственники и родители въ неволю. Также и древнерусское *сирота* т. е. рабъ, указываетъ на другой источникъ рабства.

Главнымъ источникомъ рабства у Славянъ былъ плѣнъ (полонъ); военные плѣнники считались такой же добычею, какъ и другія вещи, и ими заселялись земли владѣльцевъ и пополняли ряды прислуги. Рабами дѣлались осужденные преступники, неоплатные должники, также люди добровольно пошедшіе въ рабство, и дѣти рабовъ. Безпрестанныя войны славянскихъ народовъ другъ съ другомъ и съ иноплеменниками доставляли имъ громадное количество этого живаго товара, важной статьи въ славянской и неславянской торговлѣ. Съ другой стороны огромное количество славянскихъ невольниковъ наполняли также базары запада и востока, такъ что ихъ народное имя *Славянинъ* (Sclavus) сдѣлалось у народовъ нѣмецкихъ и романскихъ, въ Византіи и у Арабовъ, нарицательнымъ въ смыслѣ невольника—*склава*. Рабы и торговля рабами встрѣчается у всѣхъ Славянъ, рабство какъ законное учрежденіе въ многихъ славянскихъ уложеніяхъ. У западныхъ Славянъ оно исчезаетъ въ XII—XIII вв., у южныхъ въ XIV—XV вв., между тѣмъ какъ у восточныхъ Славянъ оно просуществовало до новѣйшихъ временъ: въ западной Руси признаютъ невольниковъ, невольную челядь, еще литовскіе статуты XVI в., а въ восточной Руси, гдѣ крестьяне смѣшаны съ холопами, прекратилось это безобразіе только въ нашемъ вѣкѣ. Турецкое и татарское владычество въ славян-

ихъ земляхъ или на ихъ окраинахъ начало новую эру въ ис-
рiи славянскихъ невольниковъ, и ихъ плачъ раздался вновь
ъ береговъ Африки до Царьграда и Бахчисарая, въ Поволжьѣ
въ средней Азiи.

Если варварское учрежденiе рабства встрѣчается у Сла-
нъ, то оно здѣсь иногда какъ бы смягчается нѣкоторыми про-
есками болѣе человѣческаго отношенiя къ невольникамъ. Ви-
нтiйцы VI—VII вв. замѣтили, что у подунайскихъ и поднѣ-
ровскихъ Славянъ плѣнники не находятся въ рабствѣ цѣлый
ой вѣкъ, какъ это бываетъ у другихъ народовъ, а что послѣ
теченiя извѣстнаго срока они могутъ выкупиться и возвра-
ться въ свояси, или жить между Славянами какъ люди вольные
друзья. Въ Угрiи въ XI в. запрещалась торговля рабами тузем-
ми, а дозволялась только торговля рабами иноплеменниками.
еще въ XIV в. Сербы считали непозволительнымъ обращать
рабовъ болгарскихъ плѣнниковъ какъ одноплеменниковъ.
пущенные на свободу или откупившiеся рабы, не имѣя родни,
лались лицами безпрiютными, *изгоями* (дррус.), т. е. лишен-
ми кормленiя (изъ—гоить, обл. рус. гоить—жить, пристроить,
рб. гоити—кормить, гой—миръ, чеш. гоити—лѣчить).

Маса народонаселенiя, горожане и селяне, земледѣльцы и
месленники, купцы—гости и другiе промышленники, всѣ они
ли себры, смерды, кмети, холопы, меньшiе или черные люди,
рнь, посполъство, полчане т. е. плебеи, относительно высшихъ
атныхъ класовъ, людей „вятшихъ (вящихъ)", какъ они назы-
ются въ сѣверной Руси. Такая *знать* встрѣчается у Славянъ
древнѣйшихъ временъ; она занимаетъ первенствующее мѣ-
о въ общественной, политической, военной жизни, окружаетъ
язя-государя, который съ нею совѣщается, изъ нея беретъ
оихъ чиновниковъ, даетъ ей земли; она становится все болѣе
жнымъ факторомъ въ государствѣ, выдѣляется изъ остальнаго
родонаселенiя, порабощаетъ его, и стремится ограничить
сударя, что ей и удается у западныхъ и у южныхъ Славянъ
лько въ восточной Руси такiя стремленiя не имѣли успѣха, на
льзу русскаго народа и всего Славянства. Съ постепеннымъ
разованiемъ славянскихъ государствъ, въ которыхъ мало по

малу исчезали соединяемыя ими отдѣльныя племена, въ ряды знати переходили и княжескіе роды тѣхъ племенъ, занимая въ государствѣ наиболѣе выдающееся положеніе. Оттуда вѣроятно происходитъ древній обычай, что князья назначали въ намѣстники областей членовъ знатныхъ родовъ, владѣвшихъ имѣніями—отчинами въ той области; такъ это было у западныхъ Славянъ и въ Угріи. Въ Чехіи еще въ XIII в. паны Яновичи считались родомъ, „родичами" Властислава, князя Лучанъ; на Ранѣ одна линія княжескаго рода, паны Подбузскіе, были первымъ знатнымъ родомъ княжества; въ Поморьѣ родъ Свантоборичей происходилъ отъ рода князей поморскихъ, родъ Рановичей вѣроятно отъ княжескаго рода лютичскихъ Доленчанъ, и пр. Еще въ позднѣйшія времена литовско-русскіе князья Гедыминовичи и русскіе князья Рюриковичи дѣлались первенствующею знатью польскаго и русскаго государствъ, сохраняя свой княжескій титулъ.

Славянская знать состояла изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые со временемъ составили родовую аристократію; но въ ряды этой родовой знати входили постоянно новыя лица въ слѣдствіе пожалованія имъ такого достоинства княземъ-государемъ, которыя со временемъ тоже составляли родовую знать. Вообще славянская знать первоначально не составляла замкнутаго сословія, и ея ряды постоянно наполнялись по усмотрѣнію и по волѣ князя, какъ это долго сохранилось на Руси. Болѣе замкнутымъ, наслѣдственнымъ сословіемъ стала она только въ послѣдствіи, именно у западныхъ славянскихъ народовъ, которые подпали подъ чужое вліяніе. Знать у Славянъ раздѣлялась на два разряда, высшихъ и низшихъ, старшихъ и младшихъ, и называлась разнообразно. Какъ землевладѣльцы они назвались вообще *земянами*; это слово знаютъ западные Славяне, особенно лужицкіе Сербы и Словаки, до сихъ поръ. У балтійскихъ и полабскихъ Славянъ назывались они *князья*, а низшій разрядъ *княжичи*; лужицкіе Сербы до сихъ поръ называютъ мелкаго помѣщика княземъ (knjez), и такъ его называли и Славяне на нижней Лабѣ (knjąz); княжичи (knesitzen) были извѣстны у онѣмеченныхъ Ранъ еще въ XV вѣкѣ. У Хорватовъ слово *кнез*, первоначально должность, только позже употреблялось въ значеніи

извѣстнаго сословія. У западныхъ Славянъ, именно у Чеховъ и Ляховъ, высшая знать называлась *жупаны*, а со второй половины XIII в. *паны*; низшій разрядъ—*владыки*, у Чеховъ до недавна, у Поляковъ (*влодыки*) до XV вѣка. Русскіе, Болгаре и Сербы называли свою знать *боляре*, *болѣре* (позже по русски и *бояре*), т. е. люди болѣе, люди „вятшіе", *вельможи* (югослав.). Боляре дѣлились на великихъ и малыхъ, старшихъ и младшихъ, а эти послѣдніе стали называться на Руси позже „дѣти боярскія". Сербы съ XIV в. своихъ болярь стали называтъ *властеле*, а низшій разрядъ *властеличичи*; властеле были извѣстны и Хорватамъ. Нѣкоторыя названія славянской знати указываютъ на родовой бытъ; они назывались вѣроятно какъ родоначальники, какъ бывшіе начальники племенъ, *князья*, *жупаны*, названія *княжичъ* и *властеличичъ*, означаютъ не только „малыхъ" князей, властелей, но также какъ бы ихъ потомковъ, *дѣтей боярскихъ*. Знать какъ землевладѣльцы были *земляне*, *владыки*, *властеле*; эти общія названія приняли потомъ извѣстное значеніе въ общественной, государственной жизни нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ; сербскій *землянинъ* былъ земледѣлецъ, а польско-мазурскій *земянинъ*—свободный но не знатный землевладѣлецъ, то что русскій *земецъ*, чешскій *дѣдиц*, *дѣдиник*, но дрхорв. *дидић*—уже знатный человѣкъ низшаго разряда, а поль. *дзедзиц* вообще земянинъ—шляхтичъ. *Владыка* и *властелинъ* — человѣкъ облеченный властью, владѣющій, поэтому владыка былъ не только землевладѣлецъ-шляхтичъ (у запад. Славянъ), но тоже государь-князь, епископъ и даже женщина знатнаго рода (дрсерб. и дрхорв.); властелинъ (у юж. и восточ. Славянъ) — вообще лицо властвующее, государь, владѣлецъ, не подданный, не полчанинъ (югослав. плъкъ, полкъ—людъ), серб. и хорват. властеле—аристократія. Сюда принадлежитъ и слово *владарь* (*влодарь*), съ своими разными значеніями, начальника вообще, родоначальника (у Чеховъ), управляющаго, правителя имѣній государевыхъ и панскихъ (чеш. и поль.). Дрсерб. *владальць* вообще чиновникъ государя, вѣроятно тоже управляющій имѣніемъ государя и другихъ господарей (землевладѣльцевъ), владалецъ градскій—судья въ распряхъ граждавъ другъ съ другомъ или съ жуплянами (жителями жупъ—окру-

говъ). Дррус. *волостель*, княжескій судья волости (округа, чеш. и серб. власти, поль. влости, włość, оттуда włościanin—поселянинъ). Славянская знать называлась вообще людьми лѣпшими, лучшими, вятшими, мужами велими (*вельмужи*), вельможными (*вельможа*), болими (*боляре*); русскіе боляре были не только знатнѣе воины и думцы въ княжеской *дружинѣ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ своего качества дружинниковъ, крупные землевладѣльцы. *Други* назывались тоже низшіе знатные люди въ Чехіи, на службѣ у пановъ; но этому они въ послѣдствіи назывались *паношами*, извѣстными тоже въ Польшѣ. Младшіе дружинники на Руси въ послѣдствіи (съ XIII—XIV вв.), какъ придворные, стали называться *дворяне*, служня князя, прежніе *отроки*, *дѣтскіе*, *пасынки*, названія указывающія на служню—молодежь, можетъ быть и на родню-служню княжескаго двора; съ XVIII в. русская знать вообще стала называться *дворянствомъ*. Слово *дѣтскій* знали и Поляки въ смыслѣ судебнаго пристава (dziecki, dzieckowanie—pignoratio, иначе ciążba); можетъ быть и древнечешское *дѣцкій*, *дѣтецкій*—дѣятельный, имѣетъ извѣстную связь съ понятіемъ воина, княжа мужа. Дрчеш. голомки—судебные слуги. Въ Сербіи въ XIV вѣкѣ встрѣчаются *дворяне властельскіе*—служня властелей. У другихъ Славянъ дворянинъ—вообще всякій находящійся при дворѣ государя. Вся эта знать, высшая и низшая, были главнымъ образомъ воины (по этому у западныхъ Славянъ *milites*) князя-государя; они были—какъ выражались въ восточной Руси — люди *служилые*, между тѣмъ какъ работающая маса народонаселенія были люди *тяглые*. Знать—воины, занимающаяся военнымъ дѣломъ, военною службою, были *витязи*. Это названіе приняло со временемъ значеніе извѣстнаго сословія; у полабскихъ Сербовъ *витязи*—свободные землевладѣльцы не знатнаго происхожденія, то что прусско-литовскіе *витинги*; у западныхъ Югославянъ (въ Угріи) витязь—то что рыцарь (eques, ritter).

Въ слѣдствіе чужаго, именно нѣмецкаго вліянія на западныхъ и отчасти и на южныхъ Славянъ, знатные роды, со второй половины XIII в., стали называться именно „родами“, по нѣмецкому *slachta* (geschlecht)—*шляхта*, *шляхтичи*, *шляхетные люди*

(чеш. šlechta—šlechtic, поль. ślachta—ślachcic, позже szlachta), какъ бы „родъ“ и „родичи“, но уже высоко „уроженные“; дрчеш. *шлехта*—родъ и знать, шляхта, равнымъ образомъ какъ нѣм. athala, adal, adel—родъ, потомъ шляхта. Такъ и Словенцы приняли слово *жлахта* въ смыслѣ „родъ, родня“, и въ смыслѣ знати (*жлахтни, жлахтник, жлахтнич, жлахтнiя*). Хорваты вѣроятно перевели оттуда свое *племиѣ, племство, племенитые люди*, которое употребляли рядомъ съ *властеле*, равнымъ образомъ какъ и Чехи и Поляки не забыли своего стариннаго „земяне“. Западнославянская шляхта, особенно чешская и по ней и польская, принимала съ XIII в. вообще разныя западноевропейскія, преимущественно нѣмецкія учрежденія и обычаи. Извѣстные роды, племена, поколѣнія (stirpes, generationes, genelogiae, genealogiae, consanguinitates, cognationes, familiae), члены одного гнѣзда (поль. de una progenie—jednego gniazda, гнѣздники), принимали извѣстные родовые *знаки* (чеш.) на щитѣ (роза, грабли, топоръ, подкова), *щитъ* или *гербъ* (erb, herb изъ нѣм. erbe — наслѣдство, латин. arma, signa, clenodium). Такой гербъ, называемый въ Польшѣ иногда и по родовому имени (Poraj, Junosza, Nałęcz, Grzymała) и по имѣнію (Bogoryja, Dąbrowa), часто означалъ извѣстный родъ; такъ напр. говорилось въ Чехіи (XIII—XIV в.) о родѣ роза т. е. Витковичахъ, въ Польшѣ о гербѣ Наленчъ т. е. родѣ (clenodium, arma N. то что familia, cognatio, genelogia, generatio N.), о братьяхъ клейнотникахъ рода Гоздава (fratres universi clenodiarii de genealogia Gozdawa). Гербы распространились тоже въ Угрію и Хорватію, а изъ Польши на Литву и Русь. Такіе гербы рисовались часто на знаменахъ (хоругвяхъ, стягахъ—стегахъ, заставахъ—заслонахъ) знатныхъ родовъ, пановъ хоруговныхъ (чеш., поль. и литовско-русск.), уровъ (пановъ) заслонныхъ (угор. zászlós úr), властелей стегоношей (въ Сербіи XIV в., хотя властеле сербскіе и босенскіе о гербахъ стали мечтать только въ XV в.). Шляхта принимала родовыя названія по своимъ имѣніямъ, селеніямъ и городамъ или „замкамъ“ (нѣм. schloss), часто называемымъ по нѣмецки (чеш. Розенбергъ, Вальдштейнъ, поль. Ляицкорона, Мельштынъ); чешскіе Витковичи стали называться панами изъ Розенберга, Градца, Ландштейна, Гроновичи (generatio de

Ronove)—панами изъ Гронова, Лихтенбурга, Липой, Дубой, и такъ и владыки Смирицкіе, Добренскіе, Митровскіе, Вхинскіе и др. Польскіе Наленчи (родъ и гербъ) назвались потомъ Наленчами, Чарнковскими, Гостомскими, Остророгами, и пр., Грималы—Грималами, Гримултовскими, Казановскими, Неголевскими, и пр. По городамъ назвались хорватскіе Шубичи—Зринскіе, Елачичи—Бужимскіе, угорско-словенскіе Подманицкіе, Леготскіе, русскіе Острожскіе, Друцкіе, Масальскіе, Вяземскіе, Мстиславскіе, Вишневецкіе и др. Шляхта дѣлалась *рыцарствомъ* (изъ нѣмецк. ritter), чѣмъ обозначалась въ Польшѣ вся воинственная шляхта вообще, какъ бы воины (поль. rycerze, stan rycerski, тоже въ литовской Руси рыцеры и срв. малорусское лыцари Запорожцы), а въ XV в. рыцари тоже прежніе кмети, паны засѣдавшіе въ судахъ великихъ вѣчъ (barones terrarum nostrarum in judiciis colloquiorum generalium personam nostram—regis—repraesentant — rycerze ziem naszych w sądziech wiec pospolitych lubo wielgich personą naszą znamionują). Въ Чехіи слово рыцарь (rytieř, rytíř) означало, по примѣру западноевропейскому, вообще каждаго знатнаго человѣка пріобрѣвшаго за свои заслуги достоинство рыцаря (ritter, chevalier, у Хорватовъ и Угровъ витез), что сопровождалось разными обрядами, при помощи меча и пояса (пасованіе на рыцарство); это было извѣстно также въ Польшѣ; такъ въ 1149 г. польскій князь Болеславъ, находясь какъ союзникъ великаго князя русскаго Изяслава Мстиславича подъ Луческомъ (Луцкомъ), „пасаше мечемъ сыны боярскы многы“. Чешскій владыка сдѣлавшись рыцаремъ сталъ такъ и называться, и такимъ образомъ слово рыцари стало означать владыкъ, сословіе рыцарское то что сословіе владыцкое (stav vládycky въ статутѣ 1500 г., stav rytířsky въ статутѣ 1549 г).

Разница между знатью вятшею и меньшею, старшею и младшею, существовала у Славянъ изъ давна; она имѣла значеніе не только общественное, а тоже юридическое, нашла себѣ мѣсто и въ нѣкоторыхъ славянскихъ законахъ; такъ на пр. въ XIV в. дѣлалась разница въ Чехіи между шляхтичемъ (magnifice nobilis) и владыкою (minus nobilis) относительно позыва къ суду, въ Польшѣ между шляхтичемъ (nobilis) и влодыкою (miles) относительно главы (пени за убійство), въ Сербіи между властелиномъ и власте-

личчемъ относительно пени за оскорбленіе. Въ Чехіи разница „ставовъ“ (чиновъ, сословій), панскаго и владыцкаго (рыцарскаго), имѣла важное значеніе въ публичной жизни, въ сеймахъ, замѣщеніи должностей и пр. Въ Польшѣ антагонизмъ между панами и низшею шляхтою заявилъ свою силу еще въ такъ называемой пѣтушей войнѣ (wojna kokosza, 1537 г.); но скоро паны и низшее земянство сдѣлались равными, одною шляхтою, панами братьями, конечно только въ теоріи, по праву, въ юридическомъ отношеніи; ибо иначе богатый знатный панъ всегда стоялъ выше, чѣмъ бѣдный шляхтичъ загродовый и ходачковый, который владѣлъ только загродою (загородомъ), и, подобно угорскому бочкорошу, ходилъ въ ходакахъ, ходачкахъ (лаптяхъ, угор. бочкорахъ). Такой ходачковый шляхтичъ (miles caligatus уже ок. 1200 г., по польски вѣроятно влодыка ходачковый) тѣмъ не менѣе могъ утѣшаться, что шляхтичъ въ загородѣ равенъ воеводѣ (szlachcic na zagrodzie ŕówny wojewodzie), что онъ можетъ быть и королемъ. Въ сущности такое демократическое настроеніе польской шляхты вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительности, и вся эта темная маса шляхетскаго народа находилась на службѣ и на хлѣбахъ у немногихъ пановъ. Эти паны олигархи братаясь съ ними, управляли и пользовались ими по своему усмотрѣнію для своихъ цѣлей, и могли имъ даже наговорить, что поддерживаемые панами иноплеменные кандидаты польской короны, „Эрнстъ“ австрійскій или Генрихъ „Андегавенскій“ (d'Anjou), такіе же Поляки доморóдцы, „Пясты, Рдестъ и Гавенскій“, какъ они сами, Горки, Ласкіе, Зборовскіе, Замойскіе, или всѣ братья герба Слѣповронъ. Польскіе шляхетскіе порядки распространились тоже на Литву и югозападную Русь, и русскіе князья и бояре дѣлались земянами, шляхтичами, рыцерами, пріобрѣтая гербы и разныя привилегіи польской шляхты; а бояре не сдѣлавшіеся шляхтою, остались людьми не шляхетными, лично свободными. Титулы нѣкоторыхъ княжескихъ родовъ происхожденія русскаго и литовскаго (Острожскіе, Вишневецкіе, Чорторыйскіе, Радивилы и др.) остались только титулами. Въ сѣверовосточной Руси бояре въ Новгородѣ и въ Псковѣ занимали выдающееся мѣсто въ политической жизни этихъ общинъ, но послѣ присоединенія обѣихъ общинъ къ Москвѣ, они находи-

лись въ такомъ же положеніи, какъ московскіе бояре. Всѣ эти бояре сѣверовосточной Руси, русскаго царства, были только первымъ класомъ, степенью служилаго сословія; они, преклоняясь передъ сильною властью самодержавнаго царя какъ его „холопы", никогда не пріобрѣли такого значенія, какъ западославянскіе паны или югославянскіе боляре, властеле, хотя, въ смутное время (1610 г.), стремились къ этому, но безуспѣшно. Въ составъ сѣверорусскихъ бояръ входили и потомки удѣльныхъ князей (Рюриковичей, Гедыминовичей), разные восточные царевичи, князья, которые сохраняли свой княжескій титулъ, называясь „князьями служилыми". Въ царской думѣ засѣдали три „статьи", бояре, окольничіе и думные дворяне; остальные класы или степени служилыхъ людей были дворяне и дѣти боярскія. Со временъ преобразованій Петра Великаго всѣ эти класы стали называться дворянствомъ или тоже шляхтою (еще въ XVIII в.). Вмѣстѣ съ тѣмъ на Руси, равнымъ образомъ какъ и въ земляхъ чешскихъ, югославянскихъ, польскихъ, угорскихъ, являются, въ слѣдствіе нѣмецкаго вліянія, графы и бароны, замѣнившіе прежнихъ бояръ, властель, пановъ. Въ югославянскихъ земляхъ въ Турціи тамошніе боляре и властеле сдѣлались бегами, спахами (спахіями), воинами землевладѣльцами, владѣя своими спахиликами (ленами) или чифликами (отчинами).

Славянская знать владѣла своими дѣдинами, баштинами, отчинами, какъ дѣдичи, отчичи, на правѣ дѣдичскомъ, на правѣ собственности. Эти дѣдины или имѣнія дѣдичныя, отчинныя (тоже дрполь. imienia dziedziczne, im. oćczyzne,bona paternalia, patrimonialia), были либо имѣнія родовыя (племенщины), унаслѣдованныя отъ предковъ, либо пожалованныя государемъ тоже на правѣ дѣдичскомъ. Кромѣ такихъ дѣдичныхъ имѣній знать за извѣстныя службы получала отъ государя ***имѣнія выслуженныя, выслуги***, какъ ихъ называли Чехи, Поляки и Русскіе, тоже на правѣ дѣдичскомъ, какъ „вотчины выслуженныя", какъ говорилось въ московской Руси еще въ XVII вѣкѣ. Другія имѣнія государь жаловалъ только въ временное владѣніе или пользованіе подъ условіемъ извѣстныхъ повинностей. Такія имѣнія назывались въ древней Сербіи и Болгаріи ***пронія*** (изъ визант.-греч. πρόνοια), вла-

дѣлецъ *проні яръ*; въ московской Руси *помѣстье*, вѣроятно переведено изъ греч. τόπιον, именно στρατιωτοτόπιον. Со временемъ однако исчезла въ восточной Руси разница между вотчиною и помѣстьемъ, и помѣстьчиками, помѣщиками стали называться съ XVII в. вообще всѣ землевладѣльцы, и прежніе вотчинники. Это стремленіе, замѣнить пронію въ баштину, замѣтно тоже у Сербовъ. Въ Польшѣ государственныя земли отдаваемыя во временное владѣніе, назывались позже ***староства,*** ихъ владѣльцы ***старосты*** (различные отъ старостъ гродовыхъ). У Чеховъ и у полабско-балтійскихъ Славянъ распространилось нѣмецкое феодальное право, по которому землевладѣльцы, дѣлаясь васалами (манами) государя, принимали свои и вновь жалуемыя имъ имѣнія въ ленъ. У Чеховъ сохранилось впрочемъ и славянское названіе мелкаго поземельнаго участка, отдаваемаго паномъ разнымъ лицамъ подъ условіемъ военной службы на конѣ, ***naprava***, и владѣлецъ ***napravnik***; срв. дрсерб. направа коньска—хомутъ.

Славянская знать, пріобрѣтая въ государственной жизни все больше значенія и правъ, пріобрѣтала, подобно духовенству, тоже все больше льготъ для своихъ имѣній и подданныхъ, освобожденіе отъ многихъ общихъ повинностей, изъятіе изъ суда государственныхъ судей въ дѣлахъ неуголовныхъ, и наконецъ сдѣлалась для своихъ подданныхъ малыми государями. Государство и знать, взваливая на подданное народонаселеніе все больше тяжелыхъ повинностей, возбуждали его неудовольствіе, которое подъ часъ вспыхивало въ востанія. Такія востанія низшихъ класовъ противъ высшихъ встрѣчаются въ славянской исторіи не рѣдко. Уже въ IV в. у дунайскихъ Сербовъ (Сарматовъ) востали подданные противъ господъ; такъ и въ Польшѣ въ XI, въ Хорватіи въ XVI в. Въ Болгаріи въ X в. Богомилы востали противъ подданства; они учатъ „не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыхъ, ругаются старѣйшинамъ, укоряютъ бояры, мерзки богу мнятъ работающихъ царю, и всякому рабу не велятъ работати господину своему". Въ Чехіи гуситское движеніе породило радикальную партію, которая не признавала никакихъ повинностей подданныхъ къ господамъ, считая всѣхъ людей другъ другу равными; и хотя гуситская демократическая партія не восторжествовала, то всетаки ея идеи

о равенствѣ и братствѣ сохранило въ послѣдствіи „единство чешскихъ братьевъ“. На Руси простой народъ часто возставалъ противъ высшихъ класовъ, примыкая къ казакамъ, которые, сохраняя древнерусскія демократическія начала, долго, съ XVI до XVIII в. сопротивлялись государственнымъ порядкамъ, и поднимались противъ пановъ и бояръ и противъ государства, польскаго и русскаго.

5. Государственное устройство.

Община могла своимъ членамъ доставить только ограниченную безопасность; противъ внѣшнихъ враговъ она, если не обладала особымъ могуществомъ (какъ на пр. нѣкоторыя городскія общины), оказывалась безсильною. Надо было заключать болѣе обширные союзы, подчиняться добровольно или вынужденно болѣе сильной центральной власти князя, который стоя во главѣ племени или цѣлаго народа, мало по малу образовывалъ новую политическую единицу, *государство*, какое бы оно съ начала ни было. Князь—государь, начальникъ выбранный или завоеватель, продолжалъ называться, какъ и другіе начальники родовъ и общинъ: господарь (государь), дѣдичъ и отчичъ, владыка, войвода, князь, жупанъ (у Сербовъ, съ прибавленіемъ „великій“). Особенно распространено было названіе *князь*, хотя происхожденія неславянскаго. Въ послѣдствіи славянскіе государи назвались, по примѣру восточно-римскихъ, византійскихъ императоровъ—цѣсарей, цесарей, *цесарями* или *царями* (болгарскіе въ X, сербскіе въ XIV, русскіе въ XVI вв.), или *кралями*, вѣроятно по сильному Карлу франкскому (хорватскіе въ X, сербскіе въ XI и опять въ XIII, польскіе въ XI и опять въ XIII—XIV вв., чешскіе въ XI—XIII вв). Князь былъ главнымъ правителемъ и судьею своего народа, а во время войны его войводой.

Племенные князья, послѣ образованія государства, по большей части исчезли въ рядахъ знати; остались только тѣ, которые изъ племенныхъ стали князьями многихъ племенъ, соединенныхъ въ государство. Мелкихъ племенныхъ князей было у Славянъ

очень много. У восточныхъ были князья Полянъ, Деревлянъ, Дреговичей и др. племенъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются здѣсь зачатки болѣе сильной княжеской власти довольно рано. Не говоря о загадочныхъ Скиѳахъ, у черноморскихъ Антовъ уже въ IV вѣкѣ является сильный государь, окруженный значительнымъ количествомъ знати, и приравниваемый къ государю Готовъ. Это антское государство — позднѣйшая *Русь*, общее названіе всѣхъ восточно-славянскихъ племенъ, соединенныхъ въ одно политическое и народное цѣлое варяжскими Рюриковичами. Мелкіе князья альпійскихъ, подунайскихъ и балканскихъ Славянъ долго облегчали иноплеменникамъ, Римлянамъ, Готамъ, Гунамъ, Аварамъ, Нѣмцамъ, Византійцамъ, ихъ завоеванія и войны, пока наконецъ образовались на западѣ государства *хорватское* и *сербское*, а на востокѣ *болгарское*; *словенское* государство Сама было мимолетно, и словенскіе князья скоро исчезаютъ въ завоеванныхъ Нѣмцами странахъ альпійскихъ. У западныхъ Славянъ первое является *моравское* государство, начала котораго теряются въ отдаленныхъ временахъ. Роль моравскихъ князей восприняли *чешскіе* князья, которые соединивъ племена чешскія стремились создать другое западно-славянское государство. Тоже самое дѣлали *польскіе* князья, соединившіе племена восточныхъ Ляховъ; только у западныхъ, балтійскихъ Ляховъ и у полабскихъ Сербовъ образованіе большихъ государствъ не удавалось.

Князь былъ съ начала лицомъ выборнымъ, призваннымъ на эту свою должность народомъ. Но княжеское достоинство рано сдѣлалось наслѣдственнымъ въ извѣстныхъ родахъ, династіяхъ, какіе были на Руси *Рюриковичи*, въ Польшѣ *Пястовичи*, въ Чехіи *Премысловичи*, въ Сербіи *Неманичи*, и др. Выборное начало не исчезаетъ однако совсѣмъ, а является рядомъ съ наслѣдственнымъ, какъ на пр. въ сѣвернорусскихъ общинахъ; оно заявляетъ свою силу особенно послѣ прекращенія династій. Княжескій родъ, послѣ упроченія наслѣдственнаго начала, смотрѣлъ на подвластную землю какъ на свою *дѣдину* и *отчину* (paterna hereditas, patrimonium), равнымъ образомъ какъ и всякій частный родъ считалъ свое родовое имѣніе своею дѣдиною или отчиною. Для Рюриковичей вся русская земля была ихъ дѣдина, отчина; Сте-

фанъ Неманя возобновилъ свою дѣдину т. е. Сербію, которую Неманичи часто называютъ своимъ отьчьствіемъ; Хорваты называли свое государство дидиною, а Дубровчане свои владѣнія тоже дѣдинами. Князь-государь былъ дѣдичъ и отчичъ (дррус.), господарь отчинный и дѣдичный (литовско-русскій вел. князь), своей дѣдины, отчины, государства; равнымъ образомъ и чешскіе и польскіе государи назывались дѣдицами, дзедзицами (heredes) своихъ государствъ (sv. Václav dědic české země). Каждый членъ княжескаго рода имѣлъ право пользоваться родовою отчиною, и получать ***часть, дѣлъ, удѣлъ*** этой отчины или дѣдины въ обширномъ смыслѣ. Такой удѣлъ сталъ тоже дѣдиною, отчиною удѣльнаго князя. Русскіе князья обѣщая блюсти русскую землю, постановляютъ, чтобъ каждый держалъ свою отчину; они держатся этой своей отчины и дѣдины, и говорятъ, что имъ ,,отчины въ Угрѣхъ нѣтуть, ни въ Ляхохъ, токмо въ руской земли"; Новгородцы же просятъ у великаго князя Всеволода Юрьевича сына ,,княжитъ Новугороду, зане тебѣ отчина и дѣдина Новгородъ".

Такіе удѣльные князья стремились тоже къ самостоятельности, они стали тоже дѣдичи и отчичи въ своихъ дѣдинахъ и отчинахъ, полные государи въ своихъ княжествахъ. Такъ было именно на Руси и въ Польшѣ, между тѣмъ какъ въ Чехіи удѣльные князья держались строго въ границахъ подчиненности великому князю. Что касается престолонаслѣдія, то непрочность древнѣйшихъ порядковъ старались устранить введеніемъ закона о ***старшинствѣ***, по которому старшій членъ цѣлаго рода (не семьи) дѣлался великимъ княземъ, а остальные члены рода получали удѣлы. Старшинство введено одновременно на Руси (1054) и въ Чехіи (1055), позже въ Польшѣ (1139). Но этотъ законъ не соблюдался, изъ за великокняжескаго достоинства и старшаго стола въ Кіевѣ, Прагѣ и Краковѣ, возникали безконечныя междоусобицы между старшими и младшими членами княжескихъ родовъ, пока наконецъ старшинство въ родѣ или тоже въ его линіяхъ не замѣнено ***первородствомъ*** въ тѣсной семьѣ, и престолъ переходилъ отъ отца къ старшему сыну. Такъ это было въ Сербіи съ конца XII в., въ Чехіи и въ Польшѣ съ начала XIII, а на Руси съ XIV—XV вв., хотя здѣсь въ Москвѣ еще въ первой половинѣ

XV в., дядя оспаривалъ престолъ у племянника. Славянскіе князья въ знакъ ихъ достоинства сажались на „столъ отень и дѣдень“, престолъ каменный или деревянный, иногда богато разукрашенный (на пр. златокованный столъ въ Галичѣ, златый прѣстолъ болгарскій); такіе столы находились въ столицахъ княжества, въ „стольныхъ“ городахъ (такъ называются на пр. русскій Володимерь волынскій и сербскій Рась), стояли въ церквахъ (на пр. въ Кіевѣ и Новгородѣ въ церквахъ св. Софіи, въ Галичѣ и въ сѣверномъ Володимерѣ въ церквахъ св. Маріи и др.), или подъ открытымъ небомъ (въ Прагѣ посреди площади города—замка, у Словенцевъ недалеко Целовца на Госпосветскомъ полѣ). Это сажаніе на столъ отень и дѣдень, это настолованіе происходило въ присутствіи всѣхъ слоевъ народа, съ разными обрядами, которые ближе извѣстны въ Чехіи (здѣсь князья надѣвали лапти Премысла), на Руси и у хорутанскихъ Словенцевъ; у послѣднихъ они соблюдались еще въ началѣ XV вѣка. Старинный обычай сажанія князей на столъ замѣненъ, послѣ введенія царскаго и королевскаго титула, коронаціею или вѣнчаніемъ, по образцу византійскихъ и западныхъ коронацій въ цѣсари—цари и въ короли; являются вѣнцы или короны: болгарская, хорватская, сербская, польская, чешская, русская.

У князя были разныя должностныя лица, его намѣстники, *княжіе мужи* (русск.), *урядники* (чешское и польское), *чельники* (югославянское), которыхъ онъ бралъ обыкновенно изъ знати. Это тѣ паны польскіе, которые „persona króla znamionują“, тѣ болгарскіе боляре, „велемоштьнии землѥ, иже великою чьстию и имены славьны по достоинию почьтени бѣху отъ цара, имѣюште убо сьврьшену власть надь вьсѣми странами и грады землѥ вь мѣсто главы царевы, ему убо суште ꙗко творима братиꙗ“. При государѣ, при его дворѣ находились наивысшіе сановники земскіе и придворные, завѣдывавшіе разными отраслями администраціи, судомъ, финансами, военнымъ дѣломъ, дѣлами двора и хозяйства, и намѣстники по областямъ. Всѣ эти сановники составляли совѣтъ, вѣче, думу государя, были его совѣтники—думцы (рус.); это были бояре думцы (думные, рус.), кмети (западнославянск., югослав. и угор.), жупаны (вообще, хорв. и тоже угор.),

князья (кнезы, серб.); въ Польшѣ вмѣсто кметей являются позже паны рада, сенатъ. Эти должности были отъ части старинныя славянскія, основываясь на потребностяхъ государства и двора, отъ части чужаго происхожденія, образовавшись по примѣру чужихъ дворовъ, византійскаго, нѣмецкаго и пр. Названія этихъ должностей или свои славянскія или чужія (латинскія, латинсконѣмецкія, греческія); такъ на пр. сановникъ завѣдывающій письменными дѣлами, канцеляріею государя, назывался на Руси *печатникъ*; югозападные Славяне назвали его канцлеръ (лат.), южные позже логоѳетъ (греч.); въ Боснѣ назывался тоже *дьякъ*, что означало и на Руси секретарей (думные дьяки въ Москвѣ). Первымъ придворнымъ, дворскимъ, дворецкимъ сановникомъ (comes или zupanus palatinus) былъ *надворный жупанъ* (срв. угор. nádor ispán), дворскій кнезь и дворникъ (югослав.), дворскій—дворецкій (рус.), завѣдывающій дворомъ—дворцемъ князя, и по этому близкое къ государю лицо; въ Польшѣ назывался какъ полководецъ, *воевода* (но латин. palatinus comes). Дальше были судья (judex curiae, серб. дворскій судья), коморникъ (у запад. Славянъ, тоже у Хорватовъ и въ Боснѣ, изъ camerarius, тоже cubicularius), первоначально то что спальникъ, постельникъ, но потомъ тоже завѣдывающій княжескою коморою, казною, казначей, серб. казньць; владарь (чеш.) и дѣдъ (хорв.) завѣдывали княжескимъ хозяйствомъ; маршалокъ (marescalcus, agazo), первоначально конюшій (хорв. zupanus cavallarius), ловчій (venator), стольникъ (dapifer), чашникъ (югослав. тоже винотокъ, пехарникъ, pincerna), ключарь, мечникъ, и много другихъ подобныхъ имъ придворныхъ должностныхъ и чиновныхъ лицъ. Намѣстники князя назывались разнообразно, на Руси *посадники* (которыхъ князь „посадилъ" въ городахъ), позже *намѣстники* (въ городахъ) и *волостели* (въ волостяхъ), а съ XVII в. *воеводы*. У южныхъ Славянъ намѣстники назывались *жупаны* (угор. ишпаны), въ жупахъ, жупаніяхъ, градахъ, и тоже *кнезы* въ властяхъ (волостяхъ), кнежинахъ, и ихъ помощники—поджупаны и подкнежины; въ пограничныхъ областяхъ (бановинахъ — банатахъ, краиштахъ) были *баны* и *краиштники*. У западныхъ Славянъ намѣстники, живущіе по городамъ, назывались *кастеляны* (castellani). Какъ они называ-

лись по славянски, неизвѣстно; польскіе кастеляны носятъ уже во второй половинѣ XIII в. названіе *паны*, стало быть тоже самое названіе, какое носила высшая шляхта. Чешскіе кастеляны были „жупаны“ какъ члены жупанскаго (панскаго) сословія, а позже стали называться по нѣмецки *бургграфы (пуркрабіе)*, какъ переводили Нѣмцы и русское (новгородское) посадникъ. Это слово бургграфъ распространилось въ Польшу (burgrabia, помощникъ гродскаго старосты, въ Червоной Руси прежній воевода), и къ Хорватамъ (порколаб, поркулаб вмѣсто стар. градщак, грашћак). Чешское и польское *градодржье, грододзержа* (кастелянъ)—только книжныя названія XIV—XV вѣковъ. Другое названіе намѣстниковъ у западныхъ Славянъ было *староста* (capitaneus), которое перешло изъ Чехіи въ Польшу; Чехи замѣнили его потомъ нѣмецкимъ *гейтманъ*; но еще въ XV в. гейтманъ (намѣстникъ) моравскій назывался иногда староста. Польскій *воевода* (palatinus) остался, послѣ соединенія разныхъ княжествъ съ польскимъ государствомъ, королевскимъ намѣстникомъ въ прежнемъ княжествѣ, а въ позднѣйшемъ воеводствѣ. Воеводы и воеводства распространялись, съ конца XIV и въ XV в., тоже на Литву и въ югозападную Русь. Подлѣ этихъ княжескихъ намѣстниковъ, обыкновенно наивысшихъ начальниковъ военныхъ, гражданскихъ и судебныхъ, были въ ихъ округахъ другія должностныя лица, самостоятельныя или помощники намѣстника, судьи и приставы (рус., югослав., тоже извѣстны на Ранѣ) или коморники (чеш. и поль., по польски тоже возные), княжескіе управляющіе хозяйственными и нѣкоторыми судебными дѣлами (чеш. владари, поль. влодари, серб. владальцы, рус. тіуны), ловчіе, и др. Намѣстники часто назначались изъ знатныхъ родовъ землевладѣльцевъ той области, на пр. въ Чехіи и въ Польшѣ. Должность намѣстниковъ сдѣлалась наслѣдственною въ извѣстныхъ родахъ; такъ это было до недавна въ Хорватіи и въ Угріи, и въ нѣкоторыхъ областяхъ сербскихъ; такъ на пр. были наслѣдственные кнезы въ серб. кнежинѣ Старомъ Влахѣ изъ рода Рашковичей, въ южнодалмат. кнежинахъ (въ Грбалѣ) Лазаревичахъ, Бойковичахъ, Туйковичахъ, Любановичахъ, наслѣдственные войводы въ нѣкоторыхъ кнежинахъ Герцеговины. Такая наслѣдственность замѣчается иногда и при другихъ должностяхъ,

на пр. у московскихъ и тверскихъ тысячскихъ. Иногда старинное выборное начало заявляло свою силу, и народъ пользовался большимъ или меньшимъ вліяніемъ на назначеніе должностныхъ лицъ. Такъ на пр. въ сѣверноруссскихъ общинахъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, народъ выбиралъ себѣ не только своихъ народныхъ тысячскихъ (воеводъ), сотскихъ, старостъ, но тоже посадниковъ, первоначально княжескихъ намѣстниковъ, но въ послѣдствіи должностныхъ лицъ общинъ, которыхъ Новгородцы и Псковичи выбирали изъ извѣстныхъ боярскихъ родовъ. Также и русскія казацкія общины—войска выбирали себѣ своихъ старшинъ. Хорватскіе Поличане выбирали себѣ господина князя (кнеза), воеводу, и другихъ сановниковъ, хорватскіе Туропольцы—своего жупана, черногорскія племена—своихъ войводъ, и пр. Такъ это было и въ нѣкоторыхъ другихъ общинахъ въ Далмаціи, въ которыхъ встрѣтились начала славянскія съ римскими. Это выборное начало признавала часто сама государственная власть, на пр. Русь и Польша относительно казацкихъ старшинъ, Хорватія (Угрія) относительно туропольскаго жупана, Венеція относительно полицкаго князя; короли польскіе и великіе князья литовско-русскіе предоставляли шляхтѣ витебской и полоцкой выбирать себѣ воеводъ (прежнихъ намѣстниковъ) по ихъ волѣ. Разныя должности снабжены были имѣніями, поземельными участками или извѣстными доходами, которыми „урядники" временно пользовались. Въ Чехіи такія имѣнія назывались дѣдины кладскія (срв. русск. окладъ), hereditates, bona ad castrum pertinentia (срв. хрпол. terrae spectantes ad castellanum, ad venatorem), имѣнія по поводу жупы—должности (bona nomine suppae); поземельные участки принадлежащіе къ жупанству—къ должности сельскаго старосты, жупана у полаб. Сербовъ (mansi ad officium supanatus). Русскіе намѣстники и волостели и воеводы получали „въ кормленіе" города и волости, т. е. извѣстную часть доходовъ, пошлины судебныя, торговыя и др., кормъ (содержаніе), деньгами и натурою.

Равнымъ образомъ, какъ названія разныхъ начальниковъ родовъ, общинъ, государствъ, принимали, со временемъ и въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, разныя значенія, такъ это было и съ названіями должностныхъ лицъ. Такъ на пр. *кмети* у запад-

ныхъ и у южныхъ Славянъ вообще наивысшіе сановники земскіе и придворные, составлявшіе совѣтъ (западослав. раду) или думу государя, стали у Чеховъ въ XIV—XV вв. наивысшими судьями земскими; Поляки тогда уже забыли старинное названіе кмети, и называли ихъ ***рыцарями***; русскіе ***бояре думцы*** въ западной Руси стали называться на польскій ладъ ***паны рада***. ***Кастеляны*** въ Польшѣ теряютъ свое первоначальное значеніе княжескихъ намѣстниковъ, и на ихъ мѣсто вступаютъ ***старосты*** и ***воеводы***. На Руси ***посадники*** сохраняются только въ сѣверныхъ общинахъ въ значеніи сановниковъ общины, а въ другихъ земляхъ русскихъ вмѣсто нихъ являются ***намѣстники*** и ***волостели***, ***старосты***, ***воеводы***. Въ Сербіи жупаны—намѣстники исчезаютъ въ XV в., встрѣчаются потомъ очень рѣдко, и на ихъ мѣстѣ являются повсюду ***кнезы***, тоже ***войводы***, между тѣмъ какъ въ Хорватіи и въ Угріи намѣстники сохраняютъ это старинное названіе, жупаны (шпаны, ишпаны), до сихъ поръ. Чешскіе и польскіе ***жупаны*** стали называться ***панами***, а жупаны, жупари, жупцы были въ Польшѣ низшіе судьи, засѣдавшіе въ жупѣ, низшемъ судѣ земскомъ (не въ вѣчѣ): жупаны у полабскихъ Сербовъ (до XVI вѣка), равнымъ образомъ какъ и у Словенцевъ и Хорватовъ, сельскіе старосты—судьи. По мѣрѣ знакомства Славянъ съ чужими порядками, государственными и общественными, являются у нихъ чужія названія должностныхъ лицъ и должностей; къ стариннымъ уже давно принятымъ словамъ: князь, царь, краль, канцлеръ, дьякъ, коморникъ, маршалокъ, пуркрабіе-бургграфъ, гейтманъ и пр., являются у Болгаръ и у Сербовъ византійскія: кефалія (вм. жупанъ, а жупа, область—хора), кастрофилакъ, логоѳетъ, севастократоръ, протоспатаръ, кесарь, деспотъ и др.; турецкія: сердаръ, харамбаша, спахія и др.; у Русскихъ (казаковъ) татарскія: кошевой (атаманъ), асаулъ-есаулъ, бунчучный, паланка, и др., латинскія и нѣмецкія и др. (со временъ Петра Великаго): сенатъ, колегіи (министерства), губернаторы, оберъ-полиціймейстеры, гофъмаршалы, камергеры, шталмейстеры, и цѣлая вереница чужой номенклатуры гражданскихъ и военныхъ чиновъ и учрежденій.

Князья, соединяя общины, племена, въ одно политическое цѣлое, въ государство, оставили общину какъ вспомогательное

учрежденіе относительно взыскиванія разныхъ для поддержки новой государственной жизни необходимыхъ повинностей. Но не всегда такія общины (ополя, околицы, волости, верви, и пр.) годились для новой жизни; въ виду большаго единенія общинъ и племенъ надо было создавать новыя административныя единицы, округи, поручать ихъ своимъ людямъ, чиновникамъ, представителямъ новой власти, государства. Такіе новые округи назывались разнообразно. *Земля* могла быть очень обширная, русская, польская, но тоже поменьше, земля племени: земля кіевская („русская" въ тѣсномъ смыслѣ, также „польская" т. е. земля Полянъ), земля новгородская, земля польская (т. земля Полянъ по Вартѣ), земля мазовская, земля краковская, гдѣ „земля" означаетъ тоже самое что „княжество", а прежде и область племени, Полянъ-Руси, Словѣнъ, Мазовшанъ, Хорватовъ. Такія земли-княжества могли раздѣляться еще на меньшія „земли"; такъ на пр. мазовская земля раздѣлялась на десять земель—округовъ: такихъ „земель"—округовъ встрѣчается много у полабскихъ и балтійскихъ Ляховъ, такъ на пр. на Ранѣ было девять земель. То что земля, означало и *волость*, *власть*; на пр. на Руси была волость новгородская, т. е. вся земля, но были и волости новгородскія, т. е. провинціи (Заволочье, Пермь, Печора и др.), были волости—общины; обыкновенно же волость была подраздѣленіе земли. *Власти* – округи (об-власти), были тоже у Словѣнъ, Сербовъ, Болгаръ; „область" струмская въ юговосточной Македоніи называется въ XIV вѣкѣ тоже „жупа" струмская. У Словенцевъ *власть* (last)—имѣніе (dominium), а серб.-хорват. *владанье* можетъ быть государство и имѣніе. Чешское власть, родная земля, родина, польское влосьць (włość)—волость, именно сельская (włościanin—поселянинъ). Территоріальное значеніе имѣетъ слово *уѣздъ*, вообще земля, округъ „уѣханный", отмежеванный „разъѣздомъ", на Руси позже, съ XIV в., извѣстный округъ, что означаетъ и чешское *край*.

Древнее слово *жупа*, которое употреблялось въ разномъ значеніи, означало у южныхъ Славянъ тоже извѣстный округъ; такъ у Сербовъ и у Хорватовъ, у послѣднихъ тоже *жупанія* управляемая жупаномъ (а жупа потомъ приходъ, жупник — при-

ходскій священникъ), равнымъ образомъ какъ *кнежство*, *кнежина*, *кнежевина*, *кнежія*—округъ, управляемый кнезомъ; югослав. жупан и кнез, жупанія и кнежія часто означаютъ одно и тоже самое. У западныхъ Славянъ слово *жупа* не означало, по крайней мѣрѣ въ историческое время, округъ. У Поляковъ жупа—еще въ XIII в. повинность (beneficium—supa—stan, in annona, pecore, argento solvitur), можетъ быть „жупа"—повинность извѣстной жупы—ополя; дальше жупа въ XIII—XIV вв. должность (supa-officium), именно должность судьи-жупана, жупаря, жупцы, или самый судъ земскій (supa-judicium regale), въ которомъ засѣдаютъ жупари (supparii). Эти „жупцы" (supparii) встрѣчаются въ Мазовіи еще въ XV—XVI вв. какъ низшіе судьи (honorati et eorum supparii—czestnicy т. е. urzędnicy albo ich żupcy); но около половины XVI в. судъ жупцъ упраздняется (judicia zuppariorum palatinus delevit, sędziowie, podsądkowie ziemscy mają sądzić własnemi osobami a nie przez żupce). Также у Чеховъ жупа была должность, судъ (officium supae въ XIII—XIV в.), рядомъ съ другими судами; такъ на пр. еще въ полов. XIV в. существовали въ краѣ зноемскомъ суды: жупа, судъ крайскій, судъ владаря, судъ поправцы (in provincia znojmensi supa, judicium provinсionale, villicacio, popravcionatus); также и supparii были извѣстны въ Чехіи XIII в. У полабскихъ Сербовъ еще въ XVI в. (около Мишня) волость жупана-сельскаго судьи называлась жупанія. Древнепольскія „земли" или „княжества", въ которыхъ при дворѣ князя находился первый его кметь, воевода (comes palatinus), перемѣнились, послѣ исчезновенія княжествъ, въ *воеводства* (palatinatus), которыя раздѣлялись на земли или повяты.

Подобно тому, какъ у Поляковъ (вѣроятно и у Чеховъ) изъ „жупы"—общины (округа) стала „жупа"—должность и повинность (на пр. станъ), такъ и на Руси изъ слова *станъ*, т. е. мѣсто остановки (срв. чеш. станъ-шатеръ) князя или его мужа, боярина (путешествующаго, объѣзжающаго область, уѣздъ, собирающаго дань), сдѣлался *станъ* — округъ; и древнерусское *путь* приняло значеніе управленія извѣстными доходами, и самаго дохода, идущаго въ пользу „путнаго" боярина. Древнерусскій

погостъ—волость, округъ, и его центральное селеніе, не что иное, какъ мѣсто погощенія, угощенія князя и его чиновниковъ. Лихи называли эту повинность *гоститва, гостиница* (зерномъ и скотомъ), и она взималась въ Польшѣ съ ополя (волости). Округъ, жители котораго собирались на совѣщанія, вѣча, назывался *повѣтъ* (поль.), что позже стало въ Польшѣ и въ югозападной Руси подраздѣленіемъ земли, воеводства.

Средоточіемъ, столицею округа былъ обыкновенно *городъ*, къ которому—по древнерусскому выраженію—„тянула" его волость, т. е. обязана была нести разныя повинности по поводу города, которому населеніе его „владанья" должно было служить разныя службы, какъ выражались Хорваты. По этому — по древнесербскому опредѣленію—жупа есть „предѣлъ града", что означаетъ и угорско-славянское *вар-међа* (угор. vármegye), т. е. межа вара, вароша (града), хорват. *градска међа (међа)*; а также и на Руси думали, что не можетъ быть „городъ безъ уѣзда". Многіе города существовали давно до образованія государства, да они сами сдѣлались „государствами", какъ на пр. сѣверно-русская община Новгородъ, столица обширной земли. У такихъ „старшихъ" городовъ были свои *пригороды* (рус.), которые находились въ извѣстной зависимости отъ первыхъ; можетъ быть, что ляшскіе (балт.-слав. и польскіе) *пригарды* и *пригродки* были первоначально такіе же пригороды. Большою самостоятельностью пользовались тоже города въ поморскомъ княжествѣ, особенно Щетинъ. Послѣ образованія государства города дѣлались центрами новыхъ административныхъ округовъ, которые у западныхъ Славянъ назывались *кастелянія*, по-польски *гродство* (такъ переводится castellania въ XV в.). Можетъ быть, что и Чехи знали это слово, судя по названіямъ городскихъ округовъ Прахен*ско*, Бръне*нско* (прилаг. сред. р. отъ названій городовъ Прахень, Бръно); на другомъ мѣстѣ надо подразумѣвать и княжество (kněžstvo): Луцко, Злицко (княжество Лучанъ, Зличанъ), которыя позже измѣнились въ Жатецко, Куримско (градство?). Такъ какъ въ томъ городѣ находился судъ, то у всѣхъ Ляховъ (польскихъ и балтійско-полабскихъ) слово *гродъ*, *гардъ*, употреблялось и въ смыслѣ суда. У Хорватовъ судъ жу-

пы (состоявшей изъ нѣсколькихъ племенъ), завѣдываемый ротнымъ (присяжнымъ) жупаномъ (шпаномъ), кнезомъ или подкнежиномъ съ ротными судцами, назывался *столъ*, вѣроятно по столу находившемуся въ центральномъ городѣ или селѣ жупы; такой каменный столъ находился еще въ концѣ XVII в. въ общинныхъ избахъ хорватскихъ общинъ Истріи, гдѣ народъ выбиралъ жупана — судью. По такимъ столамъ или столицамъ-судамъ вѣроятно назвались городскіе округи у Словаковъ *столицы*. Подобно тому и слово *лава*, *лавица* (скамья, лавка, псковское лавица), въ которыхъ засѣдали судьи, у Чеховъ и Поляковъ приняло тоже значеніе самаго суда (польскіе лавники—судьи въ городскомъ судѣ, нѣм. scabini, schöppen).

Государство оставило прежнія повинности общинъ, и вводило новыя, взыскивая ихъ съ такихъ общинъ (ополей, волостей и пр.), которыя еще долго составляли административныя, судебныя и податныя единицы. Повинности распространялись на всѣхъ жителей округа, на всѣхъ *жуплянъ* (серб.), *волощанъ* (рус.); всѣ они должны были нести разные налоги и повинности, имѣющія въ виду разныя потребности государства и князя. Налоги деньгами и натурой, были — смотря по тому, давались-ли или брались-ли — разнообразная *дань*, *дажда*, *дача*, *подача*, *подачка*, *данькъ*, *поданькъ*, или *берня*, *бирь*, *берщина*, *боръ*, *поборъ*. Дани платились первоначально по большей части натурою, разными произведеніями и предметами сельскаго хозяйства или охотничьяго, рыболовнаго промысловъ, на пр. зерномъ (*сепъ*, *осепъ*, *осопъ*, югослав. *наметькъ* житній, у Сербовъ тоже *соћ* изъ латин. socagium, въ западной Руси *дякло* изъ литов.), скотомъ (что называлось волоберщина или просто волъ, корова, овца, свинья, наметькъ овчій, свиній), медомъ (медовое), льномъ, полотномъ, рыбами, дичью, шкурами звѣрей, мѣхами, и пр. Всѣ эти предметы замѣняли у Славянъ деньги, и по этому дррус. *скотъ* означаетъ не только скотъ, но тоже деньги (срв. латин. pecu-pecunia). Золото и серебро съ начала вѣсились, и славянская *гривна* была первоначально золотое или серебряное ожерелье на подобіе гривы, и только позже извѣстный вѣсъ метала, представляющій извѣстное количество денегъ, равнымъ обра-

зомъ какъ и русскій *рубль*—отрубленный кусокъ серебра (въ Польшѣ XV в. считался вѣсомъ: rubl albo funt, ruble podle wagi); такъ и *цата* (цята, цета), первоначально извѣстное украшеніе, потомъ монета. Дань, платимая серебромъ (вообще деньгами, срв. argentum—argent), называлась въ югозападной Руси до XVI вѣка *серебрщина* (серебщизна). У Славянъ первоначально были въ обращеніи чужія монеты, римскія, итальянскія, франкскія, нѣмецкія, византійскія и пр., и только позже Славяне стали чеканить свою монету. Названія монетъ у Славянъ по большей части не славянскаго происхожденія: солиды, сольдины (solidus), денаръ, динарь (denarius), грошъ (grossus, grosso, съ XIV в. особенно чешскій грошъ распространившійся въ Польшѣ и на Руси), аспра (ἄσπρον) и перперъ, перпера (у юж. Славянъ, греч. ὑπέρπυρον), пѣнагъ, пѣназь (пенязь, pieniądz, peniz, нѣм. pening, pfenig), штьлагъ, щлягъ, склазь (златица), стлазь (поль. szeląg, нѣм. skiling, skilings, schilling), извѣстный на Руси уже въ древнѣйшія времена, скотъ (scotum, scotus, нѣм. skatta, schatz, можетъ быть изъ славян. скотъ), извѣстный тоже въ Польшѣ XIII—XVI вв. (scotus, по поль. skot, skotec), алтынъ и деньги (татар.), и другія названія златицъ, златниковъ (червонцевъ, дукатовъ), и сребрениковъ. Но такъ какъ наличныхъ денегъ было мало, то все еще замѣняли деньги разные продукты промышленности. Славяне въ Германіи платили дань серебромъ, медомъ, шкурами, льномъ и полотномъ (paltena уже въ IX в.); у Чеховъ въ X в., а на Ранѣ въ XII в. денежные знаки замѣняли платочки весьма тонкой ткани. Можетъ быть, что слав. платъ (pannus, платье, платокъ, платно—полотно, плащъ) имѣетъ извѣстную связь съ платъ—плата, платить. Денежными знаками служили особенно шкуры, мѣха разныхъ звѣрей, кунъ (куницъ), вѣкшъ, бѣлъ (бѣлокъ), веверицъ, лисицъ и пр., цѣлые мѣха или отрѣзанные куски кожи, цѣна которыхъ опредѣлялась въ отношеніи къ серебру. Эти названія шкуръ стали въ послѣдствіи означать и денежные знаки, монету, когда вмѣсто такихъ шкуръ давно употреблялись металическія деньги. Славяне на нижней Лабѣ въ землѣ ратиборской платили въ началѣ XIII в. извѣстную подать *куновое* (census scilicet decima et chunowe). Въ Польшѣ въ XIII

вѣкѣ платили тоже кунами, и гривна кунъ (marca cunarum) равнялась третьей части гривны серебра; а въ XIV в. платилось судьямъ либо серебромъ (гривнами, скотами), либо шкурами и кожухами (шубами), при чемъ три гривны равнялись тремъ куньимъ шкурамъ. Въ Хорватіи и вообще въ Угріи государственная дань называлась еще въ XV в. куны (marturinae, collecta mardurinalis, хорв. куновина?); но это было тогда только названіе перенятое съ древнѣйшихъ временъ, гдѣ подданные люди вносили дѣйствительно по куньей шкурѣ, называясь по этому куничники; съ XII в. куною называлось уже извѣстное количество денегъ (12—18 денаріевъ). Также и въ Угріи эти mardurinae въ XIII в. платились шкурами или деньгами (pelles mardurinae seu census pro eisdem, у Словаковъ турчанскихъ и липтовскихъ). На Руси кожанныя деньги сохранились отъ части до XVIII в.; но и здѣсь куна и куница означало со временемъ извѣстное количество денегъ. Такъ въ XV в. въ Новгородѣ обыкновенная дань называлась черная куна; собирали ее (куницы, бѣлы и рубли) чернокунцы, а чрезвычайную дань, черный боръ, черноборцы. Дань куничная, куница (въ нѣсколько грошей), которая отличается отъ дани грошовой, медовой, бобровой, платимая куничниками, людьми куничными, была извѣстна въ западной Руси еще въ XVI в.; особая же куница—плата за выдаваемую за мужъ дѣвушку, платилась во всей Руси до XVII вѣка. Бѣлка (писчая) была еще въ XV в. извѣстная плата (за перепись земли); 100 бѣлъ равнялось одному рублю, куній мѣхъ цѣнился меньше чѣмъ въ одинъ рубль. Со временемъ, когда наличныхъ денегъ стало больше, разныя дани натурою замѣнялись денежными данями; такъ на пр. въ Польшѣ въ XV в. медовое замѣнялось денежною данью $^1/_2$ гроша, въ западной Руси въ XVI в. бобровщина платилась грошами (дань бобры або за бобра по 45 грошей).

Дань платилась въ извѣстный срокъ, и по этому называлась *нарокъ*, *урокъ*, *оброкъ*. Она платилась миромъ (общиною) ради мира (мира для, рус.), и вѣроятно по этому у Чеховъ и Поляковъ называлась *миръ*. Дань платилась съ земли, по землѣ, и по этому въ Новгородѣ извѣстная дань называлась *поземъ*. Податною единицею было *рало* или *соха* и *плугъ*, т. е. извѣстный

участокъ земли обработываемый раломъ или плугомъ, у Чеховъ называемый *поплужіе*. Между этими двумя земледѣльческими орудіями и мѣрами была та разница, что тяжелый плугъ считался вдвое большимъ рала, и по этому и дань съ плуга была въ двое больше; такъ на пр. въ Польшѣ въ XIII в. платили съ плуга 9 скотовъ, а съ рала $4^1/_2$ скота (de magno aratro hoc est de pługone 9 scoti, de parvo aratro—unco—quod *radło* dicitur $4^1/_2$ scoti). У балтійскихъ Ляховъ на нижней Лабѣ еще въ концѣ XVII в. *радло* (древній uncus, slavicum aratrum, нѣм. hacke) отличалось отъ *плуга*; *ратай* (вм. *оратай*) былъ тотъ, который не „плужилъ“, а „оралъ“ раломъ съ двумя волами; въ нѣкоторыхъ польскихъ земляхъ до сихъ поръ отличается *ратай*—пахарь съ волами (волярь) отъ *орача*—пахаря съ конями. На Руси уже въ древнѣйшія времена взималася „дань отъ рала“, и „дань отъ плуга“, а въ послѣдствіи „по сохѣ“; такъ на пр. въ XV в. новгородскій черный боръ взимался „по старинѣ съ сохи по гривнѣ, а въ соху два коня да третьее припряжь, плугъ за двѣ сохи“; при этомъ считались неводъ, лавка, ремесло за соху, а ладья за двѣ сохи. Въ Новгородѣ кромѣ плуга и сохи была еще третья до́ сихъ поръ въ сѣверной Руси извѣстная мѣра земли подъ пашню, *обжа* (отъ: обжать, обжинать), треть сохи: „обжа, одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ, а кто на трехъ лошадяхъ оретъ, ино то соха“ — объясняли Новгородцы вел. князю Ивану III. Въ Псковѣ и военная повинность отбывалась посошно, т. е. съ десяти сохъ человѣкъ конный. Въ югозападной Руси дань серебряная, *серебщина*, взималась тоже съ сохъ (отъ каждое сохи оромое по пяти грошей, отъ сохи по 30 грошей, и пр.), до второй половины XVI вѣка. Дань по ралу или по сохѣ, называлась у всѣхъ Ляховъ (балтійскихъ и польскихъ) *порадльное* (poradlne, гдѣ надо подразумѣвать *мыто* т. е. плата), въ сѣверной Руси *поральное, поралье, поральское серебро*, въ югозападной Руси *посощина*, что и была серебщина. Чехи, судя по слову поплужіе, называли эту дань вѣроятно *поплужное*. Кромѣ рала и плуга податною единицею была тоже усадьба, *дворъ* и его огнище, очагъ, *дымъ*; такъ уже въ древнѣйшія времена на Руси платили дань отъ двора, отъ дыма; дань (мыто) отъ двора назы-

валась въ Польшѣ *подворовое*, а дань отъ дыма у всѣхъ Славянъ *подымщина*, *подымное*, *дымнина* (*дымина*), *дымница*; въ югозападной Руси подымщина была такая же серебщина, что и посощина, въ Польшѣ еще въ XVI в. главная государственная дань (королевство, królestwo) было *podymne albo poradlne*, которое взималось уже не съ „дыма" или „рала", а съ новыхъ полевыхъ мѣръ, съ волоки (влоки) и лана (нѣмец.); также и въ Хорватіи въ XVI в. взимались fumi, pecuniae fumales. На Руси земли облагались данью—какъ выражались въ XV вѣкѣ—„по сохамъ и по людьямъ"; по этому извѣстная дань на Руси называлась, съ древнѣйшихъ временъ до XVI в., *полюдье*. Такое полюдье собирали русскіе князья уже въ X в., объѣзжая свои земли; оно встрѣчается въ XII в. въ земляхъ новгородской и смоленской (кромѣ дани платимой гривнами), а въ югозападной Руси, въ земляхъ кіевской, мозырской, могилевской и свислочской, еще въ первой половинѣ XVI в.: полюдье, полюдное, полюдованье, собиралось здѣсь, кромѣ дани, грошами, куницами, лисицами и медомъ; мозырскій намѣстникъ объѣзжая волости, получалъ въ годъ полюдья „по носаткѣ меду и по лисици съ каждого дыму". Такъ называемая добровольная подать или *даръ* подданныхъ называлась у всѣхъ Славянъ *поклонъ*, *поклона*, *поклонное*.

Кромѣ разныхъ податей, деньгами и натурой, было много чрезвычайно разнообразныхъ повинностей, къ которымъ были обязаны жители общинъ и округовъ, жупляне (серб.), волощане (рус.), относительно государства и князя. Это—*земскія повинности*, *работы* или *роботы*, великія и малыя, *службы*, и пр., и ихъ совокупность составляла *право славянское* (jus slavicum, у балтійскихъ Славянъ), чешское, польское, русское, въ противуположность праву чужому, нѣмецкому. Одной изъ самыхъ важныхъ повинностей была *военная служба*, которая и называлась *война* (поль.), *войска* или *войница* (серб.), *войщина* (хорв.), и которая сохранилась до позднѣйшихъ временъ въ русскомъ ополченіи, польскомъ посполитомъ рушеніи, хорватско-угорской инсурекціи (устанкѣ), чешской готовости валечной. Военная служба была главною обязанностью знати, но тоже и остальнаго населенія. На Руси и въ древней Польшѣ (X—XI вв.) была

отборная военная княжеская *дружина*; возлѣ нея были и народные *вои* (русск.) подъ своими тысячскими или воеводами, сотскими или сотниками и др. начальниками, которые встрѣчаются у всѣхъ Славянъ и какъ начальники военные. Службу военную несло особенно населеніе на границѣ, стоя на стражѣ у главныхъ входовъ (бранъ, бронъ, воротъ) въ землю, и вообще на окраинахъ (краинахъ, украинахъ, краищахъ); такое пограничное войско составляли чешскіе *ходы*, русскіе *казаки*, хорватско-сербскіе *краишники* (граничары). Болгарскіе *войники* во время турецкаго владычества, были обязаны къ извѣстной воинской службѣ, но за то были свободны отъ всѣхъ повинностей и налоговъ и владѣли своими свободными баштинами. Вооруженіе и способъ воеванья у Славянъ были во многомъ сходны, какъ сходны и названія оружій (мечъ, копье, сулица, лукъ, щитъ, праща-пракъ-порокъ, прилбица и пр.), и другихъ военныхъ порядковъ (трубы, бубны, возы, засѣки и пр.). Такъ въ VI в. словѣнское войско въ Мизіи воевало окруженное возами, Русскіе бились на Калкѣ съ Татарами изъ „города въ колѣхъ“, и такой возовый „городъ“ (укрѣпленіе) встрѣчается у Чеховъ, которые его усовершенствовали (возова градба, таборъ), у Поляковъ (таборъ, обозъ) и Русскихъ (казацкій таборъ). Дунайскіе Словѣне въ VI в. бросались въ сраженіе пѣшіе, полунагіе, безъ рубахъ и плащей, только въ гащахъ (штанахъ), а въ XIII в. русскіе Новгородцы „ссѣдше съ конь и порты и сапозѣ сметавше боси поскочиша“. Чехи противъ нападающихъ враговъ „зарубляли лѣсъ“, дѣлали „засѣки“; Русскіе въ лѣсахъ „засѣкались“ отъ враговъ, засѣкали пути, дѣлали въ лѣсу „осѣки“ и „тверди“, какъ и Поляки (osecones et firmitates). Разумѣется, что Славяне тоже принимали разные военные порядки и ихъ названія отъ иноплеменниковъ, съ запада и съ востока; такъ уже въ древнѣйшія времена приняты отъ Нѣмцевъ слова шлѣмъ (шеломъ, hilms, helm), стягъ, стегъ (знамя, stange), брънию (чеш. brnění, brunja), и позже много другихъ, такъ что военная терминологія у Славянъ испещрена множествомъ словъ нѣмецкихъ и французскихъ. Въ XV в. чешская военная терминологія, отъ части славянская, отъ части уже нѣмецкая, распростра-

нилась въ Польшу и на Русь (пушки—гуфницы, тарасницы, пищали, гейтманъ—гетманъ). Съ другой стороны Славяне приняли и отъ Турокъ и отъ Татаръ колчанъ, кольчугу, дзиду (копье), карабелу, буздыганъ—буздованъ, булаву, бунчукъ, ханджаръ, ятаганъ, и пр. Къ военной повинности принадлежали разныя работы относительно главнаго военнаго центра округа, *города*; надо было городъ дѣлать, рубить, зидать, твердить, поправлять, какъ это хорошо опредѣляетъ сербскій законъ „о зиданіи града: где се градь оборить, да га направе граждане того града и жупа што есть предѣль того града". Надо было строить и поправлять стѣны и укрѣпленія, разныя избы, хижи, дома, копать рвы или перекопы, строить мосты и дороги; стеречь, блюсти городъ (градоблюденіе, стража—строжа—сторожа), и пр. Эта повинность, называемая часто просто *городъ* (*гродъ*, *градъ*), была очень важна, и по этому рѣдко причислялась къ льготамъ, которыя жаловалъ князь землевладѣльцамъ.

Очень разнообразны и тяжелы были разныя повинности, относящіяся къ особѣ князя, къ его двору и хозяйству, къ его дружинѣ, прислугѣ, чиновникамъ, гонцамъ посламъ, и пр. Надо было доставлять имъ во время объѣздовъ, путешествій, охоты—провожатыхъ, возы, коней, что называлось *проводъ*, *преводъ*, *подводъ*, *повозъ*, *поѣздъ* (*поѣзда*); надо было доставлять имъ квартиру, гдѣ бы могли остановиться, приселиться, залазить (залѣзти), ночевать; эта повинность называлась *станъ* (поль., рус., серб.), *приселица* (серб., болгар.), *залазъ* (хорват., descensus vulgariter zalaz, вѣроятно и *залазина*), *ноцлегъ* (чеш.); надо было доставлять пищу и кормъ (*нарѣзъ* у запад. Славянъ, *кормъ* рус., *зобъ* хорв., *позобъ* серб., *зобы* болг.), вообще ихъ угощать (*гоститва* у балт. Славянъ), содержать коней, псовъ и соколовъ и псарей и соколарей (что и называлось *конь*, *песъ*, *соколъ*, *псари*, *соколари*), и пр.; надо было отправлять разныя полевыя работы (дррус. *посошную службу*), оранье (паханье), жатву, сѣнокосъ, сѣнокошу или сѣножать, и пр., въ лѣсахъ производить вырубки, *прѣсѣку* (у запад. Славянъ), и т. д. Память о многихъ повинностяхъ цѣлыхъ селеній сохранилась до сихъ поръ въ ихъ названіяхъ, указывающихъ не только на занятія, но и на повин-

ности жителей: Скотники, Конюры, Волары, Кравары, Овчары, Свиняры, Бортники, Ульяры, Бобровники, Рыбары, Псары, Соколары (Сокольники), Пекары, Кухары, Виняры, Ковары (Ковале), Колодѣе, Здуны, Дегтары, Решетары, Златники, Рудники, Водѣрады (радить—работать), Щитары (Щитники), Корабники, Стрѣльце, Ратае, Полерады, Земѣтѣги, Сѣножаты, Слуги, и пр. Были тоже добровольныя полевыя работы, которыми первоначально помогали сосѣди другъ другу, но которыя со временемъ сдѣлались отъ части тоже повинностями относительно господина это ***толока*** (***тлока, тлака,*** литов. talka), ***помочь,*** извѣстныя до сихъ поръ многимъ Славянамъ, ***моба*** (т. е. мольба) у южныхъ Славянъ, ***повαба*** (поль., чешско-морав., повабить — позвать— пригласить), ***ласка*** (чеш.), все старинныя слова и обычаи; такъ на пр. въ XIV—XV вв. въ краковской землѣ на полевыя работы созывали кметей на повабу, тлоку, помоць (convocatio kmetonum quae dicitur *powaba* vel *tloka* sive *pomoc*); толоки встрѣчаются въ XV—XVI вв. въ югозападной Руси, на пр. въ бѣльской землѣ. Эти разныя повинности со временемъ тоже превращались въ денежныя дани, мыта (цла, царины, пошлины), мостовое—мостное, повозное и др.; такъ на пр. уже въ XIII в. въ Польшѣ строжа замѣнялась данью шкурами, станъ данью зерномъ и серебромъ, въ Чехіи повозъ или поѣзда тоже денежною платою.

Дани и повинности распредѣлялись, налагались (срв. налогъ), „рубились, разрубались, метались, розметались, приметались, наметались“ (дррус.) на общины—волости, погосты, ополя, жупы, и назывались на Руси ***меты, розметы, приметы, наметы,*** у Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ ***наметы, наметки.*** Древнерусское ***рубить*** (обрубать—распредѣлять, обкладывать), древнеполь. ***вржб*** и ***поржб*** (wrąb et osep, porąb pogłowny)—извѣстная плата, подать, дрчеш. ***врѣз*** (vřez)—тоже извѣстная плата, серб. ***порез, пореза*** — подать, указываютъ вѣроятно на способъ отмѣтки такой дани и платы на кускѣ дерева, на биркѣ (чеш. ***вруб***), какъ и Сербы до сихъ поръ говорятъ: порез разрезати, порезу порезати т. е. дань распредѣлить. Названія волостей — общинъ, погостъ, ополе, жупа, употреблялись тоже въ смыслѣ повинностей, налоговъ. Въ Польшѣ въ XIII в. разныя повинно-

сти отправлялись ополемъ (solutiones ratione opole, stroža provinciae opole, vacca et bos pro usu ducalis mensae de vicinia); въ Сербіи въ XIV в. были приплаты жупскія, работы у жупу. На Руси въ XVI в. населеніе волости „тянуло" къ волостному старостѣ и къ сотскимъ, которые сами собирали по селамъ поборы для княжескихъ чиновниковъ и вообще смотрѣли за отправленіемъ повинностей тяглыхъ людей; въ западной Руси по волостямъ были старцы серебреный и медовый. Такія же обязанности, какъ русскіе старосты и сотскіе, имѣли древнехорватскіе сатники.

Всѣ эти дани и повинности тяготѣли первоначально на всѣхъ сословіяхъ, подчиненныхъ одному общему земскому праву. Со временемъ, когда особенно духовенство получало отъ благочестивыхъ князей и землевладѣльцевъ все больше земель и подданныхъ „за душу" жертвователей, какъ „задушіе, задушнину, душниковъ" (какъ говорили западные и южные Славяне), то духовнымъ землевладѣльцамъ (а потомъ тоже свѣтскимъ) удалось пріобрѣсти себѣ извѣстныя льготы (оттуда названіе Льгота нѣсколькихъ сотъ селеній въ земляхъ чешскихъ и польскихъ), освободить себя и своихъ подданныхъ отъ значительной части этихъ повинностей, отъ которыхъ остались только самыя важныя, именно военная служба и государственная дань. У западныхъ Славянъ эти тяжелыя повинности устранялись тоже введеніемъ такъ называемаго нѣмецкаго права, жалуемаго новымъ колонистамъ нѣмецкимъ а потомъ и своимъ славянскимъ селянамъ; по этому праву колонисты и вообще поселяне дѣлались собственниками своихъ земель (bona emphyteutica, чеш. zbožie platná), вносили извѣстную ежегодную плату (чеш. по старому úrok, płat úročný, поль. czynsz, западнорусск. *чиншъ*, изъ census, zins), и за то были освобождены отъ государственныхъ повинностей и пользовались самоуправленіемъ. Но съ исчезновеніемъ государственныхъ повинностей въ частныхъ княземъ пожалованныхъ имѣніяхъ, такія повинности не прекратились, а продолжали существовать и умножаться, въ послѣдствіи и въ селеніяхъ на правѣ нѣмецкомъ—какъ частныя повинности подданнаго люда къ его господамъ, которые не преминули основательно пользоваться трудомъ своихъ мужиковъ, сгоняя ихъ на роботу, работу, на властельскія, господскія рабо-

ти, на панщину (панщизну) или барщину. Справедливо могъ чешскій кметь XIV в. сказать своему пану: „Pane mój, jázť jsem boží človĕk i tvój“, а хорватскій кметь XV в.: „Господине, то je све боже и твоје“; по этому въ нѣкоторыхъ югозападныхъ сербскихъ областяхъ (въ XIV—XV вв.) подданный крѣпостный человѣкъ назывался властиħ, принадлежащій (властить) своему господину. Долго оставалось правдою, не только въ смыслѣ общественномъ но тоже юридическомъ, древнесербское: „Вси људие нису једнаци, јесу властеле и јесу кметиħи, како то у Србљехъ и по всемь свѣту"; долго оставалось печальною правдою, на что въ XVII в. жалуется Полякъ Старовольскій: „Gdy się ubogi człowiek do prawa ucieczе, zaraz mu mówią: Nie dla was to piszą statuty, smerdowie, ale dla panów". Уничтоженіе льготъ и привилегированныхъ сословій, равенство всѣхъ гражданъ государства, въ смыслѣ юридическомъ, передъ закономъ, составляетъ пріобрѣтеніе только новѣйшихъ временъ.

6. Народныя собранія.

Общины, большія и меньшія, собирались, скуплялись, „сънимались, снимались" на сходки, чтобъ на нихъ говорить, вѣтить, вѣщать, совѣщаться о своихъ дѣлахъ. Такія сходки назывались *соборъ* (съборъ, сьборъ, сабор, сбор), *сеймъ* (сънъмъ, санам, са-[illegible], [illegible]), *вѣче* (вѣште, вѣħе, вѣце), *громада* (у запад. и восточ. Славянъ), *копа, купа* и *миръ* (русск.), *скупштина*, [illegible] (югославян.), [illegible] (=община у Словенцевъ) и пр. Разныя эти названія означали вообще какую бы то ни было сходку членовъ общины, представителей общины, земли, государства. Такъ *соборъ* (*съборъ*) въ Сербіи XIV в. означалъ сходку, собраніе [illegible] ([illegible]), [illegible]; вмѣстѣ съ тѣмъ тоже собраніе представителей сербскаго и болгарскаго государства, боляръ, властелъ, собранія великихъ общинъ (купни сбор [illegible], сабор въ Дубровникѣ, [illegible] сабор и вѣће въ Черной Горѣ), парламентъ, какъ онъ до сихъ поръ и называется у Словенцевъ (сбор) и у Хорватовъ и Сербовъ (сабор); [illegible] Сербія [illegible] слово скупштина, [illegible] и [illegible] Хорватовъ [illegible] у [illegible]

Славянъ до сихъ поръ и сходки сельскихъ общинъ. Сборами назывались въ Червоной Руси XVI в. сходки поселянъ, а въ Великой Руси соборы были собранія представителей народонаселенія. Чешскій и польскій *sbor* былъ вообще собраніе, позже и религіозныхъ обществъ, на пр. чешскихъ братьевъ. ***Сѫньмъ*** былъ вообще всякая сходка; такъ на Руси снемъ и сонмъ то что съѣздъ князей, сходка войска; дрхорв. санам—сходка общины, сајам (полицкій) то что сбор, купни сбор, вѣче полицкое, самнь—торгъ; польскій съемъ (sjem, позже sejm) и чеш. снѣмъ (sněm)—парламентъ представителей народа (шляхты), но первоначально тоже сходка вообще (срв. дрполь.: snimanie albo sebranie, и дрболг.: царь повелѣ сънити ся събору). ***Вѣче*** вообще сходка (на пр. на Руси и сходка войска), сходка общинъ, какъ такія сходки назывались на Руси, у Хорватовъ и у Сербовъ; древнечешское вѣце — сходка, собраніе. Въ Польшѣ еще въ XVI в. ***вѣце*** означало сельскій судъ, и сюда принадлежатъ тоже слова ***повѣтъ*** (powiat) и ***вѣтница***; но дрпольское вѣце (посполитое, великое), означало тоже съѣздъ князя—короля и кметей для судебныхъ дѣлъ, наивысшій судъ, на которомъ рѣшались болѣе важныя дѣла, и издавались законы (до XV в.), позже тоже суды или т. н. роки вальные или великіе по воеводствамъ (въ XVI в.). *Громада* у западныхъ и отъ части у восточныхъ Славянъ сходка поселянъ, господарей; „громада сябровъ (себровъ)“ до сихъ поръ въ курской губерніи сходка поселянъ—хозяевъ, имѣющихъ право голоса въ своей „сябровщинѣ“ т. е. общинѣ (срв. выше дрсерб. „сьборь себровь“). То что громада т. е. количество, масу людей, означаетъ и *копа, купа*. какъ назывались до XVIII вѣка въ югозападной Руси сходки, сельскіе суды громадъ, сосѣдей, мужей господарей, купниковъ, собирающихся на коповища на копный (купный) судъ, коповать по копному праву; съ западнорусской купою срв. хорватско-сербскую скупштину, скуп и часто встрѣчающееся скупити се на куп, на вкуп, свећати се (совѣщаться) на купи, в купѣ, с купа, и пр. Русскій ***миръ***— община, сходка, тоже такая громада, купа, количество людей, равнымъ образомъ какъ и словенское *жупа*. Сходка сербской общины или нѣсколькихъ общинъ называлась ***станькь***, нынѣ

састанак. Запорожскіе казаки назвали свое вѣче по-польски *рада*, донскіе, яицкіе и др. по внѣшней формѣ—*кругъ*, что соотвѣтствуетъ и польскому *коло* — собраніе, шляхты (koło senatorskie, koło rycerskie), въ сеймѣ, на войнѣ. Такъ и въ народной русской поэзіи калики становятся во единой кругъ, думаютъ думушку единую, и выбираютъ большаго атамана.

Вѣчевое устройство славянскихъ общинъ замѣтили уже Византійцы VI вѣка; по ихъ наблюденіямъ у дунайскихъ и днѣпровскихъ племенъ славянскихъ не было такой монархіи, какъ въ византійскомъ царствѣ, а съ древнѣйшихъ временъ у нихъ самъ народъ управляетъ собою по стариннымъ законамъ и совѣщается сообща о всѣхъ своихъ дѣлахъ. Шесть вѣковъ спустя тоже самое разсказываетъ русскій лѣтописецъ о восточныхъ Славянахъ, что у нихъ изъ начала всѣ власти (волости, земли), Новгородцы, Смольняне, Полочане, Кіяне и др. сходятся на думу на вѣча, и на что старѣйшіе городы сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ. Вѣчевое устройство общинъ сохранилось, болѣе или менѣе, и послѣ образованія великихъ монархій славянскихъ, въ польскихъ ополяхъ, въ русскихъ копахъ и волостяхъ, въ хорватскихъ общинахъ и пр. Въ сходкахъ общинъ (вѣчахъ, соборахъ, снемахъ) участвовали, съ правомъ голоса, господари—хозяева, родовые или семейные начальники, какъ это водится до сихъ поръ въ сельскихъ сходкахъ; старики, старцы, пользовались особымъ почетомъ; остальные члены общины присутствовали по всей вѣроятности безъ права голоса. Вѣче совѣщалось и рѣшало о всѣхъ дѣлахъ общины, единогласно; присутствовали первоначально высшіе и низшіе класы, боляре, земяне, и простой людъ, кмети, себры и т. д. Такъ это было и въ позднѣйшія времена на вѣчахъ общинъ русскихъ, хорватскихъ, лютичско-поморскихъ. Да и ополяченная шляхта русская въ югозападной Руси не всегда и вездѣ чуждалась копъ, и участвовала въ нихъ вмѣстѣ съ людомъ, какъ на пр. околичная шляхта въ сѣверной части кіевской земли. Но иначе шляхта, подчинивши себѣ людъ, относилась враждебно къ такимъ проявленіямъ народной жизни; сербское государство и властельство на своемъ соборѣ запретило соборы себровъ, и властельство въ общинахъ далматскихъ также устраняло простой народъ отъ участія въ вѣчахъ.

Старинное устройство вѣчевое сохранилось особенно на Руси. Повсюду въ общинахъ, городскихъ и сельскихъ, собираются вѣча, болѣе или менѣе важныя; вѣча въ центрахъ волостей, земель—княжествъ, въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и др., были конечно самыя важныя. На вѣче являлись князь съ боярами и остальною дружиною, должностныя лица общины, находящіяся въ должности и прежнія (старыя), тысячкіе, сотскіе, старосты и всѣ „старѣйшины" или „старцы" городскіе, всѣ свободные мужи, люди вятшіе и меньшіе, черные; они участвовали въ вѣчѣ лично, а не черезъ представителей. Всѣ собравшіеся на вѣчѣ обсуждали разнообразные вопросы политическіе, военные, финансовые, судебные, и законодательные (на вѣчахъ составлены и утверждены судныя грамоты псковская и новгородская). Рѣшеніе должно было состояться по соглашенію всѣхъ, единогласно. Если такое соглашеніе не послѣдовало, то начинались споры и драки партій, вооруженная борьба кончанъ (жителей концовъ), возстанія черни, чернаго народа, людей меньшихъ, на бояръ, людей вящихъ, кровопролитныя междоусобицы, чѣмъ особенно богата жизнь общины новгородской. Власть вѣча обусловливалась большею или меньшею властью князя; если власть князя слабѣла, усиливалась власть общины, вѣче прогоняетъ князя, призываетъ его на извѣстномъ договорѣ (рядѣ), и вообще раздѣляетъ съ нимъ власть. Вѣча созывались вѣчевымъ колоколомъ, „созвонились", княземъ должностными лицами и наконецъ всякимъ мужемъ, на извѣстныхъ пространныхъ мѣстахъ, на торгахъ или другихъ площадяхъ, около церквей и пр.; здѣсь бывали ступени для ораторовъ. Вѣчевый приговоръ или вѣчная грамота издавалась въ Новгородѣ отъ имени князя и всѣхъ членовъ общины, отъ архіепископа, посадниковъ, тысячкихъ, бояръ, житьихъ людей, купцовъ, черныхъ людей. Вѣчевое устройство развилось и сохранилось дольше всего въ сѣвернорусскихъ общинахъ, Новгородѣ и Псковѣ, до конца XV и до начала XVI вѣка. Въ сѣверовосточной Руси вѣчевое устройство исчезало по мѣрѣ усиленія власти великихъ князей, которые уже со временъ великаго князя Андрея стремились стать „самовластцами" на сѣверѣ. Бурныя вѣча Ростова, Суздаля и Володимеря исчезаютъ

уже въ концѣ XII вѣка; усиливающіеся потомъ великіе князья московскіе не благопріятствовали вѣчевому устройству, и вѣчевый колоколъ володимерскій представлялъ при Иванѣ Калитѣ только историческую достопамятность. Въ сѣверовосточной Руси, въ Москвѣ, въ XIV в. подъ вѣчемъ и вѣчниками подразумѣвали уже мятежъ и крамольниковъ, коромольниковъ, чѣмъ они на дѣлѣ и были; такъ въ 1382 г. въ Москвѣ „сотвориша вѣче, позвониша во всѣ колоколы, и сташа суймомъ народы мятежницы, крамолницы“.

Въ югозападной Руси вѣче исчезало въ слѣдствіе перемѣнъ въ ея государственномъ устройствѣ на польскій ладъ. Княжества исчезали и мѣнялись въ земли и воеводства, управляемыя королевскими (великокняжескими) старостами, намѣстниками и воеводами; бояре дѣлались шляхтою и собирались на соймахъ, соймахъ, и эти соймы отличаются существенно отъ древнерусскихъ вѣчъ; горожане становились мѣстичами, мѣщанами, пользующимися нѣмецкимъ (магдебургскимъ) правомъ, тѣ Кіяне, Галичане, Полочане, Смольняне, „гражане, мужи градьстіи, добрыи люди и малии“, которые на вѣчахъ рѣшали вопросы о занятіи княжескаго стола, о войнѣ и мирѣ, и др. Въ Полоцкѣ еще во второй половинѣ XV в. (до пожалованья ему нѣмецкаго права) бояре, мѣщане (такъ уже назывались), дворяне городскіе, и все [illegible], вся чернь, отправляли „соймы, сходились всѣ посполу на тоже мѣсто, гдѣ передъ тѣмъ сойминались здавна“. Но этотъ соймъ полоцкій не былъ уже то старинное вѣче мужей Полочанъ, полоцкой власти XII в., которое помнили въ югозападной Руси еще въ XVI вѣкѣ, разсказывая, что „городъ Полоцкъ и лужи Полочане вѣчемъ ся справовали, какъ Великій Новгородъ и Псковъ“. [illegible] великій князь Казиміръ въ уставной грамотѣ Полоцку (1486 г.) приказываетъ, чтобъ всѣ [illegible] „[illegible] были, а [illegible] а безъ бояръ, мѣщанъ и дворянъ городскихъ и черни сойма не [illegible] чинить“. [illegible]

Смоленскѣ, гдѣ ок. половины XV в. „князи, бояре, мѣстичи (мѣщане) и чорныи люди“ цѣловали крестъ воеводѣ Андрею, но потомъ „здумали Смольняне, чорныи люди, кузнеци, кожемяки шевники, мясники, котельники, пана Андрея согнати силою съ города“, и вооружившись „зазвонили въ колоколъ“.

Рядомъ съ вѣчемъ князья совѣщались съ своею старѣйшею дружиною, съ сановниками и другими своими мужами, съ боярами—думцами, „думали съ ними о строи земленѣмъ и о ратехъ и о уставѣ земленѣмъ“. Значеніе и вліяніе этой *боярской думы* обусловливалось не какимъ нибудь писаннымъ договоромъ, а просто практическою жизнью; слабые князья должны были относиться къ своей боярской думѣ иначе, чѣмъ сильные великіе князья московскіе и цари всея Руси; между тѣмъ въ югозападной Руси, въ Литвѣ „паны рада“ (такъ назывались на польскій ладъ прежніе бояре дума), по первому статуту (1529), ограничали власть господаря великаго князя, который обязался дѣйствовать „съ ведомостью и порадою и съ призволеньемъ радъ“. Въ московской Руси XVI и XVII вв. цари совѣщались тоже съ представителями разныхъ сословій и не-служилыхъ, которыхъ цари, по своему усмотрѣнію и по своей волѣ, созывали на земскіе *соборы*, для сообщенія имъ своихъ рѣшеній и для выслушанья ихъ мнѣній, ихъ чисто совѣщательнаго голоса по разнымъ вопросамъ.

Отъ стариннаго вѣчеваго устройства сохранились на Руси одни только остатки въ устройствѣ общинъ (волостей, околицъ), собиравшихся на сходкахъ, вѣчахъ, которыя однако были уже не выраженіемъ какой нибудь политической власти, а только вспомогательнымъ учрежденіемъ государства. Только на окраинахъ русскаго міра, въ общинахъ — войскахъ казацкихъ, вѣчевое устройство существовало до XVIII в., при полномъ господствѣ казацкой демократіи, безъ всякихъ „вятшихъ“ людей, которыхъ замѣняли одни только старшины и старики съ своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Звукъ колоколовъ или бубновъ (барабановъ), созывающій товарищей казаковъ на раду, на кругъ, — выраженіе верховной власти казацкаго войска—,старшины (атаманы, кошевой, войсковый и куренные атаманы, судьи, писарь или дьякъ, есаулы, полковники, сотники, и др.), кланяющіеся казакамъ, кото-

рые ихъ выбираютъ и прогоняютъ, самовольное созываніе рады, круга одною партіею, драки партій, грамоты писанныя отъ имени войска запорожскаго, атамана кошеваго, войсковой старшины, стариковъ, атамановъ куренныхъ, всего войска и товариства: все это тѣ древнерусскіе вѣчевые порядки, вытѣсненные монархіею на нижній Днѣпръ, на Донъ и на Яикъ. Когда же казаки бросались на государство, на бояръ, шляхту, дворянъ, то они уничтожали его строй и вводили свой. Такъ Хмѣльницкій раздѣлилъ въ началѣ востанія южнорусскаго народа всю подвластную ему южную Русь и тамошній народъ „казаковъ“ — на полки, сотни, курени, десятки, подъ выбираемыми старшинами, полковниками, сотниками, атаманами; такъ и Разинъ на Волгѣ устраивалъ городскія общины по-казацки: всѣ люди стали казаками, раздѣлены на тысячи, сотни, десятки, съ выборными атаманами, сотниками и десятниками; и по Днѣпру и по Волгѣ зашумѣли казацкія рады и круги, т. е. уже не сходки казацкихъ войскъ, а общенародныя собранія, вѣча.

Вѣчевое устройство на Руси, какимъ бы любопытнымъ явленіемъ народнаго быта восточнаго Славянства оно ни было, повело бы, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, только къ междоусобицамъ русскихъ племенъ, къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, къ расчлененію и разслабленію Руси, къ гибели политическаго и національнаго ея единства. Новгородцы могли говорить: „Кто противъ Бога и Великаго Новгорода“, могли гордиться, что „кдѣ имъ любо, туже собѣ князя поимають“, что они вольны „въ посадничьствѣ и въ князѣхъ“; Псковичи еще на канунѣ паденія вѣча могли гордиться, что „отъ начала русскія земли градъ Псковъ ни коимъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей воли живяху въ немъ сущіи людіе“. Но именно эта „своя воля“, это своеволіе могли повести къ печальнымъ для Руси послѣдствіямъ. Съ одной стороны борьба партій и сословій изъ-за мелочныхъ причинъ поглощала русскія силы, которыя могли обратиться противъ многочисленныхъ враговъ Руси на западѣ, востокѣ и югѣ: „великое чюдо съвади оканьныи діяволъ; къгда бяше брани быти на поганыя, тъгда ся начаша бити межи собою“, справедливо замѣтилъ новгородскій лѣтописецъ. Съ другой

стороны въ Новгородъ нашли себѣ дорогу центробѣжныя стремленія, угрожавшія единству Руси; крики подстрекаемой Борецкими черни на вѣчахъ 1470—1471 гг.: „Не хотимъ великаго князя московскаго, хотимъ короля польскаго!“ — скоро заглушили крики вѣрной русскимъ интересамъ боярской партіи, и могли нанести только что происходящему единенію сѣверной Руси опасный ударъ, тѣмъ болѣе, что по требованію Новгородцевъ, „мужей вольныхъ“, могъ „честный король польскій и князь великій литовскій Казиміръ со своею радою литовскою всѣсти на конь за Великій Новгородъ противъ великого князя московского и боронити Новгородъ“. Эта опасность тогда предотвращена, но единству сѣверной Руси предстояли еще разныя испытанія. Въ смутное время „казацкое царство“, соединившись съ Польшею, угрожало единству русской монархіи; казаки не переставали угрожать ей и дальше, Выговскій и Дорошенко, Мазепа и Гордіенко, Разинъ, Булавинъ и Пугачевъ. По этому требованія великихъ князей Ивана Васильевича и Василія Ивановича, чтобъ въ Новгородѣ и въ Псковѣ не было вѣча и вѣчеваго колокола, торжество единой монархіи надъ всѣми центробѣжными стремленіями русскихъ окраинъ и надъ анти-государственными затѣями казаковъ, прекращеніе безконечныхъ междоусобицъ въ русскомъ народѣ и направленіе его силъ къ одной цѣли: все это имѣетъ важное значеніе въ исторіи русскаго народа и всего Славянства.

У южныхъ Славянъ вѣчевое устройство замѣтно особенно въ адріатическомъ приморьѣ, отъ части въ чисто славянскихъ общинахъ, отъ части въ общинахъ, въ которыхъ смѣшались элементы римско-итальянскій и славянскій. Участіе простаго народа въ вѣчѣ или соборѣ устранили властеле, которые и пріобрѣли себѣ власть въ общинахъ и властвовали здѣсь посредствомъ великаго вѣча, состоявшаго изъ нихъ же, вѣчниковъ. Вѣче „созвонилось“ и собиралось на площади или въ вѣћницѣ, выбирало сановниковъ (кнеза, бана, и др.), издавало законы, и вообще рѣшало всѣ дѣла общины. Такъ это было въ *Дубровникѣ* и въ другихъ городскихъ общинахъ Далмаціи, сохранившихъ свое значительное самоуправленіе подъ верховною властью Византіи, Хорватіи, Угріи, Венеціи и Сербіи. Такою же автономіею поль-

зовалась и сельская община-жупа *полицкая* въ хорватской Далмаціи, управляемая выбираемыми кнезомъ (княземъ), войводою, судьями, и др.; на сборѣ, вѣчѣ, саймѣ, рѣшали дѣла властеле и дидиħи (дѣдичи), всѣ люди племенитые (благородные) Поличане, а прежде несомнѣнно и простой полкъ (людъ); постановленія же сбора составляютъ статутъ общины. Въ приморской Хорватіи и на островахъ находилось тоже нѣсколько такихъ общинъ. *Винодольская* община или кнежтво (княжество), состояло изъ нѣсколькихъ городскихъ общинъ и управлялось наслѣдственными князьями Франкапанами. Эти общины собирались на вѣче, на которомъ присутствовали кромѣ князя и его чиновниковъ тоже „общинскія" должностныя лица (сатники), люди „общинскіе" т. е. городскіе, и первоначально несомнѣнно тоже люди простые или кмети. При составленіи законовъ винодольскихъ на вѣчѣ 1288-го г. присутствовали выборные „старѣйшіе" городскихъ общинъ, сатники и другіе свѣдущіе люди, которые знали законы своихъ отцовъ, дѣдовъ и всѣхъ предковъ. Въ общинѣ *керцкой* (на островѣ Кркѣ, Керкѣ) на вѣче передъ церковью собиралась вся община, чиновники князя и общины, властеле и кмети, весь полкъ (плк, народъ), или только добрые мужи, всѣ вѣчники, и „ча би виħе учинило, да неморе (не смѣетъ) ниедан реħи проту тому". На такомъ вѣчѣ 1388-го г. составленъ статутъ керцкой общины. Подобное устройство было и въ хорватскихъ общинахъ Истріи, гдѣ еще въ концѣ XVII в. горожане и кмети городскаго округа выбирали изъ 12-ти судей жупана—судью на сходкѣ, отправляемой въ особой избѣ на площади. Устройство истріанскихъ общинъ Кастова (Кастовы) и Веприница извѣстно по ихъ хорватскимъ статутамъ XV—XVI вв. Такое устройство было и во многихъ другихъ общинахъ адріатическаго приморья, и въ ихъ статутахъ, составленныхъ на языкахъ латинскомъ и итальянскомъ, встрѣчаются между прочимъ также слова stanicum (станькь) и sboro (сьборь). Въ концѣ XVIII в. (1798 г.) собрались черногорскіе и бердскіе главары, старѣшины и остальные братья изъ всякаго племени на единокупный саборъ и вѣħе, и всѣ единогласно и договорно установили законъ.

У западныхъ Славянъ общинно-вѣчевое устройство сохранилось тамъ, гдѣ государство не пустило глубокихъ корней, т. е. у балтійскихъ Славянъ, именно у Лютичей и у Поморянъ. Между тѣмъ у Поляковъ и у Чеховъ, у которыхъ является очень рано, въ X в., сильная государственная власть, о вѣчевомъ устройствѣ сильныхъ общинъ уже нѣтъ и помину, и только его слѣды скрываются въ польскихъ ополяхъ, на сколько эти уцѣлѣли въ государствѣ. Устройство „великой общины" пражской въ началѣ гуситскаго движенія напоминаетъ славянскую общину, такъ какъ составляли ее не только мѣщане, но и чернь; но это демократическое устройство тогдашней пражской общины выросло все таки уже на чужой почвѣ нѣмецкаго мѣстскаго права. У *Лютичей* Нѣмцы уже въ X — XI вѣкахъ замѣтили тоже самое, что́ Византійцы у южныхъ и у восточныхъ Славянъ; у лютичскихъ племенъ не было никакихъ особенныхъ властителей; общимъ совѣтомъ разсуждая на сходкахъ о своихъ дѣлахъ, они рѣшали ихъ единогласіемъ. Такое вѣчевое устройство существовало и позже, въ XII в., въ поморско-лютичскомъ княжествѣ, гдѣ общины пользовались значительною самостоятельностью. Въ извѣстные дни собирались горожане и селяне, съ копьемъ въ рукахъ, на сходку на торгѣ своего города; въ Щетинѣ стояли на торгѣ деревянные ступени для ораторовъ, и три избы — контины (кѫтины), назначенныя для такихъ же сходокъ. На такихъ сходкахъ видное мѣсто занимала шляхта. Сходки созывались по разнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и по судебнымъ; такъ на пр. у Вагровъ собирались на судъ весь народъ, князь и жрецъ, въ священной рощѣ; сходка давно онѣмеченныхъ Ранъ XVI в. на земскомъ судѣ живо напоминаетъ такія старинныя вѣча Лютичей и Русскихъ. Отъ такихъ всенародныхъ, общинныхъ сходокъ отличались собранія сановниковъ (кметей?) и пановъ (жупановъ), съ которыми князья балтійскихъ Ляховъ совѣщались о земскихъ дѣлахъ.

У остальныхъ, восточныхъ Ляховъ, у *Поляковъ*, всенародныя вѣча рано изчезли, такъ какъ въ Польшѣ рано образовалась сильная монархія. Сильные князья спрашивали не мнѣнія народа, а только совѣта у своихъ кметей и другихъ пановъ, тоже у остальныхъ земянъ и у высшаго духовенства; съ ними князь

отправлялъ съѣзды по поводу разныхъ публичныхъ дѣлъ, политическихъ, военныхъ, финансовыхъ, судебныхъ, законодательныхъ и пр. На такіе съѣзды являлись иногда свидѣтелями тоже селяне близкой „осады", какъ бы послѣдніе ничтожные слѣды старинныхъ общенародныхъ, демократическихъ вѣчъ. Съѣзды, отправляемые по поводу разныхъ дѣлъ политическихъ (въ послѣдствіи тоже избранія князя), международныхъ, финансовыхъ назывались, вѣроятно уже съ древнѣйшихъ временъ, *сѣмы* (sjemy, а съ половины XVI в. sejmy); съѣзды же, на которыхъ производился судъ — *вѣца* (великія или посполитыя); но на латинскомъ языкѣ назывались тѣ и другіе съѣзды colloquia. Совѣщательный голосъ пановъ и кметей (изъ такихъ же пановъ) мало по малу перемѣняется въ рѣшительное вліяніе на князя, особенно когда, въ слѣдствіе дробленія Польши на мелкія княжества, значеніе пановъ и шляхты все больше усиливалось, и они вліяли на избраніе князя. Князь-король не могъ уже (de facto, хотя еще не de jure) ничего постановлять безъ согласія и одобренія пановъ свѣтскихъ и духовныхъ (сената). Голосъ низшей шляхты, присутствовавшей на съемахъ или вѣчахъ, не былъ съ начала такъ важенъ, какъ голосъ пановъ, но усиливался со временемъ все больше. Шляхта только въ XV в. пріобрѣтала и по праву (привилегіями) все больше власти на своихъ земскихъ (воеводскихъ) *сѣмикахъ* (sjemiki, sejmiki), а со второй половины XV в. посылала своихъ представителей въ избу пословъ (палату депутатовъ). Такимъ образомъ является *сѣмъ, сеймъ*, состоящій изъ сената и посольской избы. Это представительство шляхетскаго народа ограничиваетъ по праву (статуту) королевскую власть, и безъ представительства король не можетъ уже ничего постановлять. Городское (мѣстское) сословіе въ Польшѣ не пріобрѣло себѣ выдающагося политическаго значенія. Даже безобразное позднѣйшее liberum veto (nie pozwalam — не позволяю), появившееся какъ законное право каждаго депутата прервать работы сейма, выросло изъ древнеславянскаго обычая, что дѣла надо рѣшать единогласіемъ. Въ слѣдствіе этого парламентарнаго абсурда польскіе сеймы, какъ бы воспринявши роль древнерусскихъ вѣчъ, сдѣлались однимъ изъ самыхъ опасныхъ средствъ для расшатанія

государства. Рядомъ съ сеймомъ продолжало существовать великое или посполитое *вѣце*, наивысшій судъ, на которомъ король и паны или паны одни, сидя на стольцѣ вѣцовомъ (stolec wiecowy — sedes colloquialis), рѣшали болѣе важныя дѣла; эти вѣца съ XV в. назывались тоже роки вальные, хотя и слово вѣце осталось извѣстнымъ еще до половины XVI вѣка.

Сеймы чешскій, угорскій, хорватскій, сербскій, болгарскій, были такія же собранія одной шляхты, властель, боляръ, какъ и польскіе; городское сословіе пріобрѣло только въ Чехіи выдающееся политическое значеніе, и было для короля опорою противъ шляхты. Чешскій *снѣмъ* состоялъ изъ наивысшихъ сановниковъ придворныхъ и земскихъ (кметей-господарей, составлявшихъ раду князя-короля), изъ другихъ пановъ, и изъ низшей шляхты, земянъ владыкъ; къ этимъ двумъ „ставамъ“ (сословіямъ) прибыли позже и два другихъ, духовенство и мѣщанство. Подобно польскому панству и шляхтѣ-земянству, и чешскіе паны и шляхта-земяне только мало по малу пріобрѣтали, вмѣсто голоса совѣщательнаго, голосъ рѣшающій въ дѣлахъ публичныхъ; это фактическое право опредѣлилось потомъ формальными привилегіями (съ начала XIV в.) и наконецъ земскимъ уложеніемъ (zemské zřízeni, какъ бы „уряженіе“) 1500 года. Польскому вѣцу (слово вѣце знали и Чехи, но въ общемъ значеніи сходки) соотвѣтствовалъ въ Чехіи сеймовый судъ, позже земскій судъ, въ которомъ засѣдалъ князь-король съ кметями, панами судьями. Польскимъ сеймикамъ соотвѣтствовали чешскіе крайскіе съѣзды. На государственныхъ *соборахъ* югославянскихъ, хорватскомъ, сербскомъ (и босенскомъ), болгарскомъ, и угорскомъ, собирались одни только наивысшіе сановники (жупаны, кнезы, кмети), главные совѣтники государя, властеле или боляре, великіе и малые, высшее духовенство. Польскимъ сеймикамъ и чешскимъ крайскимъ съѣздамъ соотвѣтствовали угорскія и хорватскія скупщины жупаній (congregationes comitatuum). Сеймы какъ представительство однихъ высшихъ сословій сохранились у многихъ Славянъ до недавна, а только съ 1848 г. они перемѣнились въ представительства всѣхъ сословій. Этотъ демократическій принципъ завладѣлъ и въ сербской скупщинѣ и въ болгарскомъ со-

бранія, тѣмъ болѣе, что у этихъ южныхъ Славянъ нѣтъ никакой аристократіи.

7. Право.

Славянское право, если его понимать какъ одно цѣлое, коренится въ обычномъ правѣ всѣхъ славянскихъ народовъ, которое сохранило до новѣйшихъ временъ много общихъ чертъ первоначальнаго своего единства. Если на пр. у Черногорцевъ еще нынѣ *соки*, т. е. извѣстные сыщики ищутъ украденную вещь, и если такіе соки встрѣчаются еще въ XVI в. въ югозападной Руси, а въ XII—XIII вв. въ Чехіи, то, разумѣется, такое учрежденіе—общеславянское, и его начало теряется въ доисторическихъ временахъ. На такое единство славянскаго обычнаго права указываетъ много одинаковыхъ учрежденій у разныхъ народовъ славянскихъ, указываетъ тоже много одинаковыхъ названій, на пр. право—криво, правда—кривда, законъ, судъ, дѣдина—отчина, сводъ, лице, вданіе—выдачка, вражда, глава, и пр. Если въ послѣдствіи славянскіе народы заимствовали другъ у друга нѣкоторыя учрежденія, то это замѣтно уже по самымъ названіямъ; такъ на пр. названія шляхта, панове рада, староста (намѣстникъ), воевода (намѣстникъ), сеймъ, городъ, мѣсто, войтъ и др. въ югозападной Руси сейчасъ указываетъ на ихъ происхожденіе изъ Польши: Русскимъ неизвѣстны слова и учрежденія: шляхта, панове рада, мѣсто (т. е. городъ), войтъ (т. е. нѣмецкій voigt), а староста и воевода означаютъ не намѣстника государя, а начальника общины и полководца или тоже самочиннаго (а только позже и намѣстника), сеймъ или русск. соймъ не парламентъ, а вообще сходку, городъ (польск. gród) не городъ, а замокъ, и пр.

Обычное право долго хранилось устно, и только позже отъ части записывалось, либо частными образами, либо какъ собраніе или сводъ законовъ, законникъ, статутъ, правда, право, [illegible], судебникъ, уложеніе, извѣстнаго государства. Нѣкоторые законы записывались уже въ древнѣйшія времена, подобно

какъ и у другихъ народовъ, на деревянныхъ доскахъ, и по этому у Чеховъ собраніе записанныхъ постановленій, законовъ, государственный архивъ, называется до сихъ поръ земскими досками. О древнихъ законахъ у Славянъ вспоминаютъ Византійцы уже въ VI в. и Нѣмцы въ IX вѣкѣ. „Законъ отцовъ, законъ русскій" знаетъ русскій лѣтописецъ, разсказывая о древнѣйшей исторіи восточныхъ Славянъ, и многіе такіе законы вошли въ „правду русскую" великаго князя Ярослава XI в., и въ другія собранія или своды русскихъ законовъ XV—XVII вв., въ право Пскова, въ статуты западно-русскіе (литовскіе), въ московскіе судебники, въ уложеніе, въ разныя грамоты, и др. Винодольскіе Хорваты собираютъ въ концѣ XIII в. „старе и искушене законе" своихъ отцовъ, дѣдовъ и всѣхъ предковъ; позже собираютъ свои старые законы и обычаи Керчане, Поличане, Каствяне, Вепринчане и др.; разныя славянскія учрежденія вошли тоже въ статуты далматскихъ общинъ Задра, Сплѣта, Трогира, Дубровника, Котора, Будвы, Корчулы, Хвара, Ластвы, Млѣта и др. Нѣкоторые законы обычнаго права чешскаго записаны уже въ концѣ XII в. въ статутѣ князя Конрада, и позже въ разныхъ юридическихъ памятникахъ XIV — XV вв. (книга пана Розенберга, Majestas Carolina, Судебный порядокъ, объясненіе земскаго права пана Андрея изъ Дубой, книги о чешскомъ и моравскомъ правѣ Викторина изъ Вшегрдъ и пана Цтибора изъ Цимбурга и др.), и наконецъ въ чешскомъ и моравскомъ уложеніяхъ XVI в. (zřízeni zemské). Разныя статьи обычнаго права польско-мазовскаго записаны для нѣмецкихъ рыцарей въ Пруссіи въ первой половинѣ XIII в. Въ половинѣ XIV в. издается польскій статутъ короля Казиміра, позже другія статуты польскіе и мазовскіе, въ началѣ XVI в. статутъ короля Александра, и потомъ и другіе статуты. Одновременно съ польскимъ Казиміромъ издаетъ сербскій царь Стефанъ Душанъ сербскій законникъ, въ концѣ XVIII и въ половинѣ XIX в. составлено обычное право черногорское въ двухъ краткихъ законникахъ, и т. д. Въ разныхъ этихъ славянскихъ статутахъ и въ обычномъ правѣ славянскомъ встрѣчаются многія общія подъ часъ поразительныя черты единства славянскаго права; нѣкоторыя учрежденія сохранились

у славянскихъ народовъ больше или меньше, и встрѣчаются иногда въ ихъ обычномъ правѣ до сихъ поръ.

Блюстителемъ правосудія былъ князь, который самъ, или посредствомъ своихъ судей, но тоже при участіи представителей народа, разузнавалъ на судѣ правду и кривду, по праву устному или писанному. Участіе народа въ судопроизводствѣ сохранилось особенно въ сѣверовосточной Руси, гдѣ еще въ XVI в. простой народъ посредствомъ своихъ выборныхъ мужей имѣлъ вліяніе на судебныя дѣла. Такое участіе народа замѣтно тоже въ нѣкоторыхъ югославянскихъ, именно хорватскихъ общинахъ; у другихъ славянскихъ народовъ участіе въ судѣ сдѣлалось привилегіею и правомъ высшихъ класовъ. Участіе народа въ судѣ является особенно въ *судѣ присяжныхъ*, въ *пороть* (дрсерб.), состоящей изъ выборныхъ судей, которые „по ротѣ" (по присягѣ) произносятъ приговоръ о винѣ или невинности обвиняемаго. Такой судъ присяжныхъ существовалъ въ Сербіи съ древнѣйшихъ временъ до XV в., и „поротьци", выбираемые изъ „дружины" (т. е. ровни, латин. pares) подсудимаго, должны были большинствомъ голосовъ подсудимаго или „оправить" или „окривить". Подобный тому судъ присяжныхъ, состоящій изъ ровни (compares) обвиняемаго, существовалъ въ XIII в. въ Чехіи.

Но не одни люди участвовали въ судѣ: гдѣ недоставало человѣческаго суда для рѣшенія дѣла, тамъ необходимо было вмѣшательство свыше, свидѣтельство божества. Этотъ взглядъ [illegible] далъ поводъ къ такъ называемымъ *божіимъ судамъ* (чеш. [illegible]), которые искали вину или невинность обвиняемаго посредствомъ раскаленнаго желѣза, горячей или холодной воды, а посредствомъ поединка или [illegible] [illegible] побѣдившій [illegible]. Правда или право желѣза и воды исчезаютъ у Славянъ въ XIII—XIV вв., отъ части сами собою, отъ части въ слѣдствіе [illegible] государственнаго и христіанскаго духовнаго [illegible], только у Сербовъ сохранились онѣ до [illegible]. [illegible] въ [illegible] посредствомъ [illegible] и [illegible] [illegible] до сихъ поръ въ [illegible]. Къ божіимъ судамъ надо причислить роту, [illegible]

долженъ былъ дотрогиваться до раскаленнаго желѣза, человѣческихъ костей, земли какъ богини, или ея куска, дерна, который клался на голову, и позже до христіанскаго креста или мощей, все при извѣстныхъ обрядахъ и формулахъ. Если на пр. въ XV в. краковскіе Поляки опредѣляя межи, клялись землею „мы созданы изъ земли, и землею должны быть“, то Сербы еще не давно въ такомъ же случаѣ клялись „черною землею, нашею матерью, изъ которой мы всѣ созданы и въ которую мы опять ляжемъ“. Обвиняемый оправдывался тоже присяжными свидѣтелями *поротниками* (югослав.), которые могли его „очистить“, быть его *очистниками* (чеш.).

Право на извѣстную спорную вещь доказывалось обѣими противными сторонами, *поводомъ* или *истцемъ* (чеш., поль., рус.) и *позваннымъ, погнаннымъ* (отвѣтчикомъ), посредствомъ *вданія* (*вzданія* чеш.) или *выдачки* (рус.), денежнаго заклада, который доставался выигравшей сторонѣ и отъ части судьѣ. Въ Чехіи вдавались (вздавались) въ вданіе въ XIV в., а въ югозападной Руси выдавались на выдачку еще въ XVI в. Украденную вещь искали (*сочили*) особые сыщики—*соки*, въ Чехіи въ XIII в., на Руси въ XVI в., а въ Черной Горѣ они дѣйствуютъ до сихъ поръ; слова *сокъ* и *сочить* сохранились въ чешскомъ языкѣ, но уже въ другомъ значеніи, соперника и клеветать. Украденную вещь искали тоже посредствомъ *свода* (*извода, отвода*), при чемъ владѣлецъ заподозрѣнной вещи сводилъ, отводилъ отъ себя подозрѣніе въ кражѣ, указывая на прежняго владѣльца вещи; на Руси XI—XII вв. и въ Чехіи XII—XIII вв. дозволялось вести до третьяго свода; а въ восточной Руси XVI в. и до десятаго свода; сводъ существовалъ въ Сербіи въ XIV в., и въ югозападной Руси въ XVI в. и позже. Искать — *сочить, гонить слѣдъ* преступленія и преступника въ извѣстномъ округѣ, когда раздался крикъ и вопль пострадавшихъ: *настойте, помогайте*, было долго повинностью общинъ связанныхъ круговою порукою.

Судъ обвиняемаго оправдалъ, оправилъ, поправилъ, очистилъ; по этому дрчеш. *цуда*=судъ (*цудѣть* = чистить), и извѣстные судьи назывались въ XIV—XV вв. въ Чехіи *поправцы*, и въ Польшѣ *оправцы*. Судъ обвиняемаго окривилъ, осудилъ,

особенно когда предметъ преступленія, *лице, личба, поличное, долика*, было „на лице", и преступникъ былъ обличенъ, доличенъ, уличенъ. Судъ „налезлъ правду", какъ выражались смоленскіе Русскіе въ XIII вѣкѣ, „налезлъ за право, вынеслъ налезъ", какъ говорили Чехи, выносилъ „выналязокъ, знайденіе", какъ выражались на копныхъ судахъ югозападной Руси; а Хорваты отождествляя судъ съ правдою, говорили о судѣ, что „правда обнайде". Приговоръ, вырокъ, налезъ и пр. суда окончилъ тяжбу, *расирю, прю* (přa, чеш. и поль.), *парбу, парню* (серб.), въ которой стороны защищали адвокаты, *рѣчники* (чеш., поль.) или *перцы* (pierca поль., пьрьць — парац югослав.). Осужденный подвергался разнымъ наказаніямъ тѣлеснымъ, увѣчіямъ, смертной казни, изгнанію (рус. потокъ, рус. и чеш. поточить — послать, выслать), разграбленію, денежнымъ пенямъ (продажамъ, винамъ, покутамъ, осудамъ и др.). Выигравшій платилъ судьѣ небольшую сумму денегъ, которая называлась пересудъ (русск., přísud, přísudné чеш., przysąd, przysądne поль.) или памятное (památné чеш., pamiętne поль.).

О многихъ другихъ одинаковыхъ или сходныхъ чертахъ славянскаго права, государственнаго и частнаго, говорилось на предыдущихъ страницахъ.

8. Миѳологія и поэзія.

Славянская миѳологія основывается на обожаніи природы и ея силъ. Первобытные люди увидали небо, солнце, молнію, тучи, и испытывая ихъ добрыя или дурныя дѣйствія, желали ихъ или боялись ихъ, наконецъ олицетворили эти явленія и силы природы, сдѣлали изъ нихъ божества, и стали имъ поклоняться. Такъ нарицательныя имена *сварогъ* (срв. санскрит. сварга—блескъ, небо) т. е. небо, и *перунъ* т. е. молнія (поль. piorun), сдѣлались названіями божествъ. Силы природы и затѣмъ божества могли приносить счастье, благо (бог-атство, събожіе—збожіе)—это *боги* (противуполож. не-богъ, у-богъ), или несчастье, зло—это *бѣсы*, позже *черти*. Со временемъ однако слово *богъ* стало означать вообще высшее существо, доброе или злое,

и такимъ образомъ объясняются названія: *бѣлбогъ* и *чернобогъ*, *злобогъ*, *злой богъ*, *мстибогъ*, *лютбогъ*.

Небо т. е. облака окружающія землю, *сварогъ*, считалось наивысшимъ богомъ, и какъ бы отцомъ остальныхъ боговъ. У этого наивысшаго небеснаго бога, *Сварога*, и у матери *Земли* было нѣсколько сыновей *Сварожичей*, именно солнце и огонь (небесный т. е. молнія), вѣроятно тоже мѣсяцъ, звѣзды и вѣтры. Сварожичъ Солнце, извѣстный всѣмъ Славянамъ, назывался, какъ дающій всякое благо, *Даждьбогъ* (словѣн.), *Дажьбогъ* (рус.), *Дадзибогъ* (ляш.): Словѣне и Русскіе называли его тоже *Хръсъ*, *Хърсъ*, *Хорсъ*, что сохранилось тоже въ именахъ лицъ у Сербовъ и у Чеховъ; къ нему относится вѣроятно и названіе *Велесъ* или *Волосъ*, извѣстное Словѣнамъ, Русскимъ и Чехамъ; оба названія темнаго происхожденія. У балтійскихъ Славянъ Сварожичъ Солнце былъ не только главный богъ, дающій людямъ всякія блага, но тоже богъ войны; онъ былъ богъ сильный—святый—святовитъ (*Святовитъ*), ярый—яровитъ (*Яровитъ*), изображался какъ повелитель разныхъ царствъ съ четырьмя и тремя головами (*Триглавъ*). Чешское имя *Свѣтьбогъ* вѣроятно тоже прозвище этого свѣтящаго бога. Сварожичъ-Огонь-Молнія по главному дѣйствію своему назывался *Перунъ* (прать, пороть—бить, ударять), и это слово означаетъ у Поляковъ до сихъ поръ молнію. Сварожичъ Вѣтеръ какъ богъ сваливающій, простирающій, носилъ у восточныхъ Славянъ прозвище *Стрибогъ*.

Вся природа представлялась оживленною разными сверхъестественными существами, живущими въ облакахъ, водахъ, лѣсахъ, горахъ, и дѣлающими людямъ добро и зло. Это олицетвореніе природы и ея дѣйствій на человѣка сохранилось у Славянъ съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ, и христіанство могло здѣсь сдѣлать очень мало. Вѣра въ сверхъестественныя существа, обитающія въ водахъ, лѣсахъ, горахъ, у Славянъ очень древняя, и доходитъ до VI в. послѣ Р. Х.; а до сихъ поръ русскія *русалки* живутъ въ руслахъ рѣкъ, югославянскія *вилы* (самовилы, самодивы) „вьются" въ облакахъ и водахъ, горахъ и лѣсахъ, польскія Гоплянки, обитающія въ озерѣ Гоплѣ, губятъ людей. Лѣшіе—лѣсовики, поледницы — приполудницы — при-

вольницы. *Бѣлыя или дивныя жены*, морской царь или краль, водяной, разные страхи —страшидла, нежити, облуды, навьи (дррус. мертвецы), и др. бѣсы, черти (со временъ христіанства „нечистая сила", „дьяволы") „бѣсятся" въ славянскихъ земляхъ навѣрное съ древнѣйшихъ временъ; на Руси XI в. представляли себѣ бѣса на подобіе Ляха, а Поляки часто изображаютъ чорта въ нѣмецкомъ платьѣ. Разныя болѣзни — бѣсы, трясавицы — трясеи, моръ (чума, куга) и другія бѣдствія и язвы (поль. jędzy, чеш. jezinky) мучили и мучатъ славянское простонародье, по примѣру того русскаго бѣса, который „нападе на князя Святополка Володимеровича: и разслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти на кони". Предки родовъ, семей, домовъ, *дѣды* (дѣдки, дѣдушки, домовые, чеш. тоже шетки т. е. дѣдки), *господарики, божики*, обожались и пользуются до сихъ поръ почетомъ и внушаютъ страхъ; ихъ изображенія ставились въ избѣ на почетномъ мѣстѣ, которое со временъ христіанства заняли образа. Судьбу (осудъ, усудъ, родъ) родившагося человѣка опредѣляли, усуждали *рожденицы* (словѣн.), *роженицы*, *рожаницы* (дррус.), которыя водятся до сихъ поръ у южныхъ Славянъ (сојеницы т. е. соһеницы, сод —судъ, ројеницы т. е. роһеницы) и у Чеховъ (судички). Вѣра въ разные примѣты, встрѣчу съ кѣмъ-нибудь, въ накиханіе—чехъ, птичій грай и въ другую птичью кобь (колдунство), ухозвонъ и пр., преслѣдовала людей на каждомъ шагу.

Священныя, „святыя" горы, рощи или боры (святоборы), деревья, родники, рѣки, озера—долго почитались какъ жилища боговъ или другихъ сверхъестественныхъ существъ, и на ихъ почитанье указываютъ сохранившіяся въ послѣдствіи географическія названія, Святогора, Святоборъ, божій камень, Святое (озеро), Святая и Святыня (рѣка), Бѣлбогъ, Лютбогъ, Перунъ, Велешь и др. Боги у нѣкоторыхъ Славянъ (балтійскихъ и полабскихъ, и русскихъ) изображались какъ деревянные или металлическіе болваны—балваны, истуканы, кумиры, капи, и ставились на холмахъ, и въ храмахъ (капищахъ), что замѣтно особенно у балтійскихъ Славянъ. У послѣднихъ были тоже особые *жрецы* (жьрьць—жьрѣти, литов. girti—прославлять, хвалить), которыхъ у другихъ Славянъ не было; тамъ начальники народа, ро-

семьи были посредниками между божествомъ и людьми; такъ на пр. древніе Чехи (въ XII—XIII вв.) представляли себѣ, что ихъ мнимый праотецъ Чехъ принесъ дѣдковъ въ новую родину на Рипъ, и здѣсь имъ принесъ благодарственную жертву. Богослуженіе состояло въ прославленіи боговъ пѣснями и обрядами, и въ приношеніи *жертвъ*, *трѣбъ* (требъ), земныхъ плодовъ, яствъ и напитковъ, но тоже кровавыхъ, скота и людей; человѣческія жертвы встрѣчаются на Руси и особенно у балтійскихъ Славянъ; люди зарѣзывались или тоже замуровывались въ основу строеній какъ бы въ жертву землѣ. Эти старинные обряды сохранились долго и въ христіанское время, въ тѣхъ играхъ и шествіяхъ, противъ которыхъ постоянно вопила церковь; разные скомрахи (скоморохи, scamari — actores, latrones уже въ VI в. у подунайскихъ Славянъ), глумцы, игрецы, плясцы, гудцы, свирцы, свиральники (mimi, histriones, joculatores etc.), съ гуслями, трубами, бубнами и другими инструментами, постоянно зазывали людей на скомрашества, игры, игрища, сборища и пр. Слѣды всѣхъ этихъ старинныхъ обычаевъ сохранились до сихъ поръ въ разныхъ пѣсняхъ, обрядахъ, играхъ, плясках; „пляшущій Славянинъ" (Sclavus saltans рядомъ съ mimus) былъ въ Германіи IX в. довольно обычнымъ явленіемъ.

Боги и другія сверхъестественныя существа удѣляли своимъ возлюбленнымъ людямъ свою помощь, свои знанія; такіе люди по своему знанію, стоя выше остальнаго простонародья, могли ему приносить добро или зло. Это—вѣды, вѣдуны, вѣдьмы, вѣщицы, знахари, чаровники, чародѣи, чернокнижники, чаровницы, чародѣйки, баяны, врачи и врачки, вражіи (ворожеи, врожки), кузельники, гатари или гадачи, влъхвы (волхвы, вухвы, вухвицы), колдуны, кудесники, виленики — вильцы, виленицы и пр. Все это люди свѣдущіе, знающіе больше чѣмъ простонародье, предсказывающіе, врущіе, влъснующіе (бормочущіе), бающіе разныя таинственныя слова, заговоры противъ разныхъ бѣдствій, кузла (чеш., оттуда поль. гусла), дѣлающіе разныя чары (черты и колдовства), коби (оттуда вѣроятно поль. кобета—чародѣйка, женщина), гадающіе по чертамъ и рѣзамъ, по крови, утробамъ приносимыхъ въ жертву животныхъ (утробные волхвы), по птичьему

граю, друзья вилъ и пр. Ихъ души могутъ выходить изъ тѣлъ, они могутъ превращать людей и себя въ разные предметы и животныя, мучить, морить спящихъ людей (морусы, моры, муры, зморы, кикиморы, вѣдогони), оборачиваться въ страшныхъ кровопійцъ оборотней, волкодлаковъ (волкъ, длака — волосъ, шерсть) и упирей (упырей, упёровъ, вепириновъ, вампировъ), духовъ оставляющихъ тѣло въ могилѣ и мучащихъ другихъ людей, пьющихъ ихъ кровь. Суевѣріе о волкодлакахъ должно быть у Славянъ очень древнее; его замѣтили у восточныхъ Славянъ, кажется, уже Греки V-аго в. до Р. Х., именно Геродотъ.

Колдовство практиковалось и въ княжескихъ родахъ. Колдуньями слыли полумиѳическія чешскія княжны Краковны, Кази и Любуша. На Руси, гдѣ водилось много волхвовъ, своихъ и чудскихъ, въ XI в. полоцкій князь Всеславъ считался колдуномъ и волкодлакомъ. Въ Болгаріи въ X в. слыли колдунами царевичъ Баянъ Симеоновичъ, который могъ тоже оборачиваться въ волка, и попъ Іеремія Богомилъ; о послѣднемъ разсказывали въ средніе вѣка балканскіе и русскіе Славяне, что этотъ еретикъ былъ въ навѣхъ (въ аду) на „Верзіуловѣ колу", т. е. въ колѣ, кругѣ волшебномъ (нын. серб. Врзино коло), названномъ по другому „волшебнику" среднихъ вѣковъ, римскому поэту Виргилію, италь. Вирджиліо, Верджиліо. Іеремѣ Богомилу приписывала православная церковь много ложныхъ, апокрифическихъ книгъ, въ томъ числѣ и разныя молитвы, заговоры недуговъ, трясавицъ, нежита, тѣ „болгарскія басни", какъ ихъ называли на Руси еще въ XVI вѣкѣ. Приверженцы Богомила, Богомилы или Бабуны (назвались такъ по горѣ Бабунѣ въ македонскомъ Пологѣ или Пелагоніи) считались вообще какъ-то особыми колдунами, такъ что „бабунска рѣчь" въ Сербіи XIV в. означало волшебство. Можно-ли дрчеш. бобонки (bobonek, суевѣріе) и поль. забобоны (zabobon) отнести къ бабунамъ или къ нѣм. popanz, неизвѣстно. Въ области чародѣйства отличались особенно женщины, которыя отъ этого своего умѣнья до недавна гибли подъ руками темной невѣжественной масы. Болгарія считалась всегда родиною разныхъ обаялницъ, магесницъ (magae), баснарокъ, лекарицъ, и пр., и одинъ Болга-

ринъ XVIII в. самъ сказалъ, что онъ побывалъ во многихъ земляхъ, но нигдѣ не видѣлъ „толико многу магесницы, като у тая наша земля бьлгарска".

Славяне вѣрили въ безсмертіе души, которая послѣ смерти переходила въ *рай*, прекрасный садъ, или въ *навь*, мѣстопребыванія навей (мертвецовъ, мертвыхъ, срв. дрчеш. унавити—убить, и дрполь. ныя—по выдумкѣ Длугоша провожатый усопшихъ). Тѣла мертвыхъ хоронили въ лѣсахъ, поляхъ, на перекресткахъ, погребали въ землѣ или сожигали, при чемъ жены и рабы умершихъ предавались смерти въ пламени или иначе. Похороны знатныхъ особъ сопровождались военною игрою, битвою, *тризною*, *трызною*, при чемъ дѣйствительно „трызнились" (чеш. трызнити—мучить, трызень—мука) до крови, и послѣ того пиромъ; надъ похороненнымъ насыпали *могилу* или *гомилу* (югослав.). Могилы многихъ знаменитыхъ князей сохранялись долго; такъ на пр. еще въ XII в. въ Чехіи показывали могилы княжны Кази и богатыря Стыра, а на Руси могилы Олега и Игоря; могилы многихъ казацкихъ молодцовъ существовали въ южной Руси еще недавно. У балтійскихъ Славянъ часто упоминаются могилы Славянъ, исполиновъ, въ Хорватіи каменная гомила Видомира (въ XIV в.), въ сербской народной поэзіи описывается могила войводы Каицы, и пр. Въ извѣстные дни поминали умершихъ родственниковъ пиромъ, яствами, которыя клали на могилы, приглашая покойныхъ дѣдовъ участвовать въ поминальномъ пирѣ; этотъ праздникъ называется на Руси дѣды, радуница (родуница?). Въ половинѣ V в. въ подунайскихъ славянскихъ земляхъ отпраздновали Гуны и Славяне великолѣпные похороны князя Атилы; они справили по немъ тризну, „играли" на коняхъ, прославляли подвиги покойнаго князя, и въ знакъ скорби обстригли себѣ волосы и разодрали лица до крови, чтобъ по такомъ богатырѣ грустить не слезами, а кровью; послѣ того отпраздновали огромный пиръ — *страву* на холмѣ, на которомъ лежалъ покойникъ, и наконецъ его похоронили. Подобно тому дунайскіе Славяне въ VI в. совершали тризны по умершихъ князьяхъ, восхваляли ихъ пѣснями, и пировали на ихъ могилахъ. На Руси въ X в. княгиня Ольга „приде къ гробу мужа, Игоря, плакася по

мужи своемъ и повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику и тризну творити, и Деревляне сѣдоша пити". Такія тризны совершались на Руси и послѣ введенія христіанства въ XI—XII вв.: „аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, мертвеца сожьжаху и по семъ собиравше кости вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ; сыпаху могилы верхъ холмомъ, дѣяху тризнища, битву, кожи кроянiе и лицедранiе, и плачъ безмѣрный". Подобно тому и въ Чехіи еще въ концѣ XI в. хоронили мертвыхъ въ рощахъ и поляхъ, и отправляли, по языческому обычаю, на распутьяхъ и перекресткахъ игры и скоморошества, какъ бы для упокоя душъ.

Старинныя народныя религіозныя вѣрованія уступали новымъ христіанскимъ очень медленно, и христіанская церковь не переставала ратовать противъ этихъ остатковъ поганыхъ, поганства (изъ латин. paganus), язычества (языкъ, по греч. ἔθνος, язычникъ — ἐθνικός). Какъ мало христіанскаго замѣтно на пр. въ южнорусскомъ *Словѣ о полку Игоревѣ*, въ пѣснѣ о походѣ Игоря противъ Половцевъ (1185 г.); пѣвецъ вѣщій Боянъ называется здѣсь внукомъ Велеса, Русичи—внуками Дажьбога, Половцы—дѣтьми Бѣсовыми, вѣтры—внуками Стрибога, Ярославна обращается къ свѣтлому и тресвѣтлому солнцу господину, князь Всеславъ великому Хорсу волкомъ путь прерыскаше и пр.; и только въ концѣ прославляются князья, которые боролись „за христьяны на поганыя плъкы". Между тѣмъ сѣверорусскій пѣвецъ или гудецъ *Задонщины*, прославляя, по примѣру пѣвца Слова о полку Игоревѣ, „пѣснями и гусельными словы" побѣду великаго князя Димитрія Ивановича надъ Татарами (1380 г.), избѣгъ уже всѣхъ тѣхъ языческихъ воспоминаній, и его князья удальцы молятся Богу и Пречистой его Матери и всѣмъ святымъ, сражаются за русскую землю и за вѣру христіанскую, православную, за святыя церкви противъ поганыхъ Татаръ.

Ревнители христіанской религіи у Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ, ратуютъ и въ средніе вѣка постоянно противъ такихъ остатковъ и воспоминаній язычества; они съ негодованіемъ отзываются о своихъ славянскихъ соотечественникахъ, что, не

смотря на принятіе христіанства, „овъ не сѫщимъ богомъ жьреть, овъ рѣкѫ богынѭ нарицаеть и трѣбѫ творить, овъ трѣбѫ творить на студеньци дъжда искы отъ нѥго, овъ кобенi пътичь смотрить, овъ сърѣтениѥ сѫмьнить сѧ, овъ мущьнъ тѣстъмь скотъ творѧ убиѥть"; что люди назвали богами „слънце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады, отъ камени устроя Трояна, Хърса, Велеса, Перуна"; что, особенно по украинамъ „вѣрують въ Перуна и въ Хърса и въ Вилы, ихже число тридевять сестрениць; огневи молятьса зовуще его Сварожичемъ; молятьса Роду и Рожаницамъ (Роженицамъ), и глаголють невѣгласы и мнять богы и богынями, и кладуть имъ требы, трапезу, короваи, хлѣбы, сыры, медъ, и рѣжють куры; жруть бѣсомъ и болотомъ и кладезимъ, поганьски вѣрують въ срящу-стрѣчю, закыханіе — чехъ, птичій грай и другую кобь", и пр Подобно тому и въ Чехіи XI — XII вв. духовенство ратовало противъ разныхъ суевѣрій „глупаго полуязыческаго сельскаго народа", который почитаетъ разныя сверхъестественныя существа (Oreadas, Dryadas, Hamadryadas), студенцы—колодцы, огни, святые боры и деревья и камни, приноситъ на горахъ и холмахъ и студенцахъ жертвы кровавыя и другія, молится сдѣланнымъ имъ идоламъ (дѣдкамъ), и проситъ оберегать домы. Всѣ эти старинные обычаи соблюдались у Славянъ южныхъ, восточныхъ и западныхъ еще въ XI—XII и позднѣйшихъ вѣкахъ, когда тѣ Славяне съ IX—X вѣковъ познакомились съ христіанствомъ. Между тѣмъ у балтійскихъ Славянъ тогда процвѣтало старинное язычество, и въ ихъ святыняхъ Радигощѣ, Арконѣ, Щетинѣ, Волынѣ, Бранденбургѣ и др., передъ идолами Сварожича — Святовита—Яровита — Триглава, Перуна и другими, жрецы совершали богослуженіе, приносили жертвы кровавыя и безкровныя, гадали при помощи священныхъ копьевъ и коней объ успѣхѣ или неуспѣхѣ задуманнаго похода, а при помощи меда въ рогѣ Святовита и большаго пирога объ урожаѣ; почитали святоборы, священныя деревья, родники, камни и пр.

Небесныя тѣла не только почитались какъ божества; они считались тоже „мѣрильщиками" времени, часа, года, годины, т. е. вообще времени, потомъ извѣстнаго времени, года

солнечнаго, мѣсяцевъ. Теплая, жаркая половина года (врѣмя — врѣти), яро (ярое время) или весна (санскрит. vasanta отъ vas — засіять, vâsara—день, литов. vasara —лѣто), лѣто, было важнѣе холодной осени и зимы. За небесными тѣлами слѣдили, придумали для созвѣздій разныя подходящія названія, объясняли себѣ ихъ перемѣны по своему. Такъ на пр. затмѣніе солнца и мѣсяца объясняли себѣ тѣмъ, что ихъ съѣдаютъ волхвы; въ XI в. на Руси говорили „невѣгласы мѣсяць снѣдаему сущу", и въ Чехіи въ XIII в. утверждали, что во время затмѣнія мѣсяцъ ѣдятъ вѣды (вѣдуны); въ Сербіи въ XVI в. говорили селяне, что „єгда погыбнеть луна или сльньце, влькодлаци луну или сльньце изѣдоша". Слѣды такихъ воззрѣній замѣтны до сихъ поръ въ народной письменности. Мѣсяцъ считался „мѣрильщикомъ" (mensis—metiri) извѣстной части года, мѣсяцевъ; разнообразныя ихъ названія у Славянъ, принятыя по явленіямъ природы (просинецъ — солнце просіяло, мѣсяцы, когда распускаются береза, дубъ, липа, когда собираютъ траву, хлѣбъ серпомъ, мѣсяцы ледяной, лютый, листопадъ и пр.), указываютъ на довольно позднее происхожденіе этихъ названій. Также и названія дней въ семидневной недѣлѣ поздняго христіанскаго происхожденія (недѣля — воскресенье, дни вторый, четвертый, пятый послѣ воскресенья, средній, жидовская суббота); только по названію четвертка у полабскихъ Славянъ „Перунь день" можно бы было заключить, что и Славяне когда-то знали названія дней въ недѣлѣ по божествамъ, подобно Римлянамъ (dies Jovis, Jeudi) и Нѣмцамъ (Donarstag, Thursday).

Остатки и слѣды старинныхъ вѣрованій сохранились, больше или меньше, до сихъ поръ въ народной письменности всѣхъ Славянъ, особенно южныхъ и восточныхъ, въ сказкахъ, пословицахъ, пѣсняхъ, обрядахъ, плясках, играхъ, обычаяхъ и пр. Въ нихъ сказалось единство Славянъ часто поразительнымъ образомъ, не смотря на разнообразное чужое вліяніе. Христіанство не могло, конечно, упразднить всѣ эти вѣрованія и взгляды, и часто прикрыло ихъ только по своему. Христіанскія понятія и воззрѣнія, почерпнутыя изъ книгъ истинныхъ и ложныхъ (апокрифовъ), смѣшались со старинными народными вѣрованіями, которыя постоянно проглядывали подъ новымъ христіанскимъ

покрываломъ. Съ другой стороны эти новыя воззрѣнія проникали тоже въ произведенія народнаго творчества, и измѣняли ихъ; такъ на пр. нѣкоторыя апокрифическія разсказы о созданіи міра нашли себѣ путь и въ народную славянскую письменность, въ пѣсни, сказки и пр. Легенда, духовный стихъ, не всегда принимались всецѣло въ первоначальной формѣ; съ одной стороны примѣшались къ нимъ народныя преданія, а съ другой стороны этотъ новый элементъ повліялъ и на произведенія народнаго творчества. Старинныя божества Сварожичи скрылись подъ именами христіанскихъ святителей, которые напоминали имена или дѣйствія старинныхъ боговъ. Св. Георгій (Егорій, Юрій) храбрый, сражающійся съ змѣемъ, прикрылъ Сварожича Солнце лѣтнее, прогоняющее смерть, зиму, и оживляющее всю природу, благопріятствующее земледѣлію и скотоводству. Св. Власій (Власъ), покровитель скота, замѣнилъ на Руси Велеса, Волоса, скотьяго бога; св. Илья—громовникъ-огненный (20 іюля) замѣнилъ Перуна, и къ нему присоединилась у Болгаръ и Сербовъ огненная Марія (блажена Марія 17 іюля), и тоже св. Пантелеймонъ, Пантелія (27 іюня), повелитель жаровъ (врућинъ), который на южной Руси и назвался Палій (палить); св. Николай у южныхъ Славянъ сталъ повелителемъ водъ, и замѣнилъ такимъ образомъ морскаго царя. Нѣкоторыя имена боговъ и другихъ такихъ существъ сдѣлались, со временъ принятія христіанства, именами злыхъ боговъ, злобоговъ, бѣсовъ, чертей, на пр. Велесъ у Чеховъ, Дабогъ у Сербовъ; имя Троянъ (вѣроятно по римскому цѣсарю Траяну) попало тоже въ число югославянскихъ боговъ, а у Сербовъ оно означаетъ теперь царя злобога боящагося солнца, подобно другому злобогу царю Дукляну. Слово вила означало въ древнечешскомъ и древнепольскомъ языкахъ—глупый, сумасшедшій. Богини у Сербовъ—оспа, богинки, богенки у Поляковъ—дивожены, крадущія дѣтей.

Солнце, мѣсяцъ, звѣзды, огонь, вѣтры, вода, земля, являются въ народной славянской письменности, въ пѣсняхъ (обрядовыхъ), сказкахъ, пословицахъ, заклятіяхъ и пр., до сихъ поръ олицетворены, какъ извѣстныя царствующія лица. Солнце царствуетъ въ блестящихъ чертогахъ—теремахъ, и живетъ вмѣстѣ

съ мѣсяцемъ и звѣздами; у него есть отецъ богъ, который называетъ его своимъ дорогимъ чадомъ, невѣста Марія—Яня—Грозданка, сестра Денница, и деверь огненный; къ солнцу, все знающему дѣду—всевѣду, къ мѣсяцу, къ вѣтрамъ, часто обращаются люди съ просьбами, вопросами, пожеланіями (на пр. болг.: да ма изгори господ слънце-то!). Подобно тому и живый огонь (ватра), молнія (серб. муња), перунъ, громъ, божій посолъ, громовая стрѣла—часто вызываются къ своей дѣятельности „бьющаго“ бога: поль. niech cię piorun trzaśnie, словен. (въ Междумурьѣ) perūn te ubi; чешск. ať do tebe hrom udeří, серб. тако ме живи огань (ватра) не сажегао, болг. убил те бог, серб. бог старн крвник (убійца) да га убије, малорусск. бодай тебе перунъ убивъ. Сербскій и болгарскій обрядъ додолы, дѣвушки овѣшенной травами, пляшущей и просящей во время засухи дождя, — остатокъ обожанія земли, и пр.

Праздники—святки солнца, рождающагося и оплодотворяющаго природу, пріурочены къ христіанскимъ праздникамъ. Празднованіе сопровождалось разными обрядами, въ которыхъ старинные славянскіе обряды могли смѣшаться съ чужими; равнымъ образомъ Славяне приняли и нѣкоторыя чужія названія праздниковъ. Рожденіе солнца пріурочено къ христіанскимъ святкамъ Рождества Христова, къ Божичу (югославя., малый богъ), къ концу декабря — просинца, когда солнце начинаетъ сіять, просіять (највећа је зима, кад се сунце рађа—говорятъ Сербы). Эти святки назывались у Славянъ—подъ вліяніемъ греческимъ и латинскимъ — *коланды*, *колады*, *коляда*, *колада*, *коледа* (изъ латин.-греч. calendae, καλάνδαι, именно январскія, съ которыхъ или съ 25 декабря—Рождества Христова, начинался христіанскій годъ). Слово коледа означаетъ еще у Болгаръ Рождество Христово, и перешло на самаго божича (бог се роди коледа, тоже у восточныхъ Сербовъ: хубава коледо, мушко чедо коледо); но у большинства Славянъ это слово коляда, коляда, коледа, сдѣлалось уже названіемъ обрядовыхъ пѣсней колядокъ, которыя поются съ Рождества до Крещенія. Въ сочельникъ, щедрый вечеръ, крачунъ —корочунъ (у Болгаръ, Русскихъ, Словаковъ, и у Словѣнъ, такъ какъ это слово знаютъ и Румыны и Угры, вѣроят-

но переводъ латин. adventus Domini, срв. югослав. крак—нога, кракати—шагать, корак—шагъ), въ вечеръ бадньи—бъдни, бъдник (югослав.), когда надо бдѣть (срв. латин. vigilia), у южныхъ Славянъ зажигаютъ колоду (бадньак, бъдник), и посыпаютъ этотъ пылающій символъ рождающагося свѣтлаго, яркаго, грѣющаго божества, зерномъ и поливаютъ его виномъ, выражая въ пѣсняхъ и молитвахъ пожеланіе урожая. Эти божичевыя пѣсни, коледы, равнымъ образомъ какъ и русскія колядки (колёдушки), которыя отъ части относятся до сихъ поръ къ солнцу, малорусскій обычай скрыванья хозяина за большимъ пирогомъ—хлѣбомъ желающаго урожая, какъ это дѣлалъ и у балтійскихъ Славянъ XII в. жрецъ на Ранѣ: все это отголоски стариннаго народнаго богослуженія Сварожичу Солнцу.

Воскресеніе природы весною, яромъ, подъ вліяніемъ грѣющаго солнца, пріурочено къ христіанскому празднику Воскресенія Христова, къ Пасхѣ, и къ празднику св. Георгія, который прикрылъ Сварожича Солнце, отмыкаетъ, отворяетъ землю, оберегаетъ земледѣліе и скотоводство; ему же въ Болгаріи на холмахъ приносятъ въ жертву барашка, закалываемаго старикомъ, и боговицу (прѣсный хлѣбъ). У западныхъ Славянъ сожигали или утопали зиму, смерть, морену, соломенное чучело, при извѣстныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ; въ Польшѣ въ XVI в. одна такая пѣснь начиналась словами: Śmierć się wije po płotu szukającу kłopotu. На Руси закликаютъ весну, справляютъ красную горку, пѣснями и плясками. Лѣтній праздникъ Солнца пріуроченъ особенно къ двумъ христіанскимъ праздникамъ, къ Духову дню, Троицѣ, Пятидесятницѣ (зеленые святки, лѣтницы) и къ празднику св. Ивана Предтечи. Зеленые святки назывались у Славянъ тоже *русалія*, *русаліи* (изъ греч. ῥουσαλία, латин. pascha rosarum, словѣн. и дрсерб. русалии—πεντηκοστή), что сохранилось отъ части до сихъ поръ у угорскихъ Словенцевъ (risale) и Словаковъ (rusadla, rusadljé, rusadelné svátky), и у западныхъ Сербовъ (rusalje, rusalji - petdesetnica, duhovi, trojica); на Руси русальная недѣля, болгар. русальница—недѣля передъ Троицею. Но уже рано слово русалія, русаліи, стало означать, особенно на Руси, а тоже у Сербовъ, не святки, а обряды, игры, языческаго харак-

тера, сопровождаемыя скоморохами (своими и иностранными), гуслями, трубами, и совершаемыя въ разные дни, не только въ русальную недѣлю, но тоже на канунѣ Рождества, Крещенія, св. Ивана Предтечи и пр. Такъ уже въ XI в. на Руси сѣтовали на то, что „превабляють ны отъ бога трубами и скоморохы, гусльми и русальи на игрища“. Подобно тому въ XI в. и въ Чехіи порицали полуязыческихъ поселянъ, что они на Троицу соблюдали еще суевѣрные обычаи, и приносили злымъ духамъ жертвы на студенцахъ, что они вообще отправляли похороны въ рощахъ и поляхъ, игры на распутьяхъ, какъ бы для упокоя душъ, и безбожныя и безстыдныя скоморошества надъ своими покойниками, имѣя маски на лицахъ и крича на пустыя тѣни (scenas in biviis et in triviis, quasi ob animarum pausationem, et jocos profanos super mortuos suos, inanes cientes manes, ac induti faciem larvis bachando exercebant). Подобно тому на Руси еще въ XVI в. „въ Троицкую суботу сходятся мужи и жены на жальникахъ, и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаньемъ, и егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же отъ плача преставше начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сотонинскіе пѣти на тѣхъ же жальникахъ; въ великій четвертокъ кличютъ мертвыхъ, о велицѣ дни творятъ окличкн на радуници (родъници) и всякое бѣсованіе“. Противъ такихъ „русалій“ и бѣсовскихъ игръ съ скоморохами, ходившими ватагами, глумцами, игрецами, плясцами, гудцами, гусельниками, пьяницами, съ гуслями, сопѣлями, трубами, бубнами, бѣсовскими пѣснями, на бѣсовскихъ игрищахъ, сборищахъ, стогнахъ, свадьбахъ— не переставала возставать православная церковь, особенно на Руси. У Словаковъ еще въ XVI в. запрещаются распутныя пляски на русальные праздники (neporádné tance obzvláště na rusadelné svátky). При такихъ играхъ скоморохи надѣвали маски, личины, разныя „неподобныя одѣянія“, тоже маски животныхъ, коня (бѣсовской кобылки), козы (срв. „козлогласованіе“ кормчихъ книгъ XIII в.), тура (срв. маску турицу въ Дубровникѣ). По этой послѣдней маскѣ зеленые святки у западныхъ Славянъ называются тоже турицы.

Другой лѣтній праздникъ Сварожича Солнца, солнечнаго крѣса, крѣсинъ (югослав., mutatio temporum, solstitium, срв.

общеславян. кресить, воскресить), прiуроченъ къ 24-ому iюня, къ дню св. Ивана Крестителя. Тогда, ночью съ 23-аго на 24-ое iюня, солнце придаетъ растенiямъ, водѣ и пр. особенную волшебную и цѣлебную силу. Въ эту ночь мужчины и женщины отправляли тѣ „сборища, игрища межи селы" (рус.), при чемъ мужчины „умыкали" себѣ дѣвицъ, купались (оттуда прозвище св. Ивана Купало), прыгали черезъ пылающiе огни—крѣсы (югослав.), соботки (поль., вѣроятно уже подъ христiанскимъ влiянiемъ: соботка, собота—канунъ праздника), творили „огненное скаканье" (въ южной Руси XVI в.); въ эту ночь въ Болгарiи въ XIII в. Богомилы (а несомнѣнно и православные) творили „вльшвенiа и плодовъ влаченiа и еликаа въ тъ нощь скврьнаа таинства", противъ которыхъ возставала православная церковь. Въ Польшѣ въ XVI в. плясали и пѣли „pieśni plugawe" (скверныя), и творили „około sobótki rozmaite złości", противъ которыхъ ратовали польскiе моралисты тѣхъ временъ. На Руси въ XVI в. творили всѣ тѣ „богомерзкiя дѣла, бѣсовскiя пѣсни, игранiе сатанинское, безчинный говоръ, русалiи, глумы, игры, скомрашества, кличъ, плесканiе, плясанiе, главами киванiе, хребтомъ вихлянiе, ногами скаканiе и топтанiе, гудѣнiе въ гусли, сопѣли, бубны, отрокомъ оскверненiе и дѣвамъ растлѣнiе"; тогда „огавницы мужiе и жены и дѣвицы, чаровницы, исходятъ по лугомъ и по болотомъ и въ пустыни и въ дубравы, ищуще смертныя травы, отравнаго зелiя, копаютъ дивыя коренiя, отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричанiемъ, аки бѣсни, и умываются водою". Такими словами рисуетъ православная русская церковъ XVI в. всѣ тѣ старинные обычаи, которые сохранились, больше или меньше, у Славянъ до сихъ поръ.

Разныя миѳическiя преданiя, смѣшанныя съ позднѣйшими христiанскими воззрѣнiями и съ разными книжными премудростями, почерпаемыми изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ (изъ баснословныхъ сказанiй западноевропейскихъ, византiйскихъ, восточныхъ и др.)—живутъ въ народной поэзiи славянской, именно въ русской, болгарской и сербской, до сихъ поръ. Сюда относятся сказанiя, въ которыхъ являются говорящiя животныя, великаны, исполины - споли (срв. споръ-великiй), волоты,

велеты, велетни, дивы, обры, обрины (по народу Обровъ, Аваръ), столымы (дрполь. и кашуб. изъ нѣмецкаго), сильные богатыри, добрые молодцы, юнаки, борющіеся съ чудовищами, змѣями, съ препятствіями природы, взбирающіеся на хрустальную гору, освобождающіе царевну, и пр. Въ этихъ сказаніяхъ, хотя измѣненныхъ въ слѣдствіе разныхъ чужихъ вліяній, встрѣчаются многія общія всѣмъ Славянамъ черты, остатки старинныхъ общеславянскихъ миѳовъ.

Народная *эпическая поэзія* у Славянъ не общая, всеславянская; ея источникъ надо уже отыскивать у каждаго отдѣльнаго народа славянскаго. У западныхъ Славянъ, у Чеховъ, Словаковъ, Поляковъ, лужицкихъ Сербовъ, и у южныхъ Словенцевъ, народной эпической поэзіи нѣтъ, и, въ историческое время, не было; есть только отдѣльныя пѣсни историческаго содержанія. У южныхъ Славянъ, у Болгаръ, Сербовъ и отъ части у Хорватовъ, народная эпическая поэзія процвѣтала въ древнія времена, и ея отголоски можно замѣтить уже въ югославянской діоклейской лѣтописи XII в. Въ болгарской и сербской народной эпической поэзіи осталось не много воспоминаній о лицахъ и событіяхъ до-турецкаго періода; они заслонены страшною катастрофою турецкаго завоеванія, косовскою битвою и ея роковыми послѣдствіями, гибелью Сербіи и Болгаріи и подвигами тогдашнихъ юнаковъ, князя Лазаря, Милоша Кобиловича (позже Обилича), Юговичей, царя Іоанна Шишмана, измѣною Вука Бранковича, и др. Юнаки сербскаго и болгарскаго эпоса отъ части лица историческія, но разукрашенныя народною фантазіею, отъ части лица въ исторіи неизвѣстныя; это послѣднее замѣтилъ уже одинъ Византіецъ въ началѣ XIV в. Такъ на пр. юнаки Каица, Момчило, Стоянъ и Дойчинъ совсѣмъ неизвѣстныя лица, а самъ любимый юнакъ сербскаго и болгарскаго эпоса, королевичъ Марко Вукашиновичъ, это олицетвореніе сербско-болгарскаго юначества вообще, лицо въ исторіи мало извѣстное. За сербскими и болгарскими юнаками косовскаго кружка, боровшимися противъ Турокъ, слѣдуютъ такіе же юнаки угорско-сербскіе и хорватскіе, Якшичи, Сибинянинъ Янко (Янъ Гуняди), Свилоевичъ (Силадьи), Секула, Иво Сенянинъ, Николай Зринскій и др.,

гайдуки (между ними прославляется особенно Новакъ), наконецъ юнаки черногорскіе и сербскіе, взявшіеся за оружіе для освобожденія сербскаго народа отъ турецкаго ига. У южныхъ Хорватовъ въ Далмаціи юнацкія пѣсни (именно стихъ 15-и и 16-и сложный, а не 10-и-сложный), преимущественно пѣсни чисто сербскаго происхожденія (косовскія, о Маркѣ, о угорско-сербскихъ юнакахъ), назывались, неизвѣстно почему, болгарскими (бугаркини, бугарштицы). Примѣшавшіяся къ историческому разсказу баснословныя сказанія могутъ быть остатки миѳическихъ преданій или просто остатки разныхъ такихъ баснословныхъ сказаній западноевропейскихъ, византійскихъ, восточныхъ; на пр. борьба юнака Милоша Воиновича съ трехголовымъ чудовищемъ Балачкою войводою изъ Леђана града, борьба Высокаго Стефана съ дивами, Вукъ змѣй-огненный, Секула освобождаемый отъ трехголовой змѣи самовилами, и пр.

Въ русскомъ народномъ эпосѣ, въ *былинахъ*, замѣтно нѣсколько историческихъ наслоеній, замѣтны примѣсь миѳическая и христіанская, библейская и сказанія апокрифическія, византійскія, восточныя и западноевропейскія; баснословный элементъ можетъ быть не только остаткомъ миѳическихъ временъ, но тоже простой переходъ такихъ баснословныхъ сказаній изъ византійскихъ или восточныхъ источниковъ, воспоминанія о св. Георгіѣ змѣеборцѣ; такъ борьба Добрыни Никитича съ Змѣемъ Горыничемъ, борьба Алеши Поповича съ Тугариномъ Змѣевичемъ, и пр. Древніе русскіе богатыри, защитники русской земли противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, дѣйствуютъ либо самостоятельно, либо сгрупировались около кіевскаго князя Володимера, другіе дѣйствуютъ въ Новгородѣ. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ имена историческихъ лицъ, какъ на пр. Добрыня, Алеша Поповичъ, Ставеръ, Василій Буслаевичъ, Илья Муромецъ и др. Нѣкоторыя имена доходятъ до очень отдаленныхъ временъ, какъ на пр. Добрыня Никитичъ до X вѣка; Илья „Моровлинъ, Муравленинъ“ считался въ XVI—XVIII вв. въ югозападной Руси знаменитымъ богатыремъ, славнымъ воиномъ, и его останки покоились въ Кіевѣ около собора св. Софіи. Но кромѣ этихъ именъ богатырей въ былинахъ нѣтъ ничего истори-

ческаго. Имена другихъ богатырей въ исторіи совсѣмъ неизвѣстны; нѣкоторые богатыри перенесены на Русь извнѣ, и здѣсь окрещены и раскрашены на русскій ладъ; такъ Птоломей сдѣлался на Руси Вотолманомъ, Волотоманомъ, Волотомъ Волотовичемъ, святый Егоръ, Егорій храбрый—Святогоромъ, св. Михаилъ изъ Потуки — Михаиломъ Потыкомъ, Потокомъ, и пр. Нѣкоторыя имена, заѣзжихъ богатырей и ихъ родины какбы напоминаютъ давнишнія сношенія Славянъ русскихъ съ другими Славянами и съ другими народами; такъ на пр. имя богатыря Дуная Ивановича можетъ указывать на Дунай, священную рѣку Славянъ, откуда „разидеся словѣнскій языкъ"; въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ изъ богатаго города Волыня и о Соловьѣ Будиміровичѣ изъ славнаго города Леденца изъ-за синяго моря волынскаго изъ земли веденецкой—можетъ быть, слышны отголоски старинныхъ сношеній восточныхъ, русскихъ Славянъ съ западными, балтійскими „Ляхами", какъ этихъ Славянъ называли на Руси еще въ XI—XII вв., съ землею „лядьскою", „венедскою", съ городомъ Волынемъ, гдѣ проживали уже въ XI в. русскіе купцы; а городъ Леденецъ можетъ быть тотъ же самый что Леђан град сербскихъ пѣсней. Чурила Пленковичъ изъ Сурожа можетъ указывать на связи Русскихъ съ Сурожемъ, съ тамошними франко-итальянскими купцами. Къ древнимъ богатырямъ присоединились потомъ и новые русскіе богатыри, которые тоже сражались съ врагами Руси, съ Татарами; это казаки, защищавшіе Русь на востокѣ и на югѣ противъ Татаръ и Турокъ, завоевавшіе Сибирь (Ермакъ), но тоже бросавшіеся на русское государство (Разинъ). Старые и новые богатыри часто смѣшиваются, равнымъ образомъ какъ и смѣшиваются событія, времена и пр. Кромѣ эпическихъ пѣсней о богатыряхъ и о казакахъ русскій народъ на сѣверѣ помнитъ въ своихъ историческихъ пѣсняхъ нѣкоторыя другія событія временъ царей Ивана Грознаго, Алексѣя Михайловича, Петра Алексѣевича и др.

Былины сохранились теперь только въ сѣверовосточной, Великой Руси, между тѣмъ какъ въ югозападной Руси ихъ уже нѣтъ; но пѣсни о „былинахъ" (событіяхъ), о князьяхъ и богатыряхъ, о ихъ подвигахъ, пѣлись прежде и на югозападной Руси, какъ вид-

но изъ пѣсни о походѣ князя Игоря (Слово о полку Игоревѣ); былины объ Ильѣ Муравленинѣ и о Соловьѣ Будиміровичѣ были въ югозападной Руси извѣстны еще въ XVI в., и отголоски древней былины сохранились отъ части до сихъ поръ въ сказаніи о богатырѣ Михаилѣ, который во время князя Володимера живетъ въ Кіевѣ, сражается съ Татарами, и уноситъ въ Царьградъ золотыя ворота. Но эти старинныя былины исчезали передъ новымъ предметомъ, который проникнулъ жизнь русскаго народа на югѣ, и отразился въ эпической его поэзіи; это борьба казаковъ богатырей (рыцарей) съ Татарами и съ Турками, по Днѣпру и по Черному морю. Память объ этой борьбѣ сохранилась въ *думахъ* и пѣсняхъ о рыцарѣ Байдѣ (князѣ Димитріѣ Вишневецкомъ) погибшемъ въ Царьградѣ, о Самуилѣ Кошкѣ, о бѣгствѣ трехъ братьсвъ изъ Азова, о тяжеломъ положеніи „плачѣ“ невольниковъ, и пр. Кромѣ этой борьбы съ магометанскимъ міромъ предметомъ южнорусской или малорусской эпической поэзіи — борьба съ Ляхами, думы и пѣсни о Хмѣльницкомъ, Нечаѣ, Морозенкѣ, Перебійносѣ, Паліѣ, Зализнякѣ и другихъ гайдамакахъ коліивщины, и преданіе объ уничтоженіи запорожской сѣчи.

Подвиги славянскихъ богатырей прославляли особые пѣвцы или гудцы, гусельники, гусляри, которые встрѣчаются у Славянъ съ древнѣйшихъ временъ и не вывелись до сихъ поръ. Такъ уже въ VI в. у южныхъ задунайскихъ Словѣнъ встрѣчаются такіе гудцы (гжсльники), игравшіе на гусляхъ (κιθάρα, словѣн. гжсли). На Руси полумиѳическій „вѣщій Боянъ“ пѣлъ пѣсни, и его „живыя струны сами княземъ славу рокотаху“. Подобно тому неизвѣстные пѣвцы Слова о полку Игоревѣ (XII в.) и Задонщины (XIV в.) прославляли подвиги князей-богатырей, по примѣру того-же „вѣщаго Бояна, кіевскаго горазда гудца, восхвалявшаго русскихъ князей пѣснями и гуслеными буйными словесы;“ такой же пѣвецъ Митуса жилъ въ XIII в. при дворѣ Даніила Романовича галичскаго. Но не одни пѣвцы, гудцы по призванію, часто слѣпцы или вообще калѣки, а тоже сами богатыри „творили и пѣли пѣсни“, играли на гусляхъ, „воскладали десять перстовъ на живыя струны“; между тѣмъ сербскія гусли — родъ скрипки съ одною струною, на которой играется смычкомъ; юж-

ные Русскіе играли на бандурѣ (греч. πανδοῦρα) или кобзѣ (гитарѣ). Такъ Соловей Будимiровичъ „пѣсни поетъ и гусли играетъ“, а казаки на Черномъ морѣ „медъ кружляють, на бандурках выгравають, що слухати мило“. На свадьбѣ Тимофея Хмѣльницкаго пѣлись казацкія думы, равнымъ образомъ какъ еще въ первой половинѣ XVII в. въ Хорватіи на пирахъ воины воспѣвали славу предковъ, особенно Милоша Кобиловича, кралевича Марка и Новака Дебеляка. Кромѣ того тогда сербскіе пѣвцы, бродя въ Польшѣ и южной Руси, пѣли думы о борьбѣ Поляковъ и Хорватовъ съ Турками. Юнацкія пѣсни поютъ сами сербскіе юнаки до сихъ поръ, и самъ черногорскій князь Николай берется за гусли и пѣсни. Народная эпическая поэзія была прежде богаче чѣмъ теперь, гдѣ она и у Славянъ восточныхъ и южныхъ, въ слѣдствіе распространяющагося просвѣщенія, мало по малу исчезаетъ. Славянскіе рапсоды нашего вѣка, сербскій Вишничъ, великорусскій Рябининъ, малорусскій Вересай, — вѣроятно одни изъ послѣднихъ славянскихъ пѣвцовъ, гуслярей, бандуристовъ (кобзарей, лирниковъ). Богатырскій элементъ былинъ примѣшался не рѣдко и къ духовнымъ стихамъ русскимъ, которые поютъ „калѣки (калики) перехожіе“; такой характеръ имѣютъ на пр. духовные стихи про Егорія—Георгія храбраго (св. Георгія), утверждающаго святую вѣру по всей землѣ свѣтлорусской или свято-русской.

У западныхъ Славянъ встрѣчаются въ XII—XIII вв. какіе-то joculatores въ службѣ князей чешскихъ и польскихъ (Коята Добрята, Юрикъ). Но эти joculatores были вѣроятно пѣвцы по образцу западноевропейскому, которые „тѣшили“ князей, вельможъ, народъ, пѣснями серіознаго и комическаго содержанія. Такіе joculatores приходили къ Славянамъ особенно изъ нѣмецкихъ странъ; по этому они назывались у южныхъ и восточныхъ Славянъ *шпильманы*. Это слово объясняется уже въ двухъ кормчихъ книгахъ XIII в., сербской и русской, словами глумецъ, игрецъ, и по этому даже св. мученикъ Ардалеонъ называется шпильманомъ (игрецъ, μῖμος); на Руси шпильманъ сократили потомъ вѣроятно въ шпынь (балагуръ, насмѣшникъ); эти шпильманы были тѣ чужіе бродячіе скоморохи, которые упоминаются на Ру-

си до XVII в. Такіе бродячіе нѣмецкіе музыканты и комедіанты (Аламаны) въ XVI в. тѣшили тоже Дубровчанъ, и учили ихъ „у трумбуне трумбетати", чтобъ съ ними потомъ выпить (потринкати).

9. Языкъ и письмо.

Славянскій „языкъ", какъ одно выработавшееся, установившееся и всѣми Славянами принятое средство взаимнаго пониманія и обмѣна мыслей, не существуетъ, равнымъ образомъ какъ нѣтъ одного „народа" славянскаго. Есть языкъ русскій и его нарѣчія (великорусское, малорусское, бѣлорусское, съ разными говорами), языкъ польскій и его нарѣчія (кашубское, мазурское, слензское и др.), языкъ чешско-словенскій, языкъ сербско-хорватскій и другіе „языки" славянскихъ народовъ. Если же нѣтъ славянскаго „языка", то нельзя говорить и о его „нарѣчіяхъ". „Славянскій языкъ" можетъ пониматься только какъ идеальный ближе неизвѣстный „праязыкъ" того въ историческое время неизвѣстнаго славянскаго „пранарода". Исторія знаетъ уже только славянскіе „языки". По этому трудно говорить о раздѣленіи славянскаго „праязыка" на нѣсколько языковъ въ доисторическое время. Полагаютъ, основываясь на двухъ различныхъ славянскихъ названіяхъ домашней птицы *пѣтуха*, который является въ средней Европѣ не раньше V в. до Р. Хр., что уже тогда Славяне раздѣлялись по крайней мѣрѣ на двѣ главныхъ отрасли; ибо западные Славяне называютъ ту птицу *когутъ*, *кокотъ*, а восточные и южные вообще пѣвуномъ—*пѣтухъ*, *пѣтлъ*, *петелинъ*, *пивацъ* и пр. Какъ бы то ни было, раздѣленіе славянскаго праязыка и пранарода на нѣсколько частей надо отнести къ древнѣйшимъ, доисторическимъ временамъ; адріатическіе Венеты, балтійскіе Свевы, днѣпровскіе Венеты, черноморскіе и дунайскіе Сарматы, говорили навѣрное на своихъ особыхъ языкахъ, какъ и ихъ потомки Словѣне, Ляхи и Русь. Какъ только записывается хотя бы то или другое славянское слово, тотъ или другой письменный памятникъ, славянскіе языки являются какъ строго опредѣленныя органическія единицы, которыя въ фонетическомъ отношеніи отличаются существенно другъ отъ друга. Такъ на пр. надо отнести къ доистори-

ческимъ временамъ отличительные знаки языка русскаго (полногласіе, отсутствіе носовыхъ звуковъ) и языка ляшскаго (отсутствіе полногласія, носовые звуки), и всѣ вопросы, почему Русскіе говорятъ *город* и *буду*, а Ляхи *гард*, *горд*, *грод* и *бждж*, надо считать пока необъяснимыми. По древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ языка—хотя бы это были только отдѣльныя имена и слова—видно, что уже въ древнѣйшее историческое время западные Славяне говорили: радло, меза или медза, ноц, земя, Древяне, выгон, розток, Ратиборовици, град (Чехи) и гард — грод (Ляхи), вльк, вълк, влк, вильк, муж (Чехи) и мжж (Ляхи); восточные Славяне (Русь): рало, межа, ноч, земля, Деревляне, изгой и выход, разток и розток, Мирятичи, город (а городъ только писали), вълк — волк, муж южные Славяне: рало, земля, изход, разток, а на востокѣ (дунайскіе и болгарскіе Словѣне): градъ, межда, пешть' кънязь, мжжь, сътьникъ, Свѧтоплъкъ, Богданишти, на западѣ (Словенцы, Хорваты и Сербы): град, међа —међа, пеђ, кнез, мож—муж, свет, полк—пльк (позже пук), Богдановићи, и пр. Названіе русской рѣки Березины записалъ уже Геродотъ вѣрно по правиламъ восточнославянскаго полногласія, Borysthenes т. е. Берестина (Березина) а не Брѣстина; въ названіи балтійско-славянскаго племени Varini, Varni, какъ его передаютъ Римляне и Греки, замѣтна правильная въ западно-ляшскомъ нарѣчіи форма варн (а не вран, врон), а въ названіи лужицко-сербскихъ Lugi—форма луг безъ носоваго звука. Нѣкоторыя словѣнскія слова въ готскомъ языкѣ, на пр. plinsjan—плѧсати, латинское слово колѧда (calendae) въ словѣнскомъ языкѣ—указываютъ на присутствіе носовыхъ звуковъ въ языкѣ дунайскихъ Словѣнъ уже въ II—IV вв. послѣ Р. Хр., что еще виднѣе по словамъ словѣнскимъ перешедшимъ въ языки волошскій и угорскій въ IX в. (munka, péntek и пр.). Въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ славянскихъ, на пр. въ переводахъ евангелій Остроміра или зографскаго, въ отрывкахъ фрейзингенскихъ, въ древнѣйшихъ русскихъ грамотахъ и въ Русской Правдѣ, въ древнѣйшихъ грамотахъ сербскихъ, и въ словахъ и именахъ встрѣчающихся въ древнѣйшихъ латинскихъ грамотахъ хорватскихъ, чешскихъ, ляшскихъ—являются языки словенскій, русскій, хорватско-сербскій, чешскій, ляшскій (балтійскій и польскій), уже со всѣми своими отличительными чертами.

Въ славянскихъ языкахъ и ихъ нарѣчіяхъ и говорахъ, хотя они въ фонетическомъ отношеніи представляютъ вообще опредѣленныя единицы, часто являются сходства, не только на этнографическомъ рубежѣ, но въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Такъ на пр. носовые звуки—важный знакъ языка ляшскаго и словѣнскаго, хотя эти два языка въ остальномъ существенно отличаются; въ другихъ же славянскихъ языкахъ болѣе близкихъ къ ляшскому (въ чешскомъ, полабско-сербскомъ) или къ словѣнскому (въ словенскомъ, хорватско-сербскомъ, русскомъ) носовые звуки, въ историческое время, встрѣчаются какъ очень рѣдкое исключеніе. Относительно глухихъ *ъ* и *ь*, которыя играютъ такую важную роль въ словѣнскомъ языкѣ, въ остальныхъ славянскихъ языкахъ замѣтно уже очень рано стремленіе выпускать ихъ или замѣнить ихъ чистыми: изъ *влъкъ* (вълкъ, вькъ, вылкъ) сдѣлали Русскіе и Словенцы волк (вълк), Поляки вильк, Чехи влък, влк, Хорваты и Сербы вльк, вук, Болгаре вльк — вълк; изъ *тръгъ* — торг (търг), терг, тарг, трьг, трг, тръг, търг; изъ *сътьникъ* — сотник (сътник), сетник, сьтник, сатник, сътник. Гласную *ѣ* произносятъ Поляки, Бѣлые Русскіе и Болгаре какъ *я* (вѣра—вяра), Чехи, Хорваты и Малые Русскіе какъ *и* (вира). Звукъ *ы* исчезаетъ въ языкахъ словенскомъ и хорватско-сербскомъ очень рано (въ IX—X вв.), въ чешскомъ начинаетъ исчезать съ XIV в., а только въ языкахъ польскомъ и русскомъ сохранился вполнѣ. Восточные Ляхи (Поляки) произносятъ *дь* и *ть* какъ *дзь* и *ць*, дзекаютъ и цекаютъ (дзеця — dziecię, дитя, словѣн. дѣтѧ), между тѣмъ западные Ляхи (балтійско-полабскіе) этого не знали, говоря детѧ (detą), что по всей вѣроятности и была первоначальная форма всѣхъ ляшскихъ нарѣчій; срв. поль. Wladislaus и Włodzisław, Mistignev и Mscis, Mscivoy. Бѣлые Русскіе, подобно Полякамъ, тоже дзекаютъ и цекаютъ, а *дз* встрѣчается тоже въ языкѣ словѣнскомъ (s), отъ части въ нарѣчіи македонскихъ Болгаръ (слъдза), и въ нѣкоторыхъ говорахъ великорусскихъ. Согласную *г* произносятъ Ляхи, восточные Русскіе, и Югославяне какъ *г*, остальные западные Славяне и Русскіе какъ (латин.) *h*, и такъ и въ одномъ краньско-словенскомъ говорѣ. Замѣна шипящихъ *ц* и *ч*, *с* и *ш*, *з* и *ж*, встрѣчается въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ:

цловѣк — цлавак — целовѣкъ, цръква — черкова, цри — чарни, цо — чо, ча — ца, деуса — душа, зена — зона, и пр. Свойственная чешскому языку перегласовка *а (ја)* въ *е (је)*, душа — душе, надѣја — надѣје, встрѣчается тоже въ одномъ говорѣ краньско-словенскомъ и червонорусскомъ. Слабые слѣды свойственнаго всѣмъ западославянскимъ нарѣчіямъ суфикса — *дло* (радло подлѣ рало на югѣ и на востокѣ) встрѣчаются въ одномъ хорутанско-словенскомъ говорѣ (шидло, мотовидло), и пр.

Разнообразно *удареніе* въ славянскихъ языкахъ, особенно въ русскомъ и югославянскихъ; въ другихъ, въ чешскомъ и въ югославянскихъ, отличаются краткія и долгія гласныя. И здѣсь является иногда сходство въ самыхъ отдаленныхъ славянскихъ языкахъ, на пр. въ ударенія нарѣчій великорусскаго и хорватскаго—чакавскаго: головà— гòлову, главà—глȁву, гòлосъ—глȃс, болòто—блȁто; также удареніе словенское (хорут.) часто сходно съ великорусскимъ. Чешская долгота гласныхъ имѣетъ извѣстную связь съ удареніемъ великорусскихъ полногласныхъ словъ, на пр. долгія чеш. крáва, клáда=русск. корòва, колòда, но краткія чеш. клас, глава=кòлосъ, головà.

Что касается *формъ* славянскихъ, то въ историческое время замѣтно во всѣхъ славянскихъ языкахъ стремленіе сократить первоначальное богатство формъ, какъ оно является еще въ языкѣ словѣнскомъ, и отъ части и въ древнечешскомъ. Оттуда происходитъ стремленіе упростить склоненіе и спряженіе; оттуда формы въ родѣ: рабами (рус. вмѣсто рабы), јеленима (серб. вм. јеленом,-их,-и), рыбом (поль. вм. рыбам), и пр.; исчезновеніе въ большинствѣ славянскихъ языковъ простыхъ прошедшихъ временъ (imperfectum, aoristus, несяхъ, несъ, несохъ), и замѣна ихъ сложными (неслъ ѥсмь), исчезновеніе двойственнаго числа и пр. Всѣ эти древнія формы не исчезли во всѣхъ славянскихъ языкахъ разомъ и одновременно; въ иныхъ онѣ сохранились больше или меньше, а въ другихъ только ихъ слѣды.

Въ *лексикальномъ* отношенія славянскіе языки можно раздѣлить на три части, западную, южную и восточную; но вмѣстѣ съ тѣмъ лексикальныя сходства встрѣчаются въ самыхъ отдаленныхъ нарѣчіяхъ. Такъ на пр. западнорусскія нарѣчія во многомъ

приближаются къ западно-славянскимъ, именно къ польскому, помимо того, что на нихъ польскій языкъ съ XIV—XV вв. имѣлъ сильное вліяніе. Но и въ сѣверныхъ великорусскихъ говорахъ попадаются многія слова, неизвѣстныя остальнымъ великорусскимъ говорамъ а извѣстныя западнымъ Славянамъ. Много одинаковыхъ, всѣмъ Славянамъ извѣстныхъ словъ приняло, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, новыхъ порядковъ, чужого вліянія и пр., у разныхъ славянскихъ народовъ различное значеніе, на пр. слова господинъ, князь, владыка, староста, кметь, землянинъ, добытокъ, быдло, красный, худый, черствый, и пр. Въ слѣдствіе сношеній Славянъ съ разноплеменными сосѣдями въ славянскіе языки перешло много чужихъ словъ, греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, чудскихъ, турецко-татарскихъ и др. Нѣкоторыя такія слова перешли къ Славянамъ очень рано, свидѣтельствуя о славянскомъ единствѣ и родствѣ въ древнѣйшія времена; такъ на пр. цѣсарь—царь (латин. caesar), краль (нѣм. karl), кънѧгъ—кънѧзь (нѣм. kuning), пѣнѧзь (нѣм. pening), колѧда (латин. calendae), цръкы (нѣм. chiricha), и пр. Нѣмецкое thiuda (deutsch, народъ) стало для Славянъ штуждь (чуждъ) и штудинъ (чудинъ т. е. великанъ), равнымъ образомъ какъ и славянское вѧтъ стало для Нѣмцевъ ent (великанъ). Другія чужія слова вошли въ отдѣльные славянскіе языки позже, греческія, турецкія, татарскія въ языки болгарскій, сербскій, русскій, латинскія и итальянскія въ языки адріатическихъ Славянъ, латинскія и нѣмецкія въ языки западныхъ Славянъ. Христіанство постоянныя политическія и культурныя сношенія Славянъ съ западомъ и съ востокомъ, способствовали водворенію чужихъ словъ въ славянскихъ языкахъ. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ областяхъ народнаго быта Славянъ ихъ единство нарушалось болѣе или менѣе; такъ на пр. отъ названій частей одежды уцѣлѣло уже не много одинаковыхъ славянскихъ словъ (плащъ, сукня, кожухъ и пр.), по большей части эти названія уже чужія, латинскія, нѣмецкія, французскія, итальянскія, турецкія, татарскія и др. (кабатъ, кафтанъ, армякъ, жупанъ—зипунъ, контушъ—кандушъ, сюртукъ; шаравары, кальготы, брюки; боты, чоботы, чижмы; клобукъ, капелушъ, шляпа, шеширъ, чапка, шапка и пр.). Языки иноплеменниковъ, съ которы-

ми Славяне сносились, повліяли тоже на граматическій строй славянскихъ языковъ; такъ языкъ балканскихъ автохтоновъ, Шкипетаровъ (Албанцевъ) и ихъ романизованныхъ потомковъ Влаховъ (Румуновъ), существенно нарушилъ строй языка Словѣнъ поселившихся на балканскомъ полуостровѣ, языка болгарскаго; нѣмецкій языкъ значительно повліялъ на строй западнославянскихъ языковъ, а языкъ послѣднихъ остатковъ полабскихъ Ляховъ является въ слѣдствіе этого вліянія совсѣмъ изуродованнымъ. Наконецъ, славянскіе языки вліяли тоже другъ на друга, чешскій на польскій, польскій на западно-русскій, словѣнскій на болгарскій, сербскій и русскій, и на оборотъ эти три на словѣнскій.

Языкъ извѣстнаго народа или нарѣчіе извѣстной части народа сдѣлались, въ слѣдствіе политической и культурной силы такого народа или его части, литературнымъ языкомъ у разныхъ племенъ этого народа, вытѣсняя ихъ нарѣчія; такимъ образомъ предотвращалось безконечное дробленіе языковъ, нарѣчій, говоровъ, и поддерживалось дальнѣйшее культурное развитіе народа посредствомъ одного литературнаго языка. Словѣнскій языкъ сдѣлался бы вѣроятно литературнымъ языкомъ всѣхъ или большинства Славянъ, если бы политическое могущество Великой Моравы или Болгаріи продержалось, и если бы подунайскіе Словѣне остались въ Панонiи и Дакiи какъ соединяющее звено почти всѣхъ Славянъ. Церковный словѣнскій языкъ изводовъ болгарскаго, сербскаго и русскаго былъ и въ послѣдствіи до извѣстной степени литературнымъ языкомъ православныхъ Славянъ; но такъ какъ онъ, подобно латинскому, сталъ скоро языкомъ мертвымъ, то онъ, подвергаясь все больше вліянію окружающихъ его живыхъ языковъ славянскихъ, съ наступленіемъ свѣтскаго элемента въ литературѣ вмѣсто церковнаго, долженъ былъ уступить живымъ языкамъ, русскому, сербскому, болгарскому. Нарѣчіе пражскихъ Чеховъ, политически и культурно сильнаго племени, сдѣлалось латературнымъ языкомъ остальныхъ племенъ въ Чехіи, Моравіи, и наконецъ тоже у Словаковъ. Подобно тому, нарѣчіе краковскихъ Поляковъ (Малополянъ), сдѣлалось литературнымъ языкомъ польскимъ, хотя само названіе „польскій“ принадлежитъ собственно Великополянамъ. На югѣ

нарѣчіе штокавское распространялось съ XVI в. въ ущербъ чакавскому, а позже въ ущербъ кайкавскому, и сдѣлалось литературнымъ языкомъ Хорватовъ и Сербовъ, литературнымъ языкомъ сербско-хорватскимъ или хорватско-сербскимъ. На востокѣ русскія племена, равнымъ образомъ какъ они образовали русскій народъ, соединены тоже однимъ письменнымъ языкомъ, который, не смотря на элементъ словѣнскій и на отличія русскихъ нарѣчій, носитъ на себѣ уже съ древнѣйшихъ временъ характеръ русскаго языка. Политическое раздвоеніе Руси отразилось и на ея языкѣ; на югозападѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ и польскаго языка, образовался западно-русскій оттѣнокъ русскаго литературнаго языка; на сѣверовостокѣ московскій говоръ сдѣлался письменнымъ языкомъ всей Великой Руси. Съ политическимъ могуществомъ Москвы, Великой Руси, московскій говоръ, великорусское нарѣчіе сдѣлалось литературнымъ языкомъ русскимъ. Этотъ языкъ сталъ важнымъ представителемъ единства русскаго народа, и, какъ сила матеріальная и культурная, можетъ со временемъ стать и важнымъ факторомъ въ сближеніи и соединеніи Славянъ.

Общеславянскія слова *писать*, *письмо*, *книга*, указываютъ на какую-то графику у древнихъ Славянъ. Кромѣ того есть слѣды, что Славяне до своего ознакомленія съ письмомъ греческимъ и римскимъ знали родъ письма, вѣроятно на подобіе нѣмецкихъ рунъ. О такомъ письмѣ есть положительныя свидѣтельства X вѣка у Славянъ балтійскихъ, восточныхъ и южныхъ. У послѣднихъ, именно у дунайскихъ Словѣнъ, такое письмо называлось *чрѫты* (черты) и *рѣзы*, которыми они не только читали, но и гадали, какъ и Нѣмцы съ своими таинственными рунами; *черта* тоже самое что *чара*, а чары означаютъ не только линіи, но и чародѣйство. Слово *рѣза* указываетъ на то, что такіе знаки вырѣзывались на *доскахъ* деревянныхъ; о такомъ способѣ замѣтокъ свидѣтельствуютъ уже выше упомянутыя славянскія слова мета (мѣта), вржбъ (врубъ), врѣзъ, порезъ, и можетъ быть и дррус. *рѣзъ*—процентъ. Слово *дъска*, *дъштица*, *дъщка*, *доска* *деска*, *дештька*, сохранилось, въ значеніи записи, грамоты, до позднѣйшихъ временъ, когда вмѣсто деревянныхъ таблицъ, до-

сокъ, письменнымъ матеріаломъ служили уже пергаминъ и бумага. Такъ въ Новгородѣ въ XIII в. досками называли извѣстныя записи, а въ XV в. въ Псковѣ извѣстныя грамоты, акты; Чехи же называли вообще записи, именно судебныя записи, книги, и потомъ вообще государственный архивъ—дески (desky zemské, tabulae terrae). Слово *книга* означало первоначально тоже доску (срв. поль. knieja—лѣсъ), и потомъ вообще письмо, запись, какъ и латин. caudex—codex, нѣм. buche (букъ)—buch (boka), что и приняли Словѣне, *букы*, *буква*, въ смыслѣ письменъ, книгъ. Слово *письмо* и *писать* означало тоже малёвать, какъ отъ части до сихъ поръ (писанное яйцо, писанный красавецъ). Какое было это древнеславянское письмо, ближе опредѣлить нельзя.

Славяне сносясь съ Греками и съ Римлянами, принимая христіанство, ознакомлялись съ болѣе удобнымъ письмомъ греческимъ и римскимъ, и попробовали его приспособить и къ своему языку. Это не было легко при большемъ богатствѣ славянскихъ звуковъ; ибо нельзя ни греческимъ ни латинскимъ письмомъ передать на пр. ъ, ь, ы, ѣ, ж, ѧ, ѫ, ч, ш, ж и пр. По этому Славяне писали съ начала свой языкъ „безъ устроенія“; по этому писались Свѧтоплъкъ (Светоплък, Свѧтоплък)—Σφενδοπλόκος, Sfetopelek, Suatoplik, Дръжиславъ (Дрьжислав, Држислав)—Dirsizlaus, Звьнимир—Svinimir, Плъзень—Plizen, Гъданьск—Gidanize, Пагачно—Pagenchno, Вышеславъ—Βοισέσθλαβος, Лютомыслъ—Lutomuslo, Чернин—Cyrnin, Chernin, Цатина—Τζεντίνα, Мѣшко (Мешько)—Mesco, Miseco, Чрезпѣняне — Circipani, жупанъ — ζουπάνος, zupanus (supa), сътьникъ (сътникъ)—setenik, setinik, и пр. Такъ писали Славяне западные и южные, Словѣне подунайскіе въ Византіи, и черноморскіе Русскіе, у которыхъ уже около половины IX в. были свои переводы нѣкоторыхъ христіанскихъ книгъ. Неустройство словѣнскаго правописанія устранилъ около половины IX в. ученый Солунянинъ *Константинъ* (*Кириллъ*), приспособивъ греческое письмо къ словѣнскому языку именно такимъ образомъ, что онъ придумалъ, при помощи удвоенія и разныхъ комбинацій греческихъ буквъ, особыя буквы для передачи выше упомянутыхъ славянскихъ (преимущественно словѣнскихъ) звуковъ. Это греческо-словѣнское письмо, это

„словѣньское письмо, словѣньскія письмена, книги, буквы, словѣньская азбука“, устроено прежде всего для языка Словѣнъ, а потомъ распространилось и къ другимъ Славянамъ. Словѣнское письмо основывается на двухъ видахъ греческаго алфавита, на письмѣ курсивномъ и на письмѣ унціальномъ. Первый видъ словѣнскаго письма былъ въ употребленіи въ западной Македоніи и Илиріи (словѣнской), Далмаціи (хорватско-сербской), Панонія (словѣнской), въ Моравіи (съ словенскою землею) и въ Чехіи. У западныхъ Славянъ этотъ видъ словѣнскаго письма исчезъ вмѣстѣ съ словѣнскимъ богослуженіемъ, и отъ словѣнскихъ рукописей сохранились незначительные остатки (отрывки пражскіе и кіевскіе). Въ Хорватіи (т. е. Истріи, южной Паноніи и въ Далмаціи) это словѣнское (словинское, славянское, тоже хорватское) письмо сохранилось въ церкви, съ начала вопреки воли папской куріи, потомъ съ ея одобреніемъ, и въ послѣдующихъ вѣкахъ, да отъ части до сихъ поръ; кромѣ того Хорваты употребляли это письмо и въ своей свѣтской литературѣ. Въ Македоніи и Илиріи (Албаніи) этотъ видъ греческо-словѣнскаго письма замѣненъ рано (съ XI—XII вв.) другимъ видомъ греческо-словѣнскаго письма унціальнаго, который возникъ вѣроятно въ восточной Болгаріи, но скоро, какъ болѣе удобный, распространился у балканскихъ Славянъ (за исключеніемъ Хорватовъ), въ Угрію и Румунію, и наконецъ на Русь. Названія обоихъ видовъ греческо-словѣнскаго письма, *глаголица* и *кирилица*, относятся къ позднему времени, къ XVI вѣку; оба они, въ сущности, представляютъ мысль и трудъ Константина философа, оба они „кирилица“, равнымъ образомъ какъ и словѣнскій языкъ древнѣйшихъ памятниковъ глаголическихъ (на пр. евангелій зографскаго, ватиканскаго, маріинскаго, псалтири синайской) и кириловскихъ (на пр. евангелій Остроміра и Савы, рукописи супрасльской)—одинъ, и всѣ эти памятники библейскихъ и литургическихъ книгъ, переводы съ греческаго, представляютъ результатъ трудовъ обоихъ братьевъ Солунянъ, Константина и Меѳодія. Имъ же, учителямъ словѣнскаго языка (народа), этотъ трудъ, уложенный безразлично въ рукописяхъ глаголическихъ и кириловскихъ, всегда приписывался; даже католическіе Хорва-

ты до XII в. не знали другихъ своихъ просвѣтителей, кромѣ Константина и Меѳодія, и только съ половины XIII в. стали свое словинское, хорватское письмо приписывать св. Іерониму.

Кирилица на Руси, употребляемая съ конца XVII в., со временъ преобразованій Петра Великаго, въ нецерковной, гражданской письменности, приняла болѣе круглый видъ, сдѣлалась гражданскимъ письмомъ (шрифтомъ), *гражданкою*, которая распространилась потомъ и къ Сербамъ и Болгарамъ. Католики въ Боснѣ и въ Хорватіи, чтобъ очличаться отъ своихъ православныхъ соплеменниковъ, придумали особый видъ кирилицы, *буквицу*. Югозападные Славяне, Чехи и Поляки, лужицкіе Сербы, Словенцы и Хорваты, употребляющіе латинское письмо, долго писали свои языки „безъ устроенія"; они, желая передать славянскіе звуки *ч*, *ш*, *ж* и пр., вынуждены были прибѣгать къ странному „правописанію" своей выдумки, или устраивали правописаніе по образцу нѣмецкому, итальянскому, угорскому. Неустройство такого славянскаго правописанія устранено только *І. Гусомъ*, который ввелъ въ латинскій алфавитъ діакритическіе значки, отличая c (ц) и ċ, č (ч), s и ṡ, š, z и ż, ž, r, ř и пр. Это чешское правописаніе принято позже лужицкими Сербами, Словенцами и Хорватами. Въ польскомъ языкѣ господствуетъ отъ части старинное неустройство (cz, sz, rz), отъ части употребляются діакритическіе значки (ą, ę, ė, ó, ć, ś, ź, ń, ż, ł).

Славянскій языкъ, подразумѣвая подъ этимъ общее лексикальное богатство всѣхъ славянскихъ языковъ, на сколько оно одинаково и сходно, составляетъ важное свидѣтельство о древнѣйшей славянской образованности въ доисторическія времена, о которыхъ не имѣется никакихъ письменныхъ извѣстій современниковъ. Если на пр. нынѣ всѣ славянскіе народы знаютъ слова (приводимъ только русскія ихъ формы): пшеница, хлѣбъ, груша, рало, плугъ, коса, городъ, законъ, соборъ, вѣче и пр.: то всѣ эти слова и означаемыя ими вещи и понятія существовали у Славянъ несомнѣнно еще въ тѣ отдаленныя времена, когда Славяне стояли другъ другу ближе, употребляя такія слова либо еще какъ первобытное общее арійское, либо уже какъ свое собственное славянское достояніе. При помощи этого общеславян-

скаго лексикальнаго богатства можно представить довольно полную картину древнѣйшаго быта Славянъ, принимая ихъ еще за одно національное цѣлое, за одну особь арійскаго племени. Земля и ея плоды составляла главное богатство народонаселенія, землевладѣльцевъ—землянъ, земцевъ, дѣдичей, унаслѣдовавшихъ землю—дѣдину, отчину или баштину отъ своихъ дѣдовъ и отцовъ, баштъ. Все, что добыто земледѣліемъ и скотоводствомъ, составляетъ добытокъ — движимое имущество вообще, и скотъ, збожіе (събожіе т. е. богатство)—поземельный участокъ, хлѣбъ и товаръ, статокъ—имущество, быдло—жилище и скотъ, который замѣнялъ деньги. Плоды земли составляли жито, чѣмъ жили, збожіе и обиліе, богатство разнаго рода: пшеница, рожь, ячмень, овесъ, просо, ленъ, разныя овощныя (фруктовыя) деревья, груша, яблоня, слива, вишня, и зелень (овощи), капуста, горохъ, чеснокъ и пр. Поля, роліи, нивы и гряды, лѣхи, въ огородахъ, обработывали, орали, пахали, разными земледѣльческими орудіями, раломъ и плугомъ, боронили бороною, жали косою, серпомъ; дальше употребляли грабли, мотыки, лопаты и пр. Хлѣбъ молотили цѣпами, и зерно мололи въ муку, и пекли въ печи хлѣбъ, колачи, варили кашу, приготовляли пиво и медъ. Другой источникъ богатства и пропитанія были домашнія животныя, скотъ, кони, быки, волы, коровы, бараны, овцы, козы, гуси, куры и пр. Лѣса доставляли разную дичь или звѣрину, рѣки и озера разную рыбу. Славяне занимались не только земледѣліемъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, охотой, а тоже ремеслами, торговлею и другими промыслами. Они знали ковы (металы), желѣзо, мѣдь, серебро, золото, и умѣли дѣлать разныя деревянныя, каменныя, кововыя орудія, оружіе или брань, мечи, копья, сулицы, стрѣлы, щиты, прилбы (шлѣмы), луки, пращи (пороки) и пр. Они умѣли прясть, ткать, шить, приготовлять платно—полотно и сукно, разное платье, рубы (рубахи), ризы, плащи, гащи, порты и пр. Они умѣли строить домы, кущи, хоромы, ладіи (корабли) и пр. Славяне жили въ открытыхъ селеніяхъ, селахъ или всяхъ (весь), и въ укрѣпленныхъ градахъ (городахъ), общинами и государствами, подъ начальниками, господарями, старостами, жупанами, князьями и пр. Они жили по своему

праву, правдѣ, по своимъ законамъ, совѣщались — особенно высшія сословія, боляре, земляне—съ своимъ князмъ о публичныхъ дѣлахъ на соборахъ, снемахъ, вѣчахъ. Они знали письмо и книги, и развили свои понятія о сверхъестественномъ мірѣ, о богахъ и о бѣсахъ, о небѣ, раѣ, нави, объ отношеніи человѣка къ этому міру. Это разсказываетъ языкъ, вполнѣ достовѣрный свидѣтель, о древнѣйшемъ бытѣ Славянъ, о степени славянской образованности тѣхъ отдаленныхъ временъ, о которыхъ исторія умалчиваетъ.

Больше двухъ тысячелѣтій прошло съ тѣхъ поръ, когда великая отрасль Арійцевъ, извѣстная въ послѣдствіи подъ названіемъ Славянъ, явилась впервые на историческомъ поприщѣ, и заняла огромныя пространства между морями адріатическимъ, балтійскимъ и Чернымъ. Славянскій языкъ „разидеся"; Славяне на западѣ, на югѣ и на востокѣ стали развиваться во многомъ самостоятельно, независимо другъ отъ друга, и не безъ вліянія сосѣдей иноплеменниковъ. Но племенное единство и родство все таки осталось преобладающимъ; все еще „бѣ единъ языкъ словѣнескъ: Словѣне иже сѣдяху по Дунаеви, гдѣ есть ныне угорска земля и болгарска, Хровате, Серебь и Хорутане, Морава, Чеси, Ляхове, и Русь". Это коренное единство, съ теченіемъ времени, во многомъ измѣнилось, его замѣнило во многомъ разнообразіе, но *разнообразіе въ гармоніи*, этотъ во всемъ вождѣленный идеалъ славянскій.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строка*	*напечатано:*	*должно быть:*
6	5	**сохранились**	**сохранилась**
16	30	**соедиенными**	**соединенными**
33	29	**дѣденъ**	**дѣдень**
38	26	**-ныя и національныя**	**-ные и національные**
61	5	**продолжая**	**продолжая**
90	10	**сосѣдами**	**сосѣдями**
93	14	**при —**	**при**
136	6	**знатнѣе**	**знатные**
—	9	**но**	**по**
139	6	**пѣтушей**	**пѣтушьей**
175	28	**другія**	**другіе**
193	55	**останки**	**останки**
208	22	**вождѣленный**	**вожделѣнный**

	DATE DUE		

